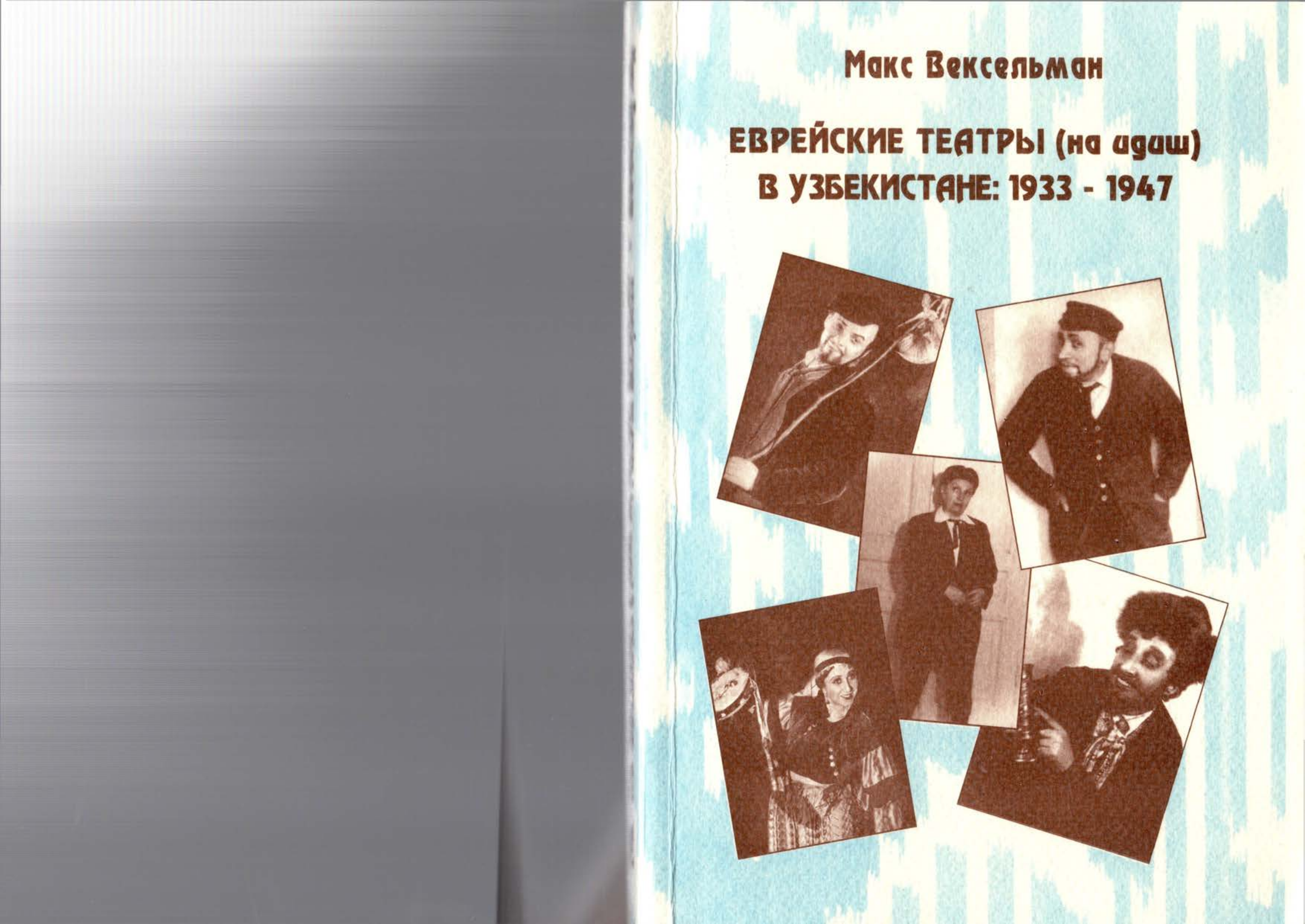

Макс Вексельман
ЕВРЕЙСКИЕ ТЕАТРЫ (на идиш)
В УЗБЕКИСТАНЕ: 1933 - 1947

Книга историка-архивиста и источниковеда Макса Вексельмана «Еврейские театры (на идиш) в Узбекистане. 1933 – 1947 гг.» – одно из первых исследований по истории еврейского театра (на идиш) в бывшем СССР. Хронологические рамки книги охватывают предвоенные и военные годы, а также несколько послевоенных лет. Исторические события, описанные в книге, происходили, в основном, на территории Узбекистана. Именно здесь в годы Отечественной войны и в первые послевоенные годы работали многие еврейские коллективы: Московский, Киевский, Харьковский, Одесский и Львовский ГОСЕТы, а также известные еврейские театральные ансамбли под руководством Сиди Таль, Клары Юнг и Анны Гузик. Для некоторых из этих театральных коллективов военный период (в эвакуации) стал последним этапом их творческого пути.

Над этой книгой автор начал работать еще в конце 1980-х гг., собирая и используя многочисленные источники: архивные документы, воспоминания артистов еврейских театров и их ближайших родственников, многочисленные литературные источники и материалы из периодической печати тех лет.

Книга обильно проиллюстрирована уникальными фотографиями, большая часть которых публикуется впервые. Издание снабжено также обширным научно-справочным аппаратом, который позволит читателю свободно ориентироваться в тексте. Живой язык и четкость изложения делают книгу Вексельмана вполне доступной и интересной для самого широкого круга читателей, интересующихся еврейской культурой.

Макс Вексельман

ЕВРЕЙСКИЕ ТЕАТРЫ (НА ИДИШ) В УЗБЕКИСТАНЕ: 1933 - 1947 гг.

ОЧЕРКИ ИСТОРИИ

ИЕРУСАЛИМ
"ФИЛОБИБЛОН"
2005

вости недели», Тель-Авив), «Калейдоскоп» (приложение к газете «Время», Тель-Авив) и «Форвертс» (Нью-Йорк), а полученные на них отзывы читателей помогли мне в дальнейшей работе над книгой.

Выражаю сердечную благодарность всем, кто помог мне в моей работе над книгой, особенно моим близким: жене Аиде Гофмарк и дочери Фаине Гильман – моим первым внимательным и взыскательным читателям. Благодарю также всех тех, от кого получил щедрые дары – сведения, воспоминания, тексты и фотоматериалы: Галину Амурову, Эльшу Безверхнюю, Елену Бидер, Карла Биркенталя, Исая Брандеско, Шадию Бурханову (Ташкент), Анну Вайсман (Нью-Йорк), Наталью Вовси-Михоэлс, Евгению Волк, Броню Гальперину, Иосифа Гельстона, Анну Додину, Дору Зак (Пшепюрку-Крельман), Дину Златую-Лейбович, Аллу Зускину-Перельман, Сару Ишантураеву (Ташкент), Гилеля Казовского, Аркадия Каршенбаума, Лию Кениг, Году Клейманс, Этель Ковенскую, Анну Ламанец, Анну Левин, Алену Лямпе, Куркмаса Маджидова (Ташкент), Исаака Мазура, Нину Михоэлс, Эсфирь Нахейман, Анну Нисенбойм, Яну Нугер, Фейгу Нудельман, Соню Пемову, Семена Островского, Геннадия Пасечника, Ривку Перчук, Мелидора Рахманова (Ташкент), Исраэля Рубинчика, Александра Рыфтина, Викторию Сапожникову, Цилю Скибитянскую, Татьяну Табак (США), Льва Тимашпольского, Сивиль Тефнер, Лию и Аркадия Унгар, Майю Фельдман, Клару Фляпан, Фаину Хармац, Гогу Хидоятова (Ташкент), Арона Шварцмана, Любовь Юниверг и Лею Яцовскую (Вильнюс).

Считаю своим долгом поблагодарить учреждения, предоставившие мне необходимые материалы: Архив Центра изучения диаспоры им. Горен-Гольдштейна (Тель-Авив), Центральный архив истории еврейского народа (Иерусалим), Центральный гос. архив Республики Узбекистан (Ташкент), Театральный архив и музей им. И. Гура (Иерусалим), Театральный архив при Тель-Авивском университете, Российскую гос. библиотеку по искусству (Москва), библиотеку Университета им. Бен Гуриона в Негеве (Беэр-Шева), Иерусалимскую городскую русскую библиотеку, Архив Узбекского гос. театра оперы и балета им. А. Навои (Ташкент).

Особенно я благодарен Эте Мейлехсон и Асе Тернян, оказавшим материальную поддержку при издании этой книги.

Выражаю свою искреннюю признательность редактору и издателю д-ру Леониду Юнивергу, внесшему неоценимый вклад в подготовку этой книги, как с точки зрения содержания, так и оформления.

РАЗДЕЛ ПЕРВЫЙ

Еврейский театр в Узбекистане в довоенный период (1933 - 1940 гг.)

Ташкентский государственный еврейский театр

В духовной жизни евреев Узбекистана, как и вообще евреев, театр, сценическая деятельность всегда играли существенную роль. Особенностью возникновения и развития театра в местных условиях было наличие там двух еврейских общин. Бухарские (или среднеазиатские) и ашкеназийские евреи сильно разнились специфическими особенностями жизненного уклада. Даже язык общения у представителей этих общин был разный. Так, бухарские евреи говорили и писали на особом диалекте таджикского языка, который они использовали и в театральном искусстве. Ашкеназийские евреи говорили и писали на идиш и русском, на которых и ставились их спектакли. Если бухарские евреи были коренными жителями Узбекистана, то ашкеназийские евреи появились там лишь после завоевания Средней Азии русской армией, то есть в 60-е гг. XIX века. Средняя Азия не была в черте оседлости ашкеназийских евреев. Согласно существовавшим в Российской империи законам, право жительства в среднеазиатских владениях имели из числа ашкеназов отставные солдаты, прослужившие 25 лет в царской армии, их жены и дети, ремесленники, купцы 1-й и 2-й гильдии, лица с высшим образованием (врачи, фармацевты, юристы). К концу XIX – началу XX вв. в крупных городах Средней Азии [Ташкент, Самарканд, Коканд, Фергана, Наманган, Новая Бухара (Каган) и др.] образовались довольно большие колонии ашкеназийских евреев, и представители этих общин стали играть видную роль в местной культурной жизни. Среди них были владельцы типографий и книжных магазинов, издатели и редакторы крупных русских газет и журналов в Средней Азии, музыканты. Неудивительно, что в этой среде зародилась мысль о создании еврейского театра.

Первые попытки основать еврейский театр в Ташкенте относятся к началу XX века. Так, 16 января 1910 года группой жителей Ташкента на имя Военного губернатора Сыр-Дарьинской области было подано прошение об утверждении устава Еврейского общества музыкально-драматического искусства «Аврора»[1]. Авторами прошения были: староста духовного правления Ташкентского еврейского общества Вульф Хаимович Болотин, ташкентский казенный (общественный) раввин Абрам Львович (Лейбович) Кирснер[2], ташкентский мещанин Ицхак-Бер Гершевич Шистер, зубные врачи супруги Фридман – Исаак Гершевич и Эрнестина Нафтальевна, капельмейстер Абрам Семенович Берсон.

Авторы прошения выступали учредителями общества «Аврора», которое имело своей целью: «а) развивать в своих членах любовь и серьезное отношение к сценическому делу и благотворительность в самых широких размерах и б) постановку спектаклей для народа, дающих ему здоровое развлечение». Действие Общества предполагалось распространить на все области Туркестанского края[3].

Представленный на рассмотрение Военного губернатора проект устава Ташкентского еврейского музыкально-драматического общества «Аврора» состоял из 46 пунктов, в которых подробно рассматривались все стороны деятельности Общества.

Для достижения всех своих целей Общество имело право устраивать вечера, концерты и т.п. на еврейском (идиш) и русском языках, держать библиотеку и читальный зал [4].

Уставом предусматривалось, что Общество должно было состоять из «исполнителей, соревнователей и почетных членов»[5]. Каждый исполнитель должен был иметь свое амплуа. Роли в спектаклях распределялись режиссером в соответствии с амплуа исполнителей.

Членами Общества не могли быть учащиеся средних учебных заведений, нижние военные чины и юнкера, лица, подвергшиеся ограничению в правах по суду [6].

Устав общества «Аврора» был утвержден в августе 1910 г., однако его деятельность далее не прослеживается.

После установления советской власти в Узбекистане там создаются различные еврейские организации. В частности, в 1918 г. в Ташкенте открылся Еврейский рабочий дом, где была создана еврейская любительская драматическая труппа[7]. В марте-апреле 1919 г. силами этой труппы был поставлен спектакль «Дер интеллигент» П. Гиршбейна (организатор спектакля – Райс)[8].

Осенью 1920 г., в связи с приездом в Ташкент еврейских артистов-профессионалов, назревает вопрос об образовании еврейской краевой драматической труппы.

13 октября 1920 г. Коллегия Отдела просвещения национальных меньшинств Наркомпроса Туркестанской республики постановила: «Признавая крайнюю необходимость создания в Туркестане еврейского театра, который мог бы обслуживать не только Ташкент, но и все города края, просить Компрос утвердить приехавших из России 10 драматических артистов на постоянное жалование, которые совместно с имеющимся любительским кружком могли бы создать правильно организованную труппу»[9].

В состав намечаемой еврейской краевой драматической труппы должны были войти:

а) **Профессионалы**: 1. Гросман (имена и отчества артистов отсутствуют – *М.В.*) – любовник; 2. Яг. – 2-й любовник; 3. Пурмер – комик; 4. Исаков – 2-й резонер; 5. Натанзон – героиня; 6. Бетина – инженю; 7. Гуревич – комическая старуха; 8. Исакова – 1-е роли характерные; 9. Ходаш – 2-е роли; 10. Эмерман – суфлер.

б) **Любители**: 1. Циперсон (имена и отчества актеров отсутствуют – *М.В.)* – герой; 2. Берлин – резонер; 3. Молочников – комик; 4. Богод – характерный комик; 5. Гольдштейн – 2-й резонер; 6. Голубовский – комик-простак; 7. Рейтнер – 2-й резонер; 8. Рабинович – комик-резонер; 9. Банк – комическая старуха; 10. Манелис – субретка; 11. Яровинская – гранд-дама; 12. Бененсон – характерные роли; 13. Мондрус – 2-е роли; 14. Яровинская – 2-е роли[10].

В утвержденный Наркомпросом состав Краевой еврейской драматической труппы вошли:

мужской персонал: Циперсон Л.Н. – артист и администратор, Гросман – артист и режиссер, Фрайман – артист, Исаков – артист, Бляхер – артист, Ягода – суфлер;

женский персонал: артистки Натанзон С.Д., Гуревич, Бетина, Тальская, Манелис, Исакова, Бененсон и Бляхер[11].

Был утвержден репертуар Краевой еврейской драматической труппы, включающий 24 спектакля: «Янкель дер шмидт» («Яков-кузнец»), «Жани Мадлен» («Дурные пастыри»), «Янкель бойле» («Яков-рыбак»), «Пустее кречме» («Пустая корчма»), «Дер ландсман» («Соотечественник»), «Менч» («Люди») и др.[12]

В конце 1920 г. труппа была распущена, но уже 1 апреля 1921 года Коллегия Еврейского рабочего дома принимает решение о воссоздании Краевой еврейской драматической передвижной труппы в составе 25-ти человек[13]. Состав труппы был утвержден Наркомпросом Туркестанской республики. 2 ноября 1921 года отдел просвещения национальных меньшинств Наркомпроса Туркестанской республики просил финансовый отдел отпустить аванс в сумме 50.000 рублей для расходов по спектаклям еврейской драматической труппы[14].

Труппа действовала до 1933 года, когда на ее основе был создан Ташкентский еврейский театр. В состав театра вошли также драматический и хоровой кружки Еврейского рабочего клуба. К тому времени клуб закрыли и его здание передали Ташкентскому еврейскому театру. Рабочий клуб помещался в здании Ташкентской синагоги (ул. 12-ти тополей). Это было двухэтажное здание с большим залом, обладавшим хорошей акустикой[15]. Молодые артисты театра переоборудовали здание синагоги под зрительный зал.

Открытие театра состоялось 25 января 1934 года. На открытии, в качестве трогательной и в то же время политически ориентированной добавки выступила шестилетняя дочь артиста театра Якова Фрейлехмана – Таня – с чтением стихотворения о Ленине [16].

В апреле 1935 года Ташкентский еврейский театр был переведен в помещение Армянского театра (очевидно, это было помещение по адресу ул. Сталина, 33). Первой постановкой театра в новом помещении был спектакль Шолом-Алейхема «200 000»[17].

В 1936 году театр переехал в помещение Клуба печатников на ул. Сталина, 23 (ныне ул. Акад. Х. Сулеймановой). К тому времени он уже назывался Ташкентским государственным еврейским театром им. Я. Горбунова (бывшего тогда начальником Комитета по делам искусств при СНК Узбекской ССР и много сделавшего для получения театром статуса государственного)[18].

Спектакли Ташкентского ГОСЕТа шли, в основном, на идиш. Отдельные – на русском языке. Все они были музыкальными.

С первых дней образования театра его спектакли пользовались большим успехом у зрителей. Наибольшие зрительские симпатии вызывали пьесы еврейских классиков – «Тевье-молочник» (*«Тевье дер Мильхикер»*), «200 000», «Гершеле Острополер» и другие. Желающих попасть на спектакли было больше, чем мог вместить зрительный зал (в нем было всего 186 мест). Порой администратору театра Арону Фрейлехману приходилось сдерживать силой рвущуюся в зал публику. На спектакли театра приходили не только зрители-евреи, но и русские, узбеки, армяне.

Помимо спектаклей в стационаре и на гастролях, артисты театра осуществляли, наряду с другими творческими коллективами, культурное обслуживание различных общественных мероприятий в городе. Так, с 7 сентября по 19 сентября 1938 года они обслуживали призывной пункт ташкентского военкомата.

Деятельность театра не была широко освещена в литературе. Имеются упоминания о нем в рукописи книги А.А. Клебань и Д.М. Ниязова «Очерки из истории евреев в Узбекистане» (Ташкент, 1971)[19] и в небольшой заметке в «Краткой еврейской энциклопедии»[20].

В результате архивных изысканий и использования некоторых газетных публикаций за 1939 – 1940 гг., воспоминаний и семейных архивов детей бывших артистов Ташкентского еврейско-

го театра представляется возможным воссоздать, в значительной степени, историю Ташкентского государственного драматического еврейского театра им. Я. Горбунова.

Первым художественным руководителем и режиссером театра в 1933 – 1934 гг. был Федор Архипович Ковалев, хорошо знавший идиш[21]. В 1934 г. его сменил выпускник театральной студии Московского ГОСЕТа Виктор Соломонович Цейтлин. Директором театра был А.Ю. Рейшер, выступавший иногда в роли режиссера и артиста. По воспоминаниям Анны Нисенбойм, Рейшер был очень талантливым человеком и представительным мужчиной[22].

Зам. директора и главным администратором театра во все годы его существования был Григорий (Герш) Соломонович Буракевич[23]. Одним из режиссеров театра был Макс Резник. Он поставил спектакли «Мера строгости» и «Глухой» Д. Бергельсона. Кроме него, спектакли в театре ставили М. Шапиро (пьеса «Цвей кунилемлех» А. Гольдфадена), М.И. Лизенберг (пьеса «Тевье-молочник» по Шолом-Алейхему) и А.М. Сигалеско. В 1938 – 1939 гг. художественным руководителем и режиссером театра был Морис Александрович Норвид[24]. Художником в театре был Р. Хуршудов, заведующим музыкальной частью – композитор Павел Маркович (Пинхус Мирович) Перчук[25], заведующим осветительным цехом – М. Швальбе[26]. В театре был небольшой оркестр (4 – 5 музыкантов), дирижером которого был Штейнберг[27].

Состав труппы театра периодически менялся и состоял из 21 артиста (1935) и 51 артиста (1940)[28]. В 1935 году в нее входили как профессиональные, так и непрофессиональные актеры. Это братья Борис, Семен и Яков Фрейлехманы, обладавшие хорошими голосами*, Сара Платинская, И.Е. Кивелевич (по воспоминаниям Анны Нисенбойм: «великолепный, незабываемый комедий-

* По воспоминаниям дочерей этих актеров, Семен и Яков в ряде спектаклей, где одновременно играли несколько братьев, выступали под фамилиями «С.А. Семин» и «Я.И. Якубсон».

ный актер»)[29], Ася Томина, Абрам Мазур, Женя Молдавская, Мария Пейсакович (поступила в театр после окончания театральной студии при Московском ГОСЕТе, жена художественного руководителя театра Виктора Цейтлина), супруги М.Ш. Айзенберг[30] и Э.Д. Айзенберг, Буся Красновская (жена дирижера Штейнберга), Фаня Кац, Н. Шваб, Владимир Тимашпольский, Македонский[31].

В 1936 году труппа пополнилась новыми артистами. Это были Я.Г. Зверинский, Лева Гандыль, Альберт Маркович Сигалеско и его жена Роза Беньяминовна Брин (они прибыли из Одесского еврейского театра)[32], супруги Старнис (М.Л. Старнис была до этого актрисой передвижного еврейского театра, а также Винницкого ГОСЕТа), Л.И. Житников, Клара Вага (до этого была актрисой Винницкого ГОСЕТа), М.И. Варшавский.

В 1937 и последующих г.х в театре играли также артисты Г. Капустин, Е.А. Островский, Л.Г. Фельдман, К.Х. Олендер и артистки М.Г. Магидс, М. Хасминуй, Н. Ткачева, П.Д. Творцова[33].

Разнообразен был репертуар Ташкентского ГОСЕТа. Там были поставлены спектакли классиков еврейской и русской литературы, известного испанского драматурга и узбекского автора. Таковы спектакли «Чужой ребенок» В. Шкваркина, «Последние» М. Горького, «Колдунья» А. Гольдфадена, «Уриэль Акоста» К. Гуцкова, «Глухой» Д. Бергельсона, «Стемпеню» Шолом-Алейхема, «Цвей исоймах» («Две сиротки»), «Цвей кунилемлех» А. Гольдфадена, «Миреле Эфрос» Я. Гордина, «Овечий источник» («Лауренсия») Лопе де Вега, «Первый еврейский рекрут» Л. Резника, «Крейцерова соната» Я. Гордина (по повести Л. Толстого), «200 000» Шолом-Алейхема, «Юлиус» М. Даниэля, «Гершеле Остраполер» М. Гершензона, «Московская девушка» А. Губермана, «Чудо в местечке» Лейпцигера и Верета, «Элька Руднер» И. Добрушина и Н. Лурье, «Дубровский» по А.С. Пушкину, «Адолят» И. Акрамова, «Тевье-молочник» Шолом-Алейхема, «Мера строгости» Д. Бергельсона, «Шестеро любимых» А. Арбузова, «Изюминки» И. Добрушина и Н. Ойслендера, «Клад» и «Блуждающие звезды» Шолом-Алейхема, «Без вины виноватые»

А. Островского, «Суламифь» А. Гольдфадена, «Горбунья» Менделе Мойхер-Сфорима, «Отцы и дети» по И. Тургеневу, «Наследство» Л. Резника, «Очная ставка» Бр. Тур и Л. Шейнина, «Семья Овадис» П. Маркиша, «Судьба народа» Б. Оршанского, «Зямка Копач» М. Даниэля, «Продолжение следует» А. Бруштейн, «Профессор Мамлок» Ф. Вольфа, «Честь» Г. Мдивани, «Менахем-Мендл» Шолом-Алейхема, «Доня» Л. Резника, «Шлеймка-шарлатан» Я. Гордина и «Пути-дороги» Ш. Персова[34].

В целом, ежегодно театр показывал зрителям 10-15 спектаклей, из них 5-7 новых[35].

Установить полный состав исполнителей в том или ином спектакле сейчас невозможно из-за отсутствия программок спектаклей. Выявленные несколько газетных заметок и рецензий на отдельные спектакли Ташкентского ГОСЕТа, а также программа премьеры спектакля «Тевье-молочник» (*«Тевье дер Мильхикер»*) позволяют в какой-то мере установить фамилии артистов, играющих в них. Так, в публикации А. Бен в газете «Правда Востока» сказано, что спектакль «Чужой ребенок» был поставлен режиссером Ковалевым, который «довольно удачно построил ряд мизансцен, постарался вывести спектакль из приемов провинциально-любительских постановок, хотя некоторый оттенок этого еще заметен. Группа актеров Айзенберг (Караулов), Томина (Маня), Македонский (Сенечка) явились крепким, ведущим ядром постановки. Остальные персонажи слабы... Это говорит о небольшой подготовке самих актеров. Большинство актеров – недавние рабочие ташкентских предприятий, а некоторые работают там и сейчас»[36].

В рецензии на спектакль «Первый еврейский рекрут» указаны постановщики спектакля: В. Цейтлин и М. Резник, которые «много поработали, чтобы создать хороший, полнозвучный спектакль.

Артисты Рейшер (Ари Клугер), Мазур (Шлоймэ), Айзенберг (Мотэлэ, раввин) создали неплохие образы местечковой верхушки: жадной, хитрой и в то же время тупой. Неплохо сделаны сцены отлучения Рохл (артистка Вага), сцена в корчме. В спектакле был занят артист Б. Фрейлехман в образе вожака бедноты Нахма-

на»[37]. Очевидно в спектакле участвовали и другие артисты театра, но о них в рецензии ничего не говорится.

В рецензии М. Гафиза «“Люди воздуха” в еврейском театре им. Горбунова» отмечается, что комедия-сатира «Люди воздуха» была сценически обработана М. Айзенбергом по произведениям Шолом-Алейхема.

И далее рецензент пишет: «При всей скудности сценических средств и легковесности “обработки” режиссер В.С. Цейтлин сумел сделать занимательный, хотя и несколько куцый спектакль.

Запоминается молодой артист Я.Г. Зверинский, впервые выступивший в Ташкенте. У него хорошая дикция, осмысленные жесты и мимика. Однако Менахем-Мендель в его исполнении был бы гораздо интереснее, если бы артист не проявлял несколько излишнюю суетливость.

Удачны также сват Ошер (И. Кивелевич), зять хозяйки гостиницы Мойше-Лейб (Б. Фрейлехман) и Бейле-Лейле (Э.Д. Айзенберг)»[38]. В спектакле играл актер М. Айзенберг в роли «Мойше-Нысл Кинбак».

Из заметки «Две премьеры в еврейском театре» мы узнаем дату премьерных спектаклей Ташкентского ГОСЕТа в марте 1937 года. На 10 – 11 марта намечалась премьера спектакля «Мирэле Эфрос» Я. Гордина (в постановке М.С. Айзенберга). В главных ролях: Мира Эфрос – артистки Р.В. Брин и Э.Д. Айзенберг, Нохемце – М.С. Айзенберг и Я.А. Фрейлехман, Шейнделе – К.Л. Вага и А. Томина, Иоселе – А.Н. Мазур и М.И. Варшавский, Махли – П.Д. Творцова и Ф.Г. Кац, и Дони – С.А. Фрейлехман и В. Тимашпольский.

Премьера комедии «Наследство» (постановка М.К. Резника) была намечена на двадцатые числа марта. В главных ролях: Мейер – артист А.М. Сигалеско, Шмуль – Л.И. Житников, Калмен – И. Шваб, Фолик – А.Ю. Рейшер, Мириям – М.Л. Старнис, и жена Шмуля – Р.В. Брин.

Летом (май-август) 1937 г. Ташкентский ГОСЕТ (в прессе он иногда назывался Узбекским ГОСЕТом) выезжал на гастроли по

маршруту: Самара – Москва – Горький – Сталинград – Астрахань. Сохранилось несколько газетных рецензий, описывающих гастрольные выступления театра в Горьком и Астрахани.

Так, в заметке «Еврейский театр» отмечалось:

«С 1 июня в Горьком работает Узбекский государственный еврейский театр, совершающий гастрольную поездку по Поволжью.

Судя по поставленным спектаклям, театр отошел от монопольной когда-то трагикомедийной слащавости Гольдфадена в выборе репертуара. "Уриэль Акоста", "Без вины виноватые", "Дубровский", "Стемпеню", "Первый еврейский рекрут", "Овечий источник" – этот перечень постановок УзГОСЕТа еще раз доказывает, какими огромными возможностями может располагать любой национальный театр, приобщившись к сокровищницам мировой литературы.

К заслугам театра следует отнести отказ от выпячивания местечковой "экзотики" даже в таких постановках, как, например, "Стемпеню", где старый еврейский театр обычно заглушал псевдонациональным свадебным шумом идею спектакля – протест двух мыслящих людей против еврейского клерикализма, стяжательства, против золоченой клетки купеческого благополучия.

Хорошо была понятна зрителям и новая комедия "Гершеле Остро-полер", написанная М. Гершензоном...

Заставляет желать много лучшего художественное руководство театром. "Дежурные" режиссеры не сумели создать театру единой творческой линии, что приводит к резким колебаниям художественной ценности спектакля. От этих неровностей не спасает отдельные постановки даже такой старый мастер еврейской сцены, как Сигалеско.

Заведующий музыкальной частью тов. Перчук, несомненно, знает еврейскую музыку, неплохо монтирует народные мелодии... Коллектив театра – преимущественно молодые и довольно способные актеры – еще много должен сделать в области дальнейших поисков правильного реалистического толкования старого репертуара и использования современных пьес»[40].

Как видно из приведенного текста, рецензия выдержана в идейном духе времени и не дает оценки игры отдельных артистов театра.

В несколько ином плане построена рецензия Г. Погребинского «Крейцерова соната». В ней рецензент передает содержание спектакля «Крейцерова соната» Я. Гордина и разбирает игру актеров:

«Артистка М.Л. Старнис, исполняющая роль Эти, создала волнующий образ угнетенной женщины, дошедшей до пределов отчаяния. В игре артистки чувствуется большая театральная культура. Артист А.М. Сигалеско, несомненно, большой мастер еврейской сцены. Рафаил Фриндлендер в его исполнении оставляет большое впечатление.

Художественный комедийный образ создает Л.И. Житников. Хорошо играют в спектакле артисты Брин, К.Л. Вага, Б. Красновская, а также Варшавский и Б.Фрейлехман.

Следует отметить добросовестно и со вкусом проделанную работу режиссеров Сигалеско и Житникова, создавших художественный, горячо принятый зрителями спектакль.

Гастроли еврейского государственного театра уже привлекли всеобщее внимание в Астрахани. Театр охотно посещает большое количество зрителей»[41].

С теплотой была написана статья «Гастроли Государственного еврейского театра Узбекистана», подписанная «П.А.» В ней говорилось:

«Сейчас в Астрахани гастролирует Государственный еврейский театр Узбекистана, представляющий весьма ценный художественный коллектив, имеющий в своем составе способных и талантливых актеров.

Репертуар театра весьма разнообразен. Он ставит комедии замечательного еврейского писателя Шолом-Алейхема "Стемпеню", "200 000", комедию русского драматурга Островского "Без вины виноватые", драму А.С. Пушкина "Дубровский", историческую трагедию Гуцкова "Уриэль Акоста" и другие.

И заслуга художественного руководителя театра Сигалеско А.М. (в рецензии ошибочно указано «Сегалеско А.Н.» – *М.В.*) и всего актерского коллектива, что они сумели довести до зрителя идеи каждого произведения, в то же время сохраняя особенность языка, сценических приемов, присущих тому или иному автору.

**Групповая фотография труппы Ташкентского ГОСЕТа. 1935 г. (Из архива Л. Тимашпольского)*

**М.А. Норвид - художественный руководитель и режиссер театра. (Из архива С. Островского)*

**Г.С. Бураккевич - главный администратор театра. (Из архива А. Нисенбойм-Буракевич)*

**Артисты Ташкентского ГОСЕТа во время отдыха. 1936 г.
1-й ряд (слева направо): Я. Фрейлехман, М. Пейсакович, К. Вага,
Е. Молдавская; 2-й ряд: С. Фрейлехман, неизв. лицо, А. Томина,
В. Тимашпольский, И. Кивелевич. (Из архива Л. Тимашпольского)*

**П.М. Перчук - композитор, зав.
музыкальной частью театра.
(Из фотоальбома ГОСЕТа)*

**Р. Хуршудов - художник театра.
(Из фотоальбома ГОСЕТа. ЦГА
Узбекистана)*

АКТЕРЫ ТАШКЕНТСКОГО ГОСЕТА

(Фотографии из фотоальбома Ташкентского ГОСЕТа. 1935 г. ЦГА Узбекистана)

**Эсфирь Айзенберг*

**Ася Томина*

**Евгения Молдавская*

**Клара Вага*

**Мария Пейсакович*

**Лев Гандыль*

**Сара Платинская*

**Абрам Мазур*

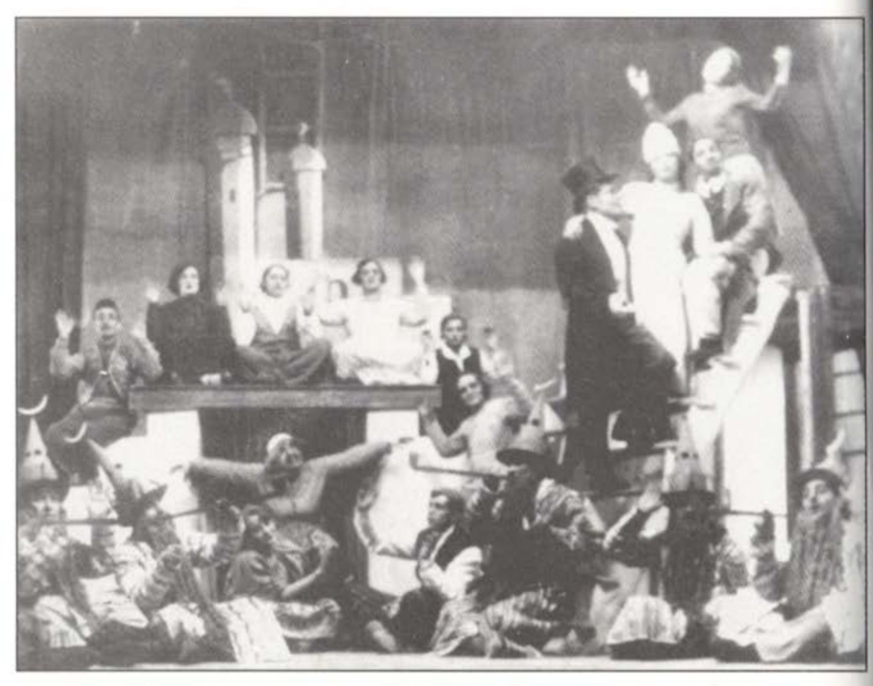
**Борис Фрейлехман*

М. Хасминуй в спектакле "Зямка Копач". 1938 г. (Из архива С. Островского)

Я.Фрейлехман в роли. 1935 г. (Из архива Т. Табак. США)

Сцена из спектакля "Колдунья" - эпизод в Стамбуле. (Из фотоальбома Ташкентского ГОСЕТа. ЦГА Узбекистана)

*Б. Фрейлехман и К. Вага в спектакле "Блуждающие звезды" (Из архива Е. Волк)

***А.Сигалеско и А. Томина в спектакле “Горбунья” (Из архива Л. Тимашпольского)**

***Сцена из спектакля “Глухой”. (Фотоальбом ГОСЕТа)**

***А. Мазур и А. Томина в спектакле “Колдунья”. 1935 г.**

***А.Томина и А. Мазур в спектакле “Цвей кунилемлех”. 1935 г.**

***Сцена из спектакля “Мера строгости”. (Фотоальбом ГОСЕТа)**

**С. Фрейлехман в спектакле "Адолят".*
[illegible] г. (Из архива Ц. Скибитянской).

**В. Тимашпольский в роли.*
(Из архива Л. Тимашпольского)

**Первый эпизод (Развод) из спектакля "Изюминка".*
(Из фотоальбома ГОСЕТа. ЦГА Узбекистана)

А. Томина и А. Мазур в спектакле “Суламифь”. (Из архива И. Мазура)

К. Вага и Е. Островский в пьесе “Коварство и любовь”. (Из архива С. Островского)

Сцена из спектакля “Чужой ребенок”. (Из фотоальбома ГОСЕТа)

Первой пьесой в постановке этого театра шла комедия “Стемпеню”…

"Стемпеню" в постановке театра – волнующий спектакль. Оживает из прошлого старое, грязное еврейское местечко, оживают люди этого местечка, бедняки, вечно думающие о куске хлеба, знать, разбогатевшие купцы, спекулянты, ростовщики.

И на фоне этого зритель особенно чувствует мечущиеся, достойные глубокого сочувствия натуры Стемпеню и Рохеле.

Актер Б. Фрейлехман в роли Стемпеню правильно передал образ скрипача-самоучки, не нашедшего душевного покоя, талант которого не мог развиваться в проклятом царском строе.

Артистка Старнис М.Л. в роли Рохеле дает образ нежной, покорной женщины, рвущейся к новой, особенной жизни, естественно не нашедшей ее в условиях царского времени. Нужно также отметить игру актеров Житникова М. (в роли старого местечкового скомороха), Брин Р. (в роли жены Стемпеню), молодого артиста М. Варшавского в роли Янкеля-музыканта.

Астраханский зритель с большим удовлетворением смотрит постановки еврейского театра»[42].

По возвращении, после гастролей по Поволжью, в Узбекистан коллектив Ташкентского ГОСЕТа оказался втянутым в кампанию борьбы с так называемыми «врагами народа», развязанной по инициативе ЦК ВКП(б). Начатые в Москве показательные процессы над так называемыми «врагами народа» получили отклик на периферии, в частности в Узбекистане. В эту борьбу против «врагов народа» были вовлечены и творческие работники. О том, как протекала эта борьба в Ташкентском ГОСЕТе, можно судить по публикациям Гр. Гуревича «В Узбекистане не рассматривают апелляций комсомольцев» и Ф. Райха «Укрепить руководство еврейским театром».

Хотя авторы этих публикаций находились на господствующих в стране позициях идейных установок партии и с этих позиций освещали события в театре, в них все же имеется определенный фактический материал, дающий представление об обстановке в театре в конце 1937 – начале 1938 гг. Так, в статье Гуревича

говорилось: «В Ташкентском еврейском государственном театре им. Горбунова долгое время орудовала подлая шайка буржуазных националистов. Единственный комсомолец в театре – молодой актер Варшавский – неустанно разоблачал негодяев, оказавшихся у руководства актерского коллектива. Комсомолец смело выступал с разоблачениями на производственных совещаниях, на собраниях актеров, писал в газеты, в партийные и советские организации.

Но вражеские отщепенцы, оставшиеся в театре, при содействии начальника Управления по делам искусств при СНК Узб.ССР Горбунова, стали распускать сплетни, измышлять клеветнические небылицы, чтобы скомпрометировать честного комсомольца».

«Честного комсомольца» исключили из комсомола с формулировкой: «Отметить роль Варшавского в деле разоблачения вредительства в еврейском театре, но за связь с чуждыми элементами – актерами Житниковым и Старнис и троцкистом Ганделем – Варшавского из комсомола исключить»[43].

В статье Ф. Райха, опубликованной в конце марта 1938 года, дается тенденциозный обзор обстановки в театре: «Ташкентским государственным еврейским театром долгое время руководили чужаки, буржуазные националисты и халтурщики. Здесь ставились слезливые мелодрамы и сомнительной ценности водевили. Актерский коллектив держался в плену отживших театральных традиций. Отсутствовала и отсутствует какая бы то ни было политико-воспитательная и культурно-массовая работа с актерами…

Маленький коллектив еврейского театра живет в нездоровой обстановке склок. Группа актеров – Варшавский, Житников, Старнис, Олендер – в свое время правильно сигнализировали о неблагополучии в театре. Но сейчас эта же группа клевещет на ни в чем не повинных людей, приклеивая всем без разбора ярлыки врагов народа. В результате, актеры бегают по учреждениям за различными “справками”, пишут друг на друга заявления. Все это отражается на производственной работе»[44].

Из этой публикации мы узнаем, что 9 сентября 1937 года председатель Управления по делам искусств при СНК УзССР

Горбунов издает приказ № 115 об увольнении из театра 12-ти «политически невыдержанных» работников. Однако вскоре сам Горбунов был снят с работы и подвергнут репрессиям.

Через два месяца приказ был отменен, актеров восстановили на работе и оплатили им вынужденный прогул. Театр два месяца не работал, сезон начался лишь в декабре, а государству это обошлось в 100 тысяч рублей[45].

В возникшей в театре обстановке нервозности и склок художественный руководитель ГОСЕТа В. Цейтлин и его жена артистка М. Пейсакович решили, не дожидаясь репрессий, уйти из театра[46].

В указанных публикациях ничего не говорится о репрессиях в отношении работников театра, однако они имели место. Осенью 1937 года были арестованы, как чуждые элементы в руководстве театра, директор и артист театра А.Ю. Рейшер, главный режиссер Макс Резник и артист Лев Гандыль. Они попали в полосу сталинских репрессий 1937 – 1938 гг. Их привлекали к судебному следствию якобы за участие во вредительстве на театральном фронте УзССР. Об этом свидетельствуют «Тезисы к докладу о состоянии театрального хозяйства и задачах ликвидации последствий вредительства на театральном фронте Узб.ССР (на Республиканском театральном совещании 25.02.1938 года)», где директор Рейшер был отнесен к числу авантюристов и бездельников[47].

Лев Гандыль был осужден как «троцкист» на 15 лет и вернулся в Ташкент лишь в середине 50-х годов.

А. Рейшер и М. Резник были выпущены из тюрьмы через несколько месяцев после ареста. Об этом факте вспоминает Анна Нисенбойм, дочь главного администратора театра Г. Бурашкевича: «Когда вышли из тюрьмы Рейшер и Резник, они пришли к папе. Мы жили в одной комнате. Папа завесил окно одеялом, чтобы не было видно света от зажженной керосиновой лампы. Мне папа сказал: “Ляг, закройся одеялом с головой и спи”. Но я не

спала и все видела и слышала. Они рассказывали, как их там пыт ли: у Рейшера все передние зубы были выбиты. Резник был ве седой. Рейшер до ареста был полный мужчина, а тут сидел худощ вый. Их в тюрьме пытали, заставляли сознаться в том, что они нико гда не делали, требовали на кого-то что-то сказать. Но они стояли н своем, что они никого и ничего не знали. И их отпустили»[48].

После возвращения из-под ареста А. Рейшер и М. Резни продолжили работать в театре, причем Резник стал его художест венным руководителем.

В 1938 г. театр показал 15 спектаклей, однако рецензия име ется лишь на один спектакль: «Коварство и любовь» Ф. Шиллера В ней приводятся фамилии режиссера, игравших в спектакле ар тистов и художника спектакля.

Так, упомянутый выше рецензент Ф. Райх писал: «Узбеки станский еврейский театр, выбрав для постановки замечательно произведение Шиллера, неплохо с ней справился. Режиссер Г.А Матусевич в основном правильно понял и раскрыл идейный за мысел Шиллера. В спектакле достаточно ярко показано подавле ние человеческой личности в феодальной Германии. Зритель не вольно проводит параллели между той эпохой и обстановкой мракобесия, деспотизма и бесправия в современной фашистской Германии.

Артист М.И. Корик (Фердинанд), М.И. Лизенберг (прези дент), Сигалеско (музыкант Миллер) и другие создали правди вые, яркие образы.

Артистке К.Л. Вага, исполняющей роль Луизы, удалось тепло и искренне передать образ возлюбленной Фердинанда.

Не сумела подняться до понимания роли леди Мильфорд ар тистка Старнис. На сцене еврейского театра это не великосвет ская содержанка, а добродетельная провинциальная дама.

В общем, спектакль подан неплохо. Зритель охотно посещает и хорошо принимает пьесу.

Несмотря на ограниченные возможности, театр справился с задачей художественного оформления спектакля (художник Шевелев)»[49].

Лишь на премьеру спектакля «Тевье-молочник» Шолом-Алейхема (1939 г.) сохранилась программка, в которой указан режиссер (Лизенберг М.И.) и полный состав артистов-исполнителей ролей в этом спектакле. В нем были заняты такие артисты, как А.М. Сигалеско – Тевье, Р.Б. Брин (Э.Д. Айзенберг) – Голда, его жена, М.Л. Старнис (М.Г. Магидс) – Цейтл, Хасминуй – Одл, К.Л. Вага – Хава, А.Л. Томина (Н. Ткачева) – Бейлка, Г. Капустин (А. Мазур) – Перчик, Б. Фрейлехман – Лейзер-Вольф (мясник), Е.А. Островский (И.Е. Кивелевич) – Педоцур (богач), К.Х. Оленлер (Л.И. Житников) – Фроим (сват), А.Ю. Рейшер (В.А. Тимашпольский) – урядник, С.А. Семин (Л.Г. Фельдман) – старшина, Я.И. Якубсон – лакей, С.Г. Платинская – прислуга[50].

Рецензия на этот спектакль, опубликованная в газете «Правда Востока», в основном характеризует мастерство отдельных артистов Ташкентского ГОСЕТа.

Так, например, в ней мы читаем: «В Ташкентском государственном еврейском театре с большим успехом идет пьеса "Тевье-молочник" Шолом-Алейхема.

Режиссер Лизенберг М.И. сумел сделать интересный, волнующий спектакль. Благодаря таким актерам, как Сигалеско А.М., засл. арт. УзССР (Тевье), и Р.Б. Брин (Голда), этот спектакль зазвучал с особой силой.

Исполнение Р.Б. Брин (Голда) отличается той хорошей простотой, в которой чувствуется большая культура артистки»[51].

Оценку основных ролей спектакля «Адолят» в исполнении артистов театра мы находим в рецензии, также опубликованной в газете «Правда Востока»:

«Ташкентский еврейский драматический театр отметил 15-летие УзССР постановкой пьесы узбекского автора И. Акрамова «Адолят». Хорошо, что коллектив впервые показал еврейскому зрителю спектакль, построенный на узбекском материале. Но вряд ли можно назвать удач-

ным выбор драматического материала. В пьесе рыхлый сюжет, мело-драматические коллизии и схематическая обрисовка образов…

Постановщик спектакля М.К. Резник-Мартов и основные исполнители постарались оживить материал и довольно правдиво показали тяжелое прошлое узбекских трудящихся.

Артист А.М. Сигалеско (в тексте «Сегалеско» – *М.В.*) превосходно исполняет роль бека Салямбая. Ему удалось избежать опасности показа ходульного “злодея”. Выходя за литературные рамки роли, А.М. Сигалеско наделил своего бека человеческими чувствами и страданиями, сделал образ реальным. Примером могут быть сцены тоски о потомстве, беседа с Адолят. Убедительное изображение жестокости и злобы бека вызывает у зрителя ненависть к угнетателям.

Лирической нежностью полон образ Адолят в исполнении арт. А. Томиной. Жена Сабирджана мужественно переносила лишения и горести бедняцкой жизни, была любящей подругой и нежной матерью, но она не в силах пережить разлуки с мужем и детьми. Эту сцену артистка А. Томина исполняет с подлинным трагизмом и большой силой.

Мастерски исполняет роль Мирбобо, отца Адолят, арт. М.Ш. Айзенберг. Он нашел теплые, правдивые краски.

Артистка Вага удачно изобразила бедную девушку Кумри, насильно отданную в ичкари (в гарем – *М.В.*) бека, и находящую в себе силу подняться до активного протеста против угнетения.

Атан-буви, жена домуллы, в исполнении артистки Р. Брин, – злобная ханжа и лицемерка.

Сабирджан, муж Адолят, подан арт. Мазур почему-то в плане “жестокой” мелодрамы. Это, конечно, намного снижает убедительность образа. Вызывает возражения и исполнение арт. Кивелевичем роли суфи. Хитрый и злобный мулла показан в плане карикатуры, шаржа»[52].

Документальные материалы Ташкентского ГОСЕТа им. Я. Горбунова плохо сохранились. Выявленные мною в ЦГА Узбекистана фотоальбом театра (1935 г.), статистические отчеты театра за 1935, 1939 и 1940 гг., а также некоторые разрозненные документы Комитета по делам искусств при СНК УзССР за 1937 и 1938 гг. позволяют лишь частично осветить деятельность

Ташкентского ГОСЕТа за отдельные отрезки времени, но не раскрывают полную картину его деятельности, не характеризуют каждого актера.

Однако в некоторых документах, сохранившихся в семейных архивах и в воспоминаниях детей артистов театра, мы встречаем порой характеристики отдельных актеров театра.

Так, например, заслуженный деятель искусств УзССР Ф.А. Ковалев и ведущие артисты Ташкентского государственного русского драматического театра им. М. Горького, народные артисты УзССР П. Давыдов, Е. Злобин, Г. Загурская, А. Шестаков, Е. Ленина, характеризуют Асю Томину как ведущую артистку бывшего Ташкентского государственного еврейского драматического театра, сыгравшую важные роли в ряде спектаклей: это *Бейлике* и *Хавы* в «Тевье-молочник» Шолом-Алейхема, *Авигайл* в спектакле «Суламифь» Гольдфадена, *Златке* в спектакле «Цвей кунилемлех» Гольдфадена, *Коринкина* в пьесе А. Островского «Без вины виноватые», *Настенька* в спектакле «Дубровский» по А.С. Пушкину, *Миреле* в спектакле «Колдунья» Гольдфадена, *Майя* в спектакле «Чужой ребенок» Шкваркина, *Люба* в спектакле «Последние» М. Горького, *Адолят* в спектакле «Адолят» И. Акрамова[53].

В мае 1940 г. А.Л. Томина была награждена «Почетной грамотой» дирекции Ташкентского ГОСЕТа «За активную производственную и общественную работу»[54].

По воспоминаниям детей артистов и работников театра, его звездами были А.М. Сигалеско и его жена Р.Б. Брин, которые играли главные роли во многих спектаклях.

Их творческая деятельность была высоко оценена в Узбекистане. А.М. Сигалеско в 1939 г. было присвоено звание «Заслуженный артист УзССР»[55]. Артистка Р.Б. Брин 8 марта 1939 г. была награждена «Почетной грамотой» Управления по делам искусств при СНК УзССР, 26 декабря 1939 г. ей была объявлена благодарность Управления по делам искусств «За создание образа Атан-Буви в спектакле “Адолят”», а 18 марта 1940 г. – «За успешную работу над образами *Няни* (“Последние”), *Ципе-*

Тройне ("Чудо в местечке"), *Матери Шефтеля* ("Элька Руднер") и *Атан-Буви* ("Адолят")». 8 августа 1940 г. ей была объявлена благодарность Ташкентского областного отделения искусств «За образцовое отношение к производственной работе»[56].

Ярко проявился в театре талант профессиональных артистов К. Ваги, М.Л. Старнис, Л.И. Житникова, М.Ш. Айзенберга, Э.Д. Айзенберг, М. Хасминуй и Е.А. Островского, сыгравших ведущие роли во многих спектаклях театра.

Так, Е.А. Островский играл в спектаклях «Коварство и любовь», «Тевье-молочник» и др., М. Хасминуй – в спектаклях «Зямка Копач», «Тевье-молочник», К.Вага – в спектаклях «Блуждающие звезды», «Тевье-молочник», Э.Д. Айзенберг играла *Голду* в «Тевье-молоч-ник» (во втором составе), М.Л. Старнис играла *Цейтл* в «Тевье-молочник», *Рухале* в «Стемпеню», М.Ш. Айзенберг – *Мозговера* в пьесе «Клад», *Иоселе* в пьесе «Глухой» и др.

Судя по сохранившимся фотографиям спектаклей Ташкентского ГОСЕТа, во многих их них играли братья Борис, Семен и Яков Фрейлехманы, Абрам Мазур, И. Кивелевич, С. Платинская, Ж. Молдавская (обладавшая хорошим голосом)[57].

Во многих спектаклях в массовых сценах и на детские роли привлекались в качестве исполнителей дети актеров. Так, в спектакле «200 000» роль детей исполняли Таня Фрейлехман (дочь артиста Якова Фрейлехмана) и Нюся Гуткин. В спектакле «Юлиус» девочку играла Таня Фрейлехман. В одном из спектаклей роль дочери бедных родителей играла Евгения Фрейлехман (дочь артиста Бориса Фрейлехмана), и по действию она кричала на идиш: «Мама, хочу кушать! Дай хлеба!»[58]

Несмотря на известный успех и зрительские симпатии к Ташкентскому ГОСЕТу, начиная с конца 1935 г. его деятельность становилась нерентабельной. Как свидетельствуют годовые отчеты театра за 1935, 1939 и 1940 гг., дефицит создавался в основном из-за сокращения посещаемости спектаклей и снижения сборов за билеты. Покрывался дефицит за счет государственных дотаций. Так, дефицит театра за 1935 г. был покрыт за счет дотаций из государственного бюджета в сумме 119 986 рублей[59]. В последующие годы государство финансово поддерживало деятельность ГОСЕТа, однако точно установить сумму дотаций не удалось.

Иногда материальную поддержку театру оказывали и зрители. Об одном таком факте упоминает в своих воспоминаниях дочь главного администратора театра Григория Буракевича: «Пришел однажды на спектакль председатель Президиума Верховного Совета УзССР Юлдаш Ахунбабаев и купил билет за 200 рублей (при плановой стоимости 3-4 рубля – *М.В.*). Это я хорошо помню, что он заплатил в кассу за билет 200 рублей. Чтобы тем самым помочь театру. Тогда это была значительная сумма»[60].

Справедливости ради стоит отметить, что дефицит наблюдался в деятельности большинства учреждений культуры, однако государство не отказывалось их материально поддерживать. Так было до конца 1939 – начала 1940 гг. Именно в этот период меняется политика ВКП(б) и Советского правительства по отношению к еврейской культуре. Государство стало отказывать в материальной поддержке еврейским театрам, и многие из них закрывались якобы из-за нерентабельности. В конце 30-х годов было закрыто большинство городских еврейских театров на Украине, в октябре 1939 г. – Бакинский ГОСЕТ, а 1 ноября 1940 г. был ликвидирован Ташкентский ГОСЕТ[61].

По-разному сложились судьбы актеров Ташкентского ГОСЕТа после его ликвидации. К сожалению, отсутствие единого архивного фонда театра и разрозненность сохранившихся документов позволяют рассказать о дальнейшей судьбе лишь некоторых артистов.

Так, братья Борис, Семен и Яков Фрейлехманы – обладатели хороших голосов – после закрытия Ташкентского ГОСЕТа поступили в хор Узбекского театра оперы и балета.

Семен Фрейлехман до поступления в Ташкентский еврейский театр по профессии был портным. Когда началась война, он был мобилизован в Красную Армию и служил в Семипалатинске в мастерской по пошиву обмундирования для солдат и офицеров. По окончании войны он был демобилизован и вернулся в хор Уз-

бекского театра оперы и балета. Затем, уйдя из театра, работал в пошивочном ателье при Ташкентской партийной школе. В 50-х годах он сделал попытку возродить еврейский театр, для чего собрал артистов, в основном самодеятельных. Из бывших артистов Ташкентского ГОСЕТа был Абрам Ма́зур. Они стали репетировать еврейские пьесы из старого репертуара в каком-то клубе на ул. Сталина (ныне акад. Х. Сулеймановой). Во время репетиций зал был заполнен зрителями. Но однажды на репетицию пришел представитель горсовета и заявил, что такой театр в городе не нужен. Таким образом, возрождение еврейского театра в Ташкенте не состоялось. В 1962 году Семен Фрейлехман умер и был похоронен на еврейском кладбище в Ташкенте.

Борис Фрейлехман работал в хоре оперного театра в Ташкенте. В 1952 г. во время репетиций оперы «Отелло» с ним случился сердечный приступ. Он заболел и вскоре умер. Яков Фрейлехман продолжал петь в хоре оперного театра вплоть до своей кончины 6 ноября 1963 г., после чего был также похоронен в Ташкенте.

Арон Фрейлехман – администратор еврейского театра – после его закрытия работал администратором в Узбекском музыкально-драматическом театре им. Мукими, а затем – в Ташкентском ТЮЗе[62].

Абрам Мазур, после закрытия театра, поступил в хор Узбекского театра оперы и балета, где проработал до 1959 года, а затем, вплоть до 1972 года, проработал администратором в Концертном зале им. Свердлова. Кроме того, по поручению Министерства культуры УзССР, он организовывал разного рода декады искусств. Последние два года своей жизни Мазур проработал кладовщиком в том же Концертном зале. Умер 22 февраля 1975 года[63].

Клара Вага и ее муж, Макс Резник-Мартов, уехали в Прибалтику, где они работали актерами в Русском драматическом театре, а затем – на эстраде. В годы войны находились в эвакуации в Ташкенте. Здесь они в 1942 году поступили актерами в Ансамбль Клары Юнг и проработали в нем до 15 ноября 1946 года, после чего уехали из Ташкента.

В 50-х годах они приезжали на гастроли в Москву, где на их концерте была Евгения Волк – дочь артиста Бориса Фрейлехмана, жившая с 1954 года в Москве. А в 1956 году они были на гастролях в Ташкенте и Андижане, о чем мне сообщила Фаина Хармац – дочь артистки Ташкентского ГОСЕТа Евгении Молдавской, побывавшая на том концерте.

В 1960 году Клара Вага и Макс Резник-Мартов побывали с гастролями в Биробиджане, где в фонотеке областного радио сохранились записи новелл Шолом-Алейхема в исполнении Макса Резника-Мартова и еврейских народных песен в исполнении мастера еврейской сцены Клары Ваги[64]. Дальнейшая их судьба мне неизвестна.

После закрытия Ташкентского ГОСЕТа засл. артист УзССР актер и режиссер А.М. Сигалеско и его жена, актриса Р.Б. Брин, уехали в Кишинев, где поступили в Молдавский ГОСЕТ и проработали там с 21 декабря 1940 по 30 сентября 1941 года. Когда началась война, театр прекратил свою деятельность, а его артисты, в том числе Сигалеско и Брин, эвакуировались в Ташкент. Здесь Альберт Сигалеско, совместно с Кларой Юнг, эвакуировавшейся из Одессы, создает театрализованный Ансамбль еврейской оперетты, в котором он и его жена работали с 25 октября 1941 года. Весной 1943 года Альберт Маркович Сигалеско умер и похоронен в Ташкенте[65].

Роза Брин с Ансамблем Клары Юнг успешно гастролировала в Ташкенте, в городах Узбекистана и других республиках Средней Азии, Казахстана и Сибири. В связи с расформированием Ансамбля К. Юнг она была уволена из него 15 ноября 1946 года, но уже 17 ноября 1946 года была принята в труппу находяшегося в Ташкенте Одесско-Харьковского ГОСЕТа, где проработала до 15 января 1948 года, когда театр выехал на Украину.

Как и в Ташкентском ГОСЕТе, деятельность Р.Б. Брин в Одесско-Харьковском ГОСЕТе проходила успешно. Она создала ряд интересных образов. Ее творческая деятельность была высоко оценена публикой и правительством Узбекистана.

5 августа 1947 года ей была объявлена благодарность Управления по делам искусств при СНК УзССР за создание высокоху-

дожественного образа *Муме-Годек* в спектакле «Фрейлехс», а 15 ноября 1947 г. – за роль *Цуре* в спектакле «Дер Гот».

Правительство Узбекистана установило Р.Б. Брин персональную пенсию республиканского значения. Все последние годы, вплоть до смерти в 1963 году, Роза Брин прожила в Ташкенте[66].

Артисты Ася Томина и Владимир Тимашпольский, после закрытия Ташкентского ГОСЕТа, некоторое время не работали, но с начала Отечественной войны и эвакуации в Узбекистан артистов еврейских театров там возникло несколько еврейских театральных ансамблей, в один из которых – Ансамбль еврейской оперетты Клары Юнг – они поступили. В нем они проработали до февраля 1946 г., т.е. до его роспуска. Ася Томина больше нигде не работала, а Владимир Тимашпольский перешел на работу преподавателем в учебно-производственный комбинат, где проработал с 1948 по 1960 гг. В 1961 году он погиб во время автомобильной катастрофы. Ася Томина ненадолго пережила мужа и после продолжительной болезни умерла в 1964 г.[67].

Артистка Женя Молдавская ушла со сцены Ташкентского театра в начале 1938 года в связи с рождением двух дочек-близнецов.

Артист Мотель Шлемович Айзенберг после закрытия Ташкентского ГОСЕТа повторил путь Сигалеско и Брин и после Молдавского ГОСЕТа эвакуировался в Ташкент, где поступил на работу в Харьковский ГОСЕТ, а после его объединения с Одесским ГОСЕТом стал актером Одесско-Харьковского ГОСЕТа вплоть до его выезда из Ташкента в январе 1948 г. Дальнейшая его судьба мне неизвестна[68].

Артистка Малка Хасминуй родилась в Одессе в 1909 г. После закрытия театра заболела и нигде больше не работала. Она умерла в 1979 г. в Москве. Ее муж, артист Ефим (Хаим) Аронович Островский, родился в Слуцке в 1907 г. После Ташкентского ГОСЕТа работал в Киевском еврейском ТЮЗе (1939 – 1940 гг.), а затем был мобилизован в Красную Армию, участвовал в Отечественной войне (1943 – 1945 гг.), после чего с 1945 г. по февраль 1950 г. был артистом Киевского ГОСЕТа в Черновцах[69]. В начале 90-х гг. репатриировался в Израиль, где умер в 1995 г.

РАЗДЕЛ ВТОРОЙ

Еврейское театральное искусство в Узбекистане в годы Отечественной войны и первые послевоенные годы (1941 - 1947 гг.)

*О*течественная война была суровым испытанием для миллио-
нов граждан бывшего Советского Союза. Многие были вынужде-
ны бросить свои дома, свое имущество и бежать, эвакуироваться в
восточные и южные районы СССР. Узбекистан стал одной из рес-
публик, куда ежедневно приходили эшелоны с эвакуированными
из РСФСР, Украины, Белоруссии, Молдавии, Прибалтики, а так-
же из Польши.

Кроме того, в Узбекистан прибыли коллективы промышлен-
ных предприятий, научных и учебных организаций и учреждений
культуры. В одном месте были сосредоточены многие театры, кон-
серватории, музыкальные и театральные училища, киностудии.

В Узбекистане в 1941 – 1942 гг. оказалось свыше 30 творче-
ских коллективов, в том числе Московский ГОСЕТ (55 человек, в
Ташкенте), Львовский ГОСЕТ (50 человек, в Бухаре), Белосто-
кский ГОСЕТ (40 человек, распределены по Узбекистану), Мол-
давский ГОСЕТ (частично, 25 человек, распределены по республи-
ке), Одесский ГОСЕТ (15 человек, в Ташкенте), Киевский ГОСЕТ
(частично, 10 человек, в Ташкенте), Харьковский ГОСЕТ[1].

Благодаря присутствию в Узбекистане большого числа еврей-
ских актеров, здесь в годы Отечественной войны происходит
своеобразный всплеск еврейского театрального искусства. В по-
следующих частях настоящего раздела будет рассмотрена дея-
тельность этих творческих коллективов.

Московский государственный еврейский театр (декабрь 1941 – сентябрь 1943 гг.). С.М. Михоэлс в Ташкенте

Первым театром, прибывшим в эвакуацию в Ташкент, был Московский ГОСЕТ. Отечественная война настигла его в Харькове, где театр находился с гастролями.

Вот как вспоминает об этом бывшая актриса Московского ГОСЕТа М.Е. Котлярова: «В воскресенье 22 июня 1941 г. в Харьковском Доме офицеров в 12 часов дня должен был начаться спектакль "Цвей кунилемлех". Актеры приготовились выйти на сцену, когда услышали по радио, что выступает Молотов. За кулисами появился Михоэлс – это вселило тревогу. После страшного сообщения о начале войны на сцену вышел Соломон Михайлович. Он произнес речь… Само собой разумеется, что речь не была подготовлена – ведь он не мог знать о фашистском нападении. Но как он говорил! Все присутствующие в зале офицеры после его речи сразу же ушли, остальные зрители остались на местах – спектакль смотрели до самого конца…

Вечером должна была идти премьера "Блуждающие звезды" – будет ли перед кем играть? Мы все стремились домой, в Москву, к нашим детям, к родным… И представьте себе – вечером театр переполнен. Зритель принимал спектакль так, как будто ничего не произошло…

Мы – несколько актеров – собрались у Вениамина Львовича Зускина, сидели у него до рассвета. Михоэлс уехал раньше. 23 июня занятые в "Блуждающих…" выехали в Москву, свободных от этого спектакля отправили накануне»[2].

В Москве театр пробыл недолго. В период с июля по начало октября 1941 г. театр находился в Москве, но спектакли почти не ставились, так как основная масса зрителей театра эвакуировалась или готовилась к эвакуации.

С. Михоэлс и В. Зускин добровольно включились в пожарную дружину дома, где они жили. Почти каждую ночь они дежурили на площадке верхнего этажа дома и ждали сирены тревоги, после чего поднимались на крышу дома, чтобы сбрасывать с крыши, в случае попадания туда, немецкие авиабомбы[3].

Актрисы театра записались в санитарную дружину. Некоторые актеры ГОСЕТа были призваны в Красную Армию и ушли на фронт.

22 сентября 1941 г. Совнарком СССР принимает Постановление № 1212, в котором было записано: «Разрешить Комитету по делам искусств при СНК СССР эвакуировать МГЕ театр в г. Ташкент... Обязать Совнарком УзССР принять, разместить работников МГЕ театра и предоставить помещение для работы театра»[4].

«15 октября 1941 г. обстановка в Москве накалилась, – вспоминает актриса М. Котлярова. – С самого утра коллектив Московского ГОСЕТа с нетерпением ждал С.М. Михоэлса, отправившегося в Комитет по делам искусств для получения указания, что делать театру дальше. Когда Михоэлс вернулся, на нем не было лица: он узнал, что немцы уже под Москвой, и нам необходимо было немедленно эвакуироваться. Причем Михоэлса, как председателя Еврейского антифашистского комитета, обязали выехать срочно, без труппы. Актеры должны были уйти пешком, кто куда.

Нетрудно представить себе, в каком состоянии разошлись люди. Часа через два часть актеров, с собранными впопыхах вещами, отвезли из театра на Казанский вокзал. Михоэлс и Зускин, с небольшой группой, уехали еще раньше. (В этом месте Котлярова ошиблась. См. ниже воспоминания Э.М. Безверхней – *М.В.*)

На рассвете мы распрощались с Москвой, и наш поезд двинулся в сторону г. Куйбышева (Самара). Там нам велели выйти и ждать Соломона Михайловича с остальными актерами, которые должны были приехать с другого направления»[5].

Другим направлением оказалась Сибирь. Именно через Сибирь в Куйбышев ехал с группой артистов ГОСЕТа С. Михоэлс.

Об этом вспоминает известный театровед Александр Дейч: «Ноябрь 1941 г.. Эвакуация. Пол-Москвы на колесах... Наш эшелон уже восемнадцать дней в пути. Через север, по Сибири, по Туркестану мы едем в Среднюю Азию. Непреодолимое желание осесть где-то, работать и работать. На станциях хватаем газеты, слушаем по радио сводки Совинформбюро.

Снова остановка. Глухой полустанок. Напротив – состав из грузовых и нескольких пассажирских вагонов. Спускаюсь на платформу и попадаю в объятия Михоэлса. Оказывается, ГОСЕТ тоже в пути. "Вы куда?" – "Тоже в Ташкент?" – "Прекрасно!"

Слышу крепкий, бодрый голос Михоэлса, чувствую его сильное рукопожатие, и мне становится теплее от этой неожиданной радости: в незнакомом Ташкенте будет хороший друг»[6].

Соломон Михоэлс вместе с женой А.П. Потоцкой выехал из Москвы 25 октября 1941 г. Об этом вспоминает бывшая артистка ГОСЕТа Эльша Моисеевна Безверхняя: «Управление искусств не эвакуировало театр. Но предоставило 6 мест в последнем эшелоне, эвакуированном в Ташкент. Мы выехали из Москвы в последний день эвакуации – 25 октября 1941 г. Это были: Соломон Михайлович с Анастасией Павловной (Потоцкой – *М.В.*), Вениамин Львович Зускин и его жена (актриса Эда Берковская – *М.В.*), Моисей Соломонович Беленький (директор Театральной студии при Московском ГОСЕТе – *М.В.*), я – беременная – с сыном... Доехали до Куйбышева. В Куйбышеве объединились с остальными актерами. 5 ноября мы приехали в Ташкент»[7].

В Ташкенте театр встречали председатель Совета Народных Комиссаров УзССР Абдуджабар Абдурахманов, начальник Управления по делам искусств при СНК УзССР Якуб Велиев, заведующий отделом кадров Управления М.Р. Рахманов, работники искусств Узбекистана, находившиеся в Ташкенте артисты эвакуированных театров (в частности, Клара Юнг)[8].

В Ташкенте актеров ГОСЕТа поначалу не оставили – не были подготовлены ни помещение для театра, ни жилье для артистов. Во главе с В. Зускиным они поехали дальше – в Самарканд. В

Ташкенте остались лишь С. Михоэлс с женой и еще пара помощ-
ников для поисков жилья и помещения для работы театра[9].

В Самарканде к труппе ГОСЕТа присоединилась самая моло-
дая актриса театра Этель Ковенская (ей тогда было 15 лет)[10]. Ус-
ловия жизни в Самарканде были тяжелые, и артисты не могли
выступать.

В декабре 1941 г. Михоэлс приехал в Самарканд и увез арти-
стов в Ташкент, где к тому времени было выделено помещение для
работы театра. Это было здание бывшего Клуба имени М. Кафано-
ва (на ул. Пролетарской). Часть здания занимала Ташкентская кон-
серватория, а другую часть, вместе со зрительным залом, передали
Московскому ГОСЕТу.

Как отмечалось выше, в Ташкент приехали 55 артистов и ра-
ботников ГОСЕТа, в том числе 47 актеров: нар. арт. СССР С.М.
Михоэлс, нар. арт. РСФСР В.Л. Зускин, засл. арт. РСФСР Я.Л.
Гертнер, засл. арт. РСФСР Д.М. Финкелькраут, засл. арт. РСФСР
Т.И. Хазак, засл. арт. РСФСР И.А. Шидло, засл. арт. РСФСР М.Д.
Штейман, засл. арт. РСФСР С.Д. Ротбаум, засл. арт. РСФСР Ю.Я.
Минкова, засл. арт. РСФСР Э.И. Карчмер, засл. арт. РСФСР Л.М.
Розина; артисты А. Баславский, С.Я. Зильберблат, Л.И. Гукайло,
Каманский, А. Коган, В. Крейчман, С.М. Латнер, Леензон, Г.К.
Луковский, И.Г. Лурье, М.И. Ней, Е.Л. Спивак, А. Пустыльник,
И.С. Рогалер, Э.Я. Трактовенко, Я.Н. Цибулевский, Д.Л. Чечик
(он был также и заведующим труппы), М.И. Шапиро, и артистки
Э.М. Безверхняя, Э.С. Берковская, С.М. Биник, А.И. Блинчев-
ская, О.М. Гольдбурт, Р. Именитова, Е.Д. Ицхоки, Э.Л. Ковен-
ская, М.Е. Котлярова, Р.А. Курц, А.М. Мазур, Э. Ройтман, Л.И.
Ром, Сиротина, Э.С. Тайблина, С.И. Фабрикант, Ф. Фридман, А.Б.
Шмаенок и Е.Б. Эпштейн[12].

Позже, в 1942 г., в труппу театра был принят один из старей-
ших еврейских артистов, засл. арт. УССР Григорий Вайсман (187[illegible]
– 1943), бывший актер Киевского ГОСЕТа.

Вместе с артистами в Ташкент приехали главный художник
театра А.Г. Тышлер, заведующий музыкальной частью компози-

тор Л.М. Пульвер, директор театра В. Фишман и другие работники театра.

Острой проблемой для театра в Ташкенте было размещение артистов по квартирам.

Михоэлс с женой по приезде в Ташкент был поселен в гостинице «Националь», а затем получил большую комнату в общежитии Академии наук (ул. Пушкинская, 84). В этом четырехэтажном здании бывшего Управления мест заключения НКВД УзССР в годы войны были поселены семьи крупных ученых из Москвы и Ленинграда (Е.А. Косминского, А.Д. Удальцева, Д.Н. Ушакова, С.В. Бахрушина, В.М. Жирмунского, С.Б. Веселовского, В.Ф. Струве и др.).

Когда артисты ГОСЕТа переехали из Самарканда в Ташкент, то их поселили в старом городе в большом зале Музыкального училища, где поставили 60 кроватей. Впоследствии многих расселили по частным квартирам.

Другой трудностью, с которой столкнулись актеры ГОСЕТа, был голод. Об этом вспоминают бывшие актрисы театра Эльша Безверхняя и Этель Ковенская, а также художник Александр Тышлер, метко охарактеризовавший сложившуюся ситуацию: «Пришлось всем нам много потрудиться, да еще на голодный желудок»[13].

Эльша Безверхняя вспоминает о том периоде: «Условия жизни были тяжелые. Голодали, было плохо. Я все время мечтала о хлебе, особенно тяжело было беременной. Мой 6-летний сын ходил в центр города за супом». И тут же добавляет: «Мы жили дружно. Спектакли проходили с большим успехом. Нас хорошо принимали, иногда мы давали по два спектакля в день»[14].

А вот как описывает это время артистка Этель Ковенская: «В Ташкенте я всегда была голодная. В спектакле "Заколдованный портной" я играла мальчика вместе с Зускиным. У меня однажды был такой эпизод. Я была ужасно голодная. Вечером, во время спектакля, у меня была фраза на идиш в эпизоде, когда мы с Зускиным мечтаем о еде: *"Гехакте легерхе, гефилте фиш мит хрен"* («Жареную печеночку, фаршированную рыбу с хреном»). И, про-

изнеся эту фразу, я упала в обморок. Ко мне подошел Зускин и сказал: “Ты голодная!” – А я была очень гордая – полячка. – “Вот тебе 18 рублей, и ты пойдешь завтра в коммерческую булочную и купишь себе булочку”»[15].

Несмотря на все эти трудности, артисты Московского ГОСЕТа нашли в себе силы войти в привычную норму, и уже 12 января 1942 г. состоялся первый спектакль Московского ГОСЕТа. Это был «Тевье-молочник» Шолом-Алейхема. Местная газета следующим образом описала это событие: «Уйгур (известный узбекский писатель и режиссер – *М.В.*) при открытии занавеса тепло приветствовал коллектив Московского ГОСЕТа. С горячей ответной речью выступил тов. С. Михоэлс.

– Внуки Тевье-молочника, – сказал он, – не хотят быть больше жертвами. Вместе с другими народами Советского Союза они находятся сейчас на полях сражения, сокрушая самую большую силу – гитлеризм… Сегодняшняя встреча – это не только акт гостеприимства, это проявление дружбы народов»[16].

В опубликованной в этой же газете через несколько дней рецензии Давида Бергельсона «Тевье-молочник» следующим образом оценивается этот спектакль: «Одна из значительных постановок ГОСЕТа – “Тевье-молочник” Шолом-Алейхема (инсценировка И. Добрушина и Н. Ойслендера), показанная театром в день открытия его гастролей в Ташкенте. Тевье-молочник – сын народа, человек труда. В его уста великий писатель Шолом-Алейхем с большой любовью вложил мудрость обездоленных народных масс, ропщущих на своих угнетателей, на свое бесправие и свою тяжелую судьбу, на которую их обрек царизм. Изумительный образ этого прямодушного горемыки и кристально чистого человека создал народный артист СССР С.М. Михоэлс. На сцене заурядный человек. Он возится со своей клячей и телегой, с помощью которых он добывает скудное пропитание для себя и для своей семьи. Но Тевье несет в себе философскую мудрость угнетенных масс, является их представителем, направляющим острие народной мудрости против угнетателей народа.

Каждым своим появлением на сцене Михоэлс вызывает восторг зрителя. Вся его игра подчинена одному особенному, ему лишь свойственному, ритму. Его жесты глубоко осмыслены и часто выразительнее слов. Они чрезвычайно скупы, но, кажется, – чем скупее, тем они выразительнее. И они не обособлены, они составляют одно целое с гримом, со словом, с продуманными, размеренными движениями. В своей совокупности это и составляет неподражаемо-своеобразный ритм игры этого замечательного артиста.

Ярче всего слились все качества Михоэлса в сцене, когда он рассказывает своей жене выдуманный сон, чтобы вырвать у нее согласие на брак их дочери с революционером Перчиком.

Столь же своеобразным и взыскательным художником проявил себя Михоэлс в этом спектакле и как режиссер. Достаточно вспомнить сцену смерти жены Тевье. Голда умирает на ступеньках своего убогого дома, на голой земле, срывая с себя одну за другой свои ветхие шали, точно весь груз тяжких лет горестной жизни. Артистка Ром хороша в этой сцене, как и во всей роли, проведенной ею с большим чувством и искренним драматизмом.

Живые и правдивые образы дочерей Тевье создали артистки С. Ротбаум (Годл) и А. Шмаенок (Бейлке), успеху спектакля в значительной мере способствовал композитор Л. Пульвер.

Спектакль "Тевье-молочник" показывает, что ГОСЕТ недаром окружен вниманием и любовью везде, где он демонстрирует свое творчество»[17].

В спектакле играли также артисты М.И. Шапиро (Перчик), М.И. Ней (Лейзер-Вольф), А.С. Пустыльник (Педоцур), Я.Н. Цибулевский (Фроим-сват), Д.Л. Чечик (урядник)[18].

Спектакли Московского ГОСЕТа шли почти каждый день. А порой и дважды в день (утренний и вечерний спектакли). Вот некоторые рекламные объявления, публиковавшиеся в республиканской газете в Ташкенте в 1942 году: 25, 26, 27 января – «Тевье-молочник», 28 января и 1 февраля – «Блуждающие звезды», 13, 14, 15 февраля – «Цвей кунилемлех», 20 февраля – «Блуждаю-

щие звезды», 21 февраля – «Тевье-молочник», 22 февраля (утро) – «Цвей кунилемлех», 22 февраля (веч.) – «Тевье-молочник», 28 февраля – «Тевье-молочник», 1 марта – «Блуждающие звезды», 6 марта – «Цвей кунилемлех», 7 марта – «Блуждающие звезды», 8 марта – «Тевье-молочник», 14 марта – «Цвей кунилемлех», 15 марта (утро) – «Блуждающие звезды», 15 марта (веч.) – «Тевье-молочник», 21 марта – «Тевье-молочник», 22 марта (утро) – «Цвей кунилемлех», 22 марта (веч.) – «Блуждающие звезды», 24 и 25 марта – премьера спектакля «Суламифь» (С. Галкин по А. Гольдфадену), 27 и 28 марта – «Суламифь», 29 марта (утро) – «Тевье-молочник», 29 марта (веч.) – «Цвей кунилемлех». Все эти спектакли были показаны на тогдашней сцене театра, то есть в Клубе им. Кафанова.

5 и 8 мая 1942 г. в помещении Ташкентской гос. филармонии состоялась премьера спектакля «Король Лир» В. Шекспира. Затем спектакль был показан 10, 13 и 15 мая[19].

На одном из представлений этого спектакля, во время сцены в степи, произошло пятибалльное землетрясение. В воспоминаниях художника А. Тышлера мы находим следующее описание этого события: «С колосников на голову играющего Михоэлса и с потолка на зрителей посыпалась штукатурка. Началась паника. Михоэлс продолжал играть, как будто ничего не произошло. Своим огромным темпераментом он заставил публику слушать спектакль до конца. Казалось, что землетрясение пришло не извне, а из спектакля, из сцены бури, из печального крика и стона Михоэлса, обращенного в зрительный зал, как бы ищущего успокоения в народе, который напряженно, с волнением слушал Лира-Михоэлса. Во всем этом вечере было что-то библейское, поистине шекспировское»[20].

Дополнением к этому воспоминанию может служить отрывок из рассказа Якова Кумока «Михоэлс»: «После антракта, когда на сцену вышли Лир и Шут, произошел первый толчок. Запахло пылью. В рядах пронеслось замешательство. Ближние к выходу вскочили, взвихрилась давка. И тут начался гул. Не с улицы, не

из-под земли – ниоткуда, из Вселенной. Зазвенела люстра. Мама схватила наши головы и прижала к своим коленям.

И только королю Лиру вольготней стало среди хаоса как естественного продолжения его боли, как подтверждения его права на боль… Сподвижники актера утверждают в своих мемуарах, что он и не заметил землетрясения.

Перепуганные зрители вернулись в свои кресла»[21].

Жена Михоэлса – А.П. Потоцкая-Михоэлс – пишет: «Нельзя не вспомнить, что когда летом 1942 г. в Ташкенте был сильный толчок землетрясения, – Михоэлс на сцене его не почувствовал. Покачнулось здание, погас свет, люди вскочили с мест, а Михоэлс продолжал монолог Лира. Ему только показалось, что у него вдруг немного закружилась голова»[22].

Спектакль «Король Лир» получился замечательным. Вот какую оценку получил спектакль в рецензии известного театроведа Абрама Эфроса «Король Лир в ГОСЕТе»: «Такого Лира на сцене еще никогда не было. Впервые с Михоэлсом Лир поднимается до философско-государственного обобщения, до эпического образа, не бывшего тогда даже у Росси, у Сальвини, а тем более у Юрьева или Певцова…

Сегодня хочется во всеуслышание сказать о яркости спектакля, получившего в ташкентском варианте окончательный чекан и весомость»[23].

Осенью 1942 г. Московский ГОСЕТ поставил в Ташкенте пьесу Переца Маркиша «Око за око» – о войне, о польском городке, оккупированном нацистами, о евреях городка, согнанных в гетто, о еврейской молодежи, поднявшейся на борьбу против фашистов. Премьера спектакля «Око за око» состоялась 6 октября 1942 г., и он не сходил со сцены около полугода. В этом спектакле Зускин сыграл роль старого доктора Сфарда[24].

В конце 1942 г. началась подготовка нескольких новых спектаклей в Московском ГОСЕТе. Ставил их уже не Михоэлс. В ча-

стности, спектакль «Заколдованный портной» ставил В. Зускин, но Михоэлс держал под своим контролем его подготовку. Об этом свидетельствуют записи в его рабочих тетрадях-блокнотах, сделанные им во время пребывания в Ташкенте. Так, в одной из них имеется такая запись: «“Заколдованный портной”: 1) Макет. Пустить в работу и усл [овиться] насчет оркестра. 2) Пульвер – все прослушать. 3) Просмотреть I акт и наметить срок II акта. 4) Изготовление декораций»[25].

В блокноте с рабочими и дневниковыми записями Михоэлса имеется запись: «Вторник – 15-го [декабря 1942]. Конец недели – Заколдов [анный портной]»[26].

Премьера спектакля «Заколдованный портной» состоялась 1, 2, 3 января 1943 г. Зрителю его показывали с 1 января по 2 мая 1943 г.[27]. Главную роль – портного Шимона-Эле – в спектакле играл В. Зускин. Спектакль получился интересным и пользовался большим успехом у зрителей[28].

В конце 1942 г. началась работа над пьесой К. Яшена и А. Умари «Хамза» (перевод с узбекского писателя П. Нистора). Постановщиком спектакля был режиссер Э. Лойтер. Роль Хамзы исполнял артист Иосиф Шидло, его невесты – Сара Ротбаум. В нем играли также актрисы Э.С. Берковская и Э.М. Безверхняя.

Хотя Михоэлс не был постановщиком данного спектакля, но он принимал самое живое участие в постановке. Об этом свидетельствуют сохранившиеся рабочие записки Михоэлса 1942 – 1943 гг. В них записано:

«”Хамза”.

1) Тышлер – макет.
2) Беседа с актерами.
3) Беседа с Лойтером.
4) Сокращение. Усиление образных начал:

§ 1.

а) Дом Хамзы, ожидают гостей.

б) Саадат, мать, Комилл.

в) песни Хамзы.

г) антре Хамзы.

д) Семья – Хамза.

е) Полет … орла и т.д.

ж) поведение Назири

§ 2»[29].

В блокноте с дневниковыми записями за декабрь 1942 г. имеется несколько записей по этому спектаклю:

«ГОСЕТ. Вторник – 15-го [декабря]

Проверить: конец недели. "Хамза".

Среда – 17-го… ГОСЕТ: …

3) Заглянуть к Лойтеру на репетицию.

4) Звонить Тышлеру насч[ет] "Хамзы" Лойтера»[30].

Работа над спектаклем завершилась в начале мая 1943 г., и 14,15 и 16 мая состоялась премьера спектакля «Хамза». 11 сентября 1943 г. Московский ГОСЕТ в помещении Русского драматического театра имени М. Горького показал свой последний прощальный спектакль перед отъездом в Москву. Им был спектакль «Хамза»[31].

В декабре 1942 г. Михоэлс начал работу над пьесой «Чудесная история». Главные роли в этом спектакле должны были сыграть И.А. Шидло и Я.Н. Цибулевский. Об этом мы находим записи в одном из блокнотов С. Михоэлса: «Вторник. 15 декабря [1942 г.], 5.30 – 6.30 Шидло и Цибул[евский] над пьесой "Чуд[есная] история"»[32].

Репетиции этого спектакля продолжались и после отъезда Михоэлса из Ташкента[33]. Однако спектакль не был поставлен ни в Ташкенте, ни – позже – в Москве.

После отъезда С. Михоэлса из Ташкента, в апреле 1943 г., В. Зускин взялся за постановку пьесы З. Окуня-Шнеера, И. Добрушина и М. Гершензона «Фрейлехс». Музыку написал композитор Л. Пульвер, декорации к спектаклю подготовил художник А. Тышлер. Премьера спектакля «Фрейлехс» (первый вариант) состоялась 23, 24 и 25 июля 1943 г.[34].

11 августа 1943 г. директор Московского ГОСЕТа В. Фишман писал в Москву А. Потоцкой (жене Михоэлса): «Мы за это

время (очевидно, имеется в виду апрель-август 1943 г. – *М.В.*) выпустили спектакль "Фрейлехс". Очень веселый спектакль, делающий большие сборы»[35]. Спектакль шел в Ташкенте в июле-сентябре 1943 г.

К сожалению, мной не обнаружены рецензии на спектакли ГОСЕТа, за исключением указанных выше, поэтому не представляется возможным рассказать об игре актеров в том или ином спектакле.

Сохранившиеся программки некоторых спектаклей Московского ГОСЕТа позволяют, в какой-то мере, восстановить фамилии исполнителей тех или иных ролей в спектаклях. Так, в «Короле Лире», помимо С. Михоэлса и В. Зускина, играли многие артисты театра. Это Ю. Минкова – *Гонерилья*, С. Ротбаум (Э. Карчмер, Л. Розина) – *Регана*, Э. Берковская (Е. Ицхоки) – *Корделия*, М. Ней – *герцог Албанский*, В. Крейчман – *граф Корнуэльский*, И. Лурье (М. Шапиро) – *король Французский*, А. Баславский (С. Зильберблат) – *герцог Бургундский*, Д. Финкелькраут (М. Штейман) – *граф Кент*, Т. Хазак (И. Шидло) – *граф Глостер*, Яков Гертнер – *Эдгар*, А. Пустильник – *Эдмонд*, Г. Луковский – *Освальд*, С. Латнер – *слуга герцога Корнуэльского*, Г. Гукайло – *джентльмен из Свительира*, Д. Чечик – *врач*, М. Минскер и М. Шехтер – *слуги Глостера*, а также О. Гольдбурт, Р. Курц, С. Фабрикант, А. Шмаенок.

В спектакле «Суламифь» играли артисты: Т. Хазак (М.И. Ней), Л.М. Розина (А.И. Блинчевская), М. Шапиро, Ю.Я. Минкова (Л.И. Ром), А.Б. Шмаенок (Э.И. Ройтман), Л.И. Гукайло (Г.В. Луковский, Э.Я. Трактовенко), Э.С. Берковская (Э.М. Безверхняя), С.И. Фабрикант (Ф.Б. Фридман), С.М. Биник (Э.С. Тайблина), Е.Л. Спивак, С.М. Латнер[36].

Артистка Московского ГОСЕТа Этель Ковенская играла в спектаклях «Блуждающие звезды», «Заколдованный портной», «Око за око», «Суламифь» и «Фрейлехс». Во всех этих спектаклях у нее были роли разного плана (например, *Рейзеле* – в «Блуждающих звездах» или *Девушка в толпе* – в «Суламифи»), но отношение ее к

ним от этого не менялось. Так, сама актриса вспоминает, что хотя в спектакле «Суламифь» у нее «роль была небольшая..., но я очень красиво одевалась, на меня обращали внимание: “Какая красивая девушка!” Это мне импонировало. Я была счастлива. Очень волновалась, относилась к своей роли ответственно»[37].

Несмотря на тяжелое материальное положение, жители Ташкента и многочисленные эвакуированные приходили на спектакли Московского ГОСЕТа, смотрели их с большим вниманием, грустили и смеялись во время спектаклей. Как вспоминает бывший профессор Ташкентской консерватории Семен Маркович Векслер, учившийся в годы войны в Ташкентской консерватории (она находилась в одном здании с Московским ГОСЕТом), «во время спектаклей театральный зал всегда был заполнен, свободных мест никогда не было. Нам (студентам) приходилось, по большей части, стоять»[38].

На спектакли Московского ГОСЕТа приходили не только еврейские зрители, но и представители других национальностей.

Ташкентский период в жизни С.М. Михоэлса не ограничивался только работой в ГОСЕТе. Его дочь, Наталья Соломоновна Вовси-Михоэлс, вспоминает: «Однажды ночью мы решили сосчитать, сколько у него обязанностей – “должностей” – как он сам это называл, – и вот что получилось:

1) Руководитель Московского Государственного еврейского театра;
2) Руководитель Ташкентского оперного театра;
3) Председатель Еврейского антифашистского комитета;
4) Член театральной секции Комитета по Сталинским премиям;
5) Профессор и педагог театральной студии;
6) Режиссер-постановщик Узбекского драматического театра и еще примерно в пять раз больше, чего я уже не помню»[39].

Более подробно о ташкентском периоде жизни Михоэлса вспоминает А.Л. Дейч: «С Михоэлсом я виделся ежедневно и ежедневно поражался той титанической энергии, с которой он работал в Ташкенте. Мало того, что он поставил на ноги ГОСЕТ и вы-

пускал новые постановки, привлекающие внимание местного и приезжего населения к этому театру, Михоэлс был, так сказать, "Главковерхом" всех ташкентских театров. Он принял это назначение с чувством общественного долга, столь свойственным ему. И надо было видеть, как старательно заботился он о том, чтобы поднять узбекское оперное искусство, оживить репертуар Узбекского драматического театра имени Хамзы и, в свою очередь, перенять у них для себя и своего коллектива все новое, свежее, интересное»[40].

Выявленные в различных архивах документальные материалы позволяют шире, полнее осветить творческую деятельность Михоэлса в Ташкенте и его вклад в развитие узбекского театрального искусства.

В начале 1942 г. в Узбекском государственном театре оперы и балета была сложная обстановка. Театр имел неинтересный репертуар, слаба была дисциплина работников, срывались репетиции хора и балета, посещаемость спектаклей была низкой. Для того чтобы вывести театр из застоя необходимо было сменить его руководство. В первую очередь необходим был новый художественный руководитель. Найти такого человека среди местных работников руководство Управления по делам искусств при СНК УзССР не смогло. Стали искать среди деятелей искусств, эвакуированных в Узбекистан из Москвы и Ленинграда. Выбор пал, неслучайно, на Соломона Михайловича Михоэлса. Он был народным артистом СССР, художественным руководителем Московского ГОСЕТа, профессором Театрального училища при нем, высокообразованным, авторитетным человеком. С. Михоэлс дал согласие, и в апреле 1942 г. состоялось его назначение художественным руководителем и председателем Художественного совета Узбекского Государственного театра оперы и балета[41]. Михоэлс проработал в этом театре год (с апреля 1942 по апрель 1943 гг.) и проделал колоссальную работу по поднятию уровня театра.

В своей работе в театре Михоэлс столкнулся с рядом проблем: дисциплина, материальная база, повышение квалификации арти-

ний, их учеба. Они нашли отражение на страницах его «Рабочих записок» и в протоколах заседаний Художественного совета театра.

Так, на многих страницах «Рабочих записок» Михоэлса за июнь 1942 г. – март 1943 г. мы читаем: «О дисциплине», «самов[ольно] ушел с концерта», «отказывает[ся] участ[вовать] в концертах», «отсутств[овал] без уважит[ельных] причин», «плохо работает (в середине игры разговарив[ает])», «срывают спектакль» и т.д.[42]

Но его целеустремленность, полная самоотдача и авторитет сыграли важную роль в преодолении трудностей в работе Узбекского театра оперы и балета. Важнейшими своими задачами в этом театре Михоэлс считал: повышение квалификации актеров, расширение материальной базы и улучшение репертуара театра. Он добился возвращения в театр музыкальных инструментов (шести роялей и пианино), увеличения классных помещений для репетиций вокалистов и музыкантов. Кроме того, он убедил дирекцию Ташкентской консерватории выделить две классные комнаты для репетиций артистов Узбекского Государственного театра оперы и балета, а также добился освобождения ряда помещений в клубе РАБИС для мизансценных и оркестровых репетиций и групповых занятий по повышению квалификации.

Особое внимание Михоэлс уделял повышению уровня актерского и вокального мастерства. С этой целью он привлекал в театр для работы с артистами профессионалов высокой квалификации, благо многие из них находились в эвакуации в Ташкенте. Так, занятия по сценическому мастерству вел сам Михоэлс. Вокальное мастерство преподавала солистка Большого Академического театра оперы и балета Н.А. Обухова, работу по музыкальной грамоте вели преподаватели Ленинградской и Ташкентской консерваторий. Согласно постановлению режиссерского совещания при Узбекском театре оперы и балета от 19 июня 1942 г. были введены занятия по общеобразовательным художественным дисциплинам (введение в эстетику и история музыки), которые проводили известный искусствовед, литературовед и театральный критик А.М. Эфрос и преподаватели консерватории.

Усилия Михоэлса дали положительные результаты. Значительно повысилось мастерство узбекских актеров, вокалистов и музыкантов.

Много сил, знания и опыт С. Михоэлс отдавал изменению и улучшению репертуара театра. И это неудивительно, так как в течение 1941 и частично 1942 гг. в театре не был поставлен ни один оперный спектакль. На режиссерском совещании при Узбекском театре оперы и балета Михоэлс впервые поставил вопрос о необходимости постановки новых опер. Сохранилась стенограмма его выступления на этом совещании, где он, в частности, сказал: «Решено поставить к 25-й годовщине Октябрьской революции двухактную оперу "Мать". Текст и либретто готовы (Миртемир и Смирнов). Постановщик – Музафар Мухаммедов, дирижер – Бурханов, художник – Тышлер.

Времени осталось мало. Работы – много. В ближайшие дни вся труппа и зав. цехами познакомятся с либретто.

Вторая работа – осуществление постановки оперы "Улугбек". Частично эта работа уже делалась. Возникает вопрос. Меняется постановщик (постановщик проф. Э.И. Каплан). Значит, новый замысел. Художественное оформление, согласно мнения Музафара Мухамедова, – не на высоте. Возникает вопрос о новом художнике…

Мы продемонстрируем правительству прежние эскизы и костюмы, затем предложим тов. Каплану изложить свой режиссерский, постановочный план, и тогда придем к заключению о художнике и оформлении»[43]. Добавим, что музыку к опере «Улугбек» написал композитор Мухтар Ашрафи.

Две эти оперы находились в центре внимания Михоэлса на протяжении июня – декабря 1942 г. Он ставил вопрос об их постановке на заседаниях Художественного совета театра 22 июня и 23 августа 1942 г., где выступил с предложениями о порядке подготовки и выпуска этих опер. Открывая заседание 22 июня 1942 г., Михоэлс отметил: «Возможны еще некоторые изменения в содер-

жании после прочтения либретто “Мать” в ЦК и СНК. Выпустить эти две огромные работы к празднику (25-й годовщине Октябрьской революции – *М.В.*) театр не сможет, т.к. к опере “Мать” необходимо будет написать музыку. Кроме того, театр должен будет обслуживать бригадами различные кампании. Поэтому нужно решить вопрос так: в первых числах октября выпустить “Улугбек” и через полтора месяца… выпустить оперу “Мать”»[44].

Наряду с указанными двумя операми, Михоэлс в июне 1942 г. начал работу и над другими постановками. Так, на режиссерском совещании 19 июня 1942 г. он подчеркнул, что «следующей работой театра является балет “Акбилак”. Композитор Василенко уже приступает к работе. Срок 1942 г. Не намечен еще художник. Очень хорошая кандидатура балетмейстера тов. Чебукиани»[45].

27 июня 1942 г. Михоэлс записал в своей «Записной книжке»: “Акбилак”. 1). Композитор Василенко приступил к своей работе 27 июня…»[46]

В 1942 г. театр приступил к постановке оперы «Кармен» силами театральной студии, в которой преподавали С.М. Михоэлс и профессор Ленинградской консерватории Э.И. Каплан. Первоначально Михоэлс предполагал сам поставить этот спектакль (I акт). 27 июня 1942 г. был заключен договор с Миртемиром о переводе II акта «Кармен». Так как выпуск спектакля планировался на 5 ноября 1943 г. и Соломону Михайловичу явно недоставало свободного времени, то спектакль передали проф. Каплану. Однако сам спектакль состоялся лишь 15 января 1944 г.[47]

В 1943 г. Михоэлс как художественный руководитель театра планировал отредактировать или заново поставить ряд наиболее ценных, уже осуществленных спектаклей, таких как «Лейли и Маджнун» и «Фархад и Ширин».

Планировалось в этом же году поставить оперу «Великий канал». Дирижером намечался М. Ашрафи, художником – В.С. Басов. Спектакль вышел уже после отъезда Михоэлса в Америку.

По инициативе Михоэлса при Узбекском театре оперы и балета была создана Музыкально-драматическая лаборатория, при которой в июле 1942 г. был утвержден ученый совет. Председателем совета был Михоэлс, а членами: А.М. Эфрос, В.М. Беляев, Э.И. Каплан, Е.Е. Романовская, Н.Н. Миронов, композиторы Т. Садыков, М. Ашрафи, М. Бурханов, В.А. Успенский, М.О. Штейнберг, С.Н. Василенко, А.Ф. Козловский, писатели, поэты, драматурги – Шейхзаде, Миртемир, К. Яшен, нар. арт. СССР Халима Насырова, М. Кари-Якубов, Тамара Ханум, И.Г. Захт, известные ученые-историки В.В. Струве, А.Ю. Якубовский, А.А. Семенов и др.[48]

Интерес представляет сохранившийся в архиве «План-программа научно-исследовательской работы лаборатории на 1942 – 1943 гг.». Так, в его 4-м пункте «Новые постановки театра» на 15 января 1943 г. планировался доклад по балету «Акбилак». Докладчиками должны были выступить композитор С.Н. Василенко и С. Михоэлс, а на 15 мая 1943 г. намечалось обсуждение постановки оперы «Тараби», но докладчики не были указаны[49]. Можно предположить, что одним из них должен был быть С. Михоэлс, который, по воспоминаниям А.Л. Дейча, «затеял создать узбекскую историческую оперу “Тараби”, из истории монгольского нашествия 13-го века, и вел по вечерам долгие беседы с писателем Айбеком и композитором Чишко. Меня он тоже вовлек в создание либретто этой оперы. К этому времени он прочитал много материалов по истории Узбекистана»[50]. Однако присутствовать на совещании 15 мая 1943 г. Михоэлс не смог, так как был вызван из Ташкента для командировки в Америку, Мексику, Канаду и Англию.

Наряду с руководством Узбекским театром оперы и балета Михоэлс принимал активное участие в работе Узбекского театра драмы имени Хамзы в качестве режиссера-постановщика.

В театре им. Хамзы С. Михоэлс, совместно с режиссером М.М. Уйгуром, начал постановку спектакля по пьесе Хамида Алимджана «Муканна». Прежде чем приступить к постановке спектакля,

Артисты и работники Московского ГОСЕТа в Кремле после награждения их орденами и медалями. 1939 г. Сидят (слева направо): М. Гольдблат, [illegible] Финкелькраут, Я. Ней, М.И. Калинин, С. Михоэлс, Брусиловский, А. Намиот, [illegible] Стоят: С. Ротбаум, А. Тышлер, И. Добрушин, Л. Пульвер, М. Ней, Куклис, Рогалер, Д. Финкелваст, М. Штейман, В. Зускин, Степанов. (Архив Центра изучения диаспоры, Тель-Авив)

В. Зускин в роли доктора Сфарда в пьесе "Око за око". Ташкент 1943 г. (Из кн. А. Зускиной "Путешествие Вениамина")

В. Зускин в роли Шимона-Эле в пьесе "Заколдованный портной". Ташкент, 1943 г. (Из кн. А. Зускиной...)

**Санитарная дружина Московского ГОСЕТа. Сидят (слева направо): Э. Безверхняя, Е. Ицхоки, Э. Берковская; стоят: Сиротина, Э. Тейблина, Х. Блинчевская, С. Биник, Б. Рейнер, Э. Карчнер, С. Ротбаум. Москва, 1941 г. (Из архива Э.М. Безверхней)*

**С. Михоэлс, Анна Гузик и В. Зускин. Ташкент, 1942 г. (Из Театрального архива Тель-Авивского университета)*

**Э. Берковская в спектакле "Хамза". Ташкент, 1943 г. (Из архива А. Зускиной)*

Репетиция сцены со скамейками из спектакля “Блуждающие звезды”. Москва, 1940 г. (Из кн. А. Зускиной “Путешествие Вениамина”)

С. Михоэлс, Г. Вайсман и В. Зускин. [illegible] г. (Из архива А.С. Вайсман)

С. Михоэлс и А.Н. Толстой в роли плотников. Ташкент, 1942 г.

А.Н. Толстой, актриса Х. Насырова и С. Михоэлс. Ташкент, 1942 г. (Архив Узбек. театра оперы и балета)

**Сцена из спектакля "Фрейлехс". Слева направо: Ф. Нудельман, В. Зускин, Л. Казачок и Т. Теплицкая. Москва, 1945 г. (Из архива А. Лямпе)*

**Э. Ковенская и Л. Ром в спектакле "Блуждающие звезды". (Из архива Э. Ковенской)*

**Э. Ковенская в роли Рейзеле в спектакле "Блуждающие звезды". (Из архива Э. Ковенской).*

Актер и режиссер Абрам Нугер
(Из архива Я.Нугер)

**Художественный руководитель*
Киевского ГОСЕТа Моше Гольдблат

Актриса Ада Сонц
(Из кн. М. Лоева "Украденная муза")

**Актриса Раиса Яцовская*
(Из архива Л Яцовской, Вильнюс)

Афиша вечера эстрады и миниатюр артистов Киевского ГОСЕТа (г. Кустанай, 1942 г.) (Из кн. М. Лоева "Украденная муза")

Управление по делам искусств при СНК УССР

Киевский государственный еврейский

ТЕАТР

ПРОГРАММА

Л. РЕЗНИК.

ДОНЯ

Музкомедия в 3-х актах.

Постановка А. П. Нугера
Музыка А. Б. Файнтуха.
Оформление С. Н. Штейнберга.

Действующие лица:

Доня	*А. И. Шейнфельд* *Е. А. Томская*
Двойре	*Ш. Ш. Фингерова*
Таскер	*Л. С. Хейфец*
Буля	*А. Н. Миргородский*
Шер	*М. Б. Теплицкий*
Гинзольд	*А. П. Нугер*
М-р Пиклер	*А. Г. Меламед*
1-я соседка	*Р. А. Симкина*
2-я соседка	*С. К. Бурсак*
Работница	*Р. Грин*
Равин	*А. Н. Рубинштейн*
Милиционер	*Я. Л. Шехтман*

Спектакль ведет *М. И. Шехтман*

Афиша к спектаклю Л. Резника "Доня". Джамбул, 1942 г. (Из архива Я. Нугер)

Д. Жаботинский в роли Бар-Кохбы в одноименной пьесе С. Галкина. (Архив А. Вайсман. Нью-Йорк)

Директор Киевского ГОСЕТа Г. Спекторов и актриса Е. Сегал. 1946 г. (Архив С. Пемовой

Участницы спектакля "Вольный ветер" (слева направо): С. Месонжик, Р. Грин, Г. Немова, А. Шейнфельд, А. Готлибовская, Е. Сегал. В центре - Р. Симкина.
(Из кн. М. Лоева "Украденная муза")

[illegible] Вайсман в роли Мирцы Хац
в пьесе "Сендер Бланк".
(Из архива А. Вайсман, Нью-Йорк)

**Женя Томская в пьесе*
"Аршин мал алан"
(Из архива С. Пемовой)

**Сцена из спектакля "200 000". Слева направо: Б. Портная, А. Сонц, М. Гольдблат, Х. Островский, А. Меламед. (Из архива С. Островского)*

**Е. Шапиро и С. Гохберг в спектакле "Блуждающие звезды" (Из архива Центра изучения диаспоры, Тель-Авив)*

**С. Бидер в роли гестаповца Пауля в пьесе "Я живу" (Из архива Е. Бидер)*

Артисты и работники театра "Гезкульт". Харьков, 1929 г. (Из архива А. Лямпе)

Актеры Львовского еврейского театрального ансамбля (бывшие актеры Харьковского и Львовского ГОСЕТов). Львов, 1948 г. (Архив И. Гельстона)

**Артисты Харьковского ГОСЕТа после спектакля "Пролитая чаша". Сидят справа 2-й - А. Люксембург, 4-я - Р. Руфина. (Из архива А. Лямпе)*

**В.А. Рифтин - главный художник Харьковского, а затем Одесско-Харьковского ГОСЕТов. Ташкент, 1947 г. (Из архива А.В. Рифтина)*

Р. Руфина в роли Гершеле Остраполера в одноименном спектакле. (Из архива А. Лямпе)

Сцена из спектакля "Колдунья": Бабе Яхне - Р. Руфина; Мейделех - Б. Юнеско, Я. Мильман и Т. Гильденбранд (Из архива А. Лямпе)

**Р. Руфина в роли Бабе Яхне в спектакле "Колдунья". (Из архива А. Лямпе)*

**У дома, где родился драматург А. Гольдфаден. Слева направо: стоит - Г. Лямпе, сидят - А. Люксембург, Р. Руфина и Н. Шейнберг. (Из архива А. Лямпе)*

**Сцена из спектакля "Герщеле Острополер". В роли Гершеле Острополера - Р. Руфина. (Из архива А. Лямпе)*

*Актриса Лия Бугова
(Из архива Л. Унгерн)

*Актер С. Вадровник
(Из архива М. Вексельмана)

*Актер Б. Ландау
(Из архива Г. Таля)

*Труппа Одесского ГОСЕТа в канун Отечественной войны.
В центре (во втором ряду снизу, пятый слева) - Эфраим Лойтер,
художественный руководитель театра (Из архива М. Фельдман)

Финальная сцена спектакля "Швестер". Одесса, 1940. Крайний справа - Мордко Зальцман, в центре - Ида Зальцман (Из архива Б. Гальпериной)

***Актриса Лея Пасеманик в спектакле "Суламифь" (слева) и "Колдунья". (Из семейного альбома М. Фельдман. Театральный музей и архив им. И. Гура. Иерусалим)**

С. Иоффе и Я. Мансдорф в пьесе "Швестер". Одесса, 1940 г.

**В. Шварцер в спектакле "Бойтре" (Из архива Э. Ковенской)*

***После спектакля "Фрейлехс". Одесса, 1948 г. Слева направо:**
1-й ряд (снизу) - И. Миндлин, Л. Песеманик, Ф. Заяц, Г. Лев, З. Белошицкая;
2-й ряд (стоят) - Ф. Гершгорн, Вольский, Э. Лойтер, неизв. лицо, И. Кипер;
3-й ряд - Б. Ландау, М. Зальцман, Г. Белошицкий. (Из архива М. Фельдман)*

В. Шварцер в роли Тевье
в спектакле "Тевье-молочник"

**Б. Ландау в роли Бобэ-Яхне в пьесе*
"Колдунья" (Из архива Г. Таля)

**М.Зальцман в роли Эберта*
в спектакле "Пламя". Ташкент,
1947 г. (Из архива Б. Гальпериной)

**М.Зальцман в роли Мендыха*
в спектакле "Фрейлехс". Ташкент,
1947 г. (Из архива Б. Гальпериной)

**Геня Лев в роли Эдит в пьесе "Клятва" И. Добрушина. (Архив Г. Таля)*

**Актеры Одесского ГОСЕТа в 1948 г. (Архив М. Фельдман)*

Актер и режиссер Одесско-Харьковского ГОСЕТа Иосиф Миндлин в ролях, сыгранных им в пьесах Шолом-Алейхема на протяжении 1918 - 1949 гг. (Архив М. Фельдман)

Актриса Белостокского ГОСЕТа Дора Пшепюрка. (Из архива Д. Пшепюрки-Крельман)

Сцена из спектакля "Миреле Эфрос". Играют бывшие актеры Львовского ГОСЕТа: Дора Крельман - Шенделе, И. Крельман - Шалме, Берта Герстан - Миреле Эфрос, Фиш - Йоселе. Лондон (после 1947 г.) (Из архива Д. Пшепюрки-Крельман)

MAX VEKSELMAN

JEWISH THEATRES (IN IDISH)
IN UZBEKISTAN: 1933 – 1947
HISTORICAL ESSAYS

(JERUSALEM: «PHILOBIBLON», 2005)

Редактор и оформитель

Леонид Юниверг

Корректор

Владимир Френкель

Монтаж

Светланы Мойбер

Телефон для контактов с автором:

972-8-619-9044

На лицевой сторонке обложки помещены
фотографии ряда актеров еврейских театров,
работавших в Узбекистане в 1933 – 1947 гг.
На оборотной сторонке, сверху – групповое фото,
на котором запечатлены С. Михоэлс, А. Толстой,
актриса Халима Насырова, драматург К. Яшен и
другие; внизу – сцена из спектакля Ташкентского
ГОСЕТа «Мера строгости» Д. Бергельсона

Тип. «Цур-От» (Иерусалим)

От автора

Еврейский театр (на идиш) на территории бывшего Советского Союза имел длительную историю, однако многие ее страницы не были в достаточной степени исследованы. В частности, не получила серьезного освещения в литературе деятельность Ташкентского ГОСЕТа (лишь несколько строк в статье о еврейских театрах в «Краткой еврейской энциклопедии»), а также интенсивная работа государственных еврейских театров, находившихся в годы Отечественной войны в Узбекистане и других республиках Средней Азии. Настоящее исследование является попыткой в какой-то мере восполнить этот пробел.

При написании книги автор использовал документальные материалы многих архивов и библиотек Узбекистана, Израиля и России (их перечень см. ниже). Ценным источником для настоящего исследования явились также документы и фотоматериалы, хранящиеся в семейных архивах актеров, детей и других родственников артистов бывших ГОСЕТов, а также их воспоминания.

Настоящее исследование состоит из трех разделов: «Еврейский театр в Узбекистане в довоенный период (1933 – 1940 гг.)», «Еврейское театральное искусство в Узбекистане в годы Отечественной войны и первые послевоенные годы (1941 – 1947 гг.)», а также раздел «Блуждающие звезды», куда включены очерки о трех еврейских театрализованных ансамблях – Сиди Таль, Клары Юнг и Анны Гузик, которые, по сути, были мини-театрами еврейской оперетты и эстрады, возникшими в годы войны в Ташкенте.

В книге приводится большой фотоиллюстративный материал, значительная часть которого публикуется впервые (что отмечено: *).

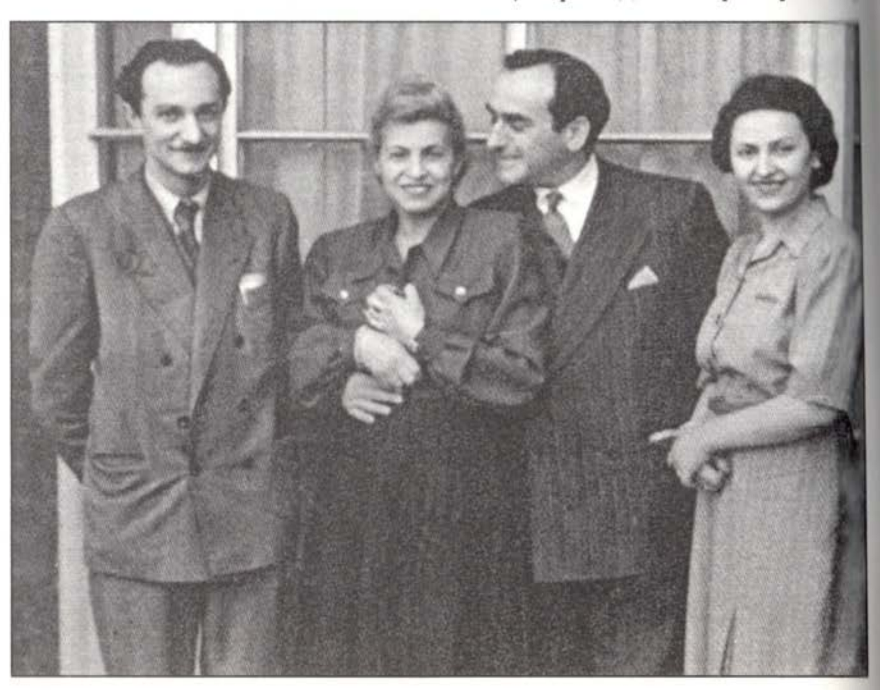
В «Примечаниях», помимо ссылок, приводятся краткие биографические справки об отдельных артистах, призванные дополнить фактический материал очерков. К сожалению, автору этих строк не удалось найти биографические сведения о многих артистах ГОСЕТов, рассматриваемых в монографии, но он надеется, что настоящая книга стимулирует продолжение исследований в этой важной для нашего народа области культуры.

В процессе написания книги мне довелось опубликовать предварительные итоги исследования в виде отдельных очерков на страницах газет «Еврейский камертон» (приложение к газете «Но-

Сцена из спектакля “Гершеле Острополер”. В роли Корчмарши и Станового - Д. Пшепюрка-Крельман и Л. Лернер. Театральная труппа лагеря еврейских перемещенных лиц. 1947 г. (Из архива Д. Пшепюрки-Крельман)

**Бывшие актеры Львовского ГОСЕТа (слева направо) - Григорий Ари[illegible], Ида Каминьская, Исаак Крельман и Дора Пшепюрка-Крельман во время встречи в Лондоне. 1950 г.(?) (Из архива Д. Пшепюрки-Крельман)*

С. Михоэлс много внимания уделил изучению истории Узбекистана VIII в., то есть того периода, когда происходили описываемые в пьесе события. Он встречался и беседовал с ученым-востоковедом Бертельсом, прочитал много литературы по истории Узбекистана, изучил и хорошо знал местные старинные обряды и обычаи.

Своими воспоминаниями о работе Михоэлса в театре им. Хамзы и, в частности, над пьесой «Муканна», поделилась, во время встречи со мной в Ташкенте в мае 1994 г., бывшая артистка театра, народная артистка СССР Сара Ишантураева:

«Репетиции у нас проходили очень интересно. Михоэлс был такой внимательный и такой необычный. Хотя он был уже немолодой, но мог из зала прыгнуть на сцену. А оттуда – в зал. Кое-что ему приходилось показывать актерам, потому что у нас были актеры, которые не имели представления о жизни Средней Азии VIII века. Соломон Михайлович из зрительного зала смотрел все сцены, наблюдал, кто как двигается. Следил за каждым, а мы все следили за ним, за его реакцией… Он был человеком эмоциональным, очень эрудированным и умным. Содержание пьесы, каждую роль он прекрасно знал. Каждый день он и Уйгур разрабатывали новые и новые сцены, мизансцены. Михоэлс предлагал свои решения тех или иных образов… Актеры, конечно, с большим интересом его слушали. С ним было очень интересно работать… Он вообще часто бывал в нашем театре. “Отелло”, “Гамлет” и другие спектакли смотрел по нескольку раз и делал замечания актерам. Мы у Михоэлса очень многому научились»[51].

Музыку к спектаклю «Муканна» написали композиторы А.В. Успенский и А.Г. Мушель, однако Михоэлс и Уйгур пытались подобрать и настоящую арабскую музыку. Так, по воспоминаниям переводчика Куркмаса Маноновича Маджидова, сына драматурга и режиссера Манона Уйгура, однажды вечером собрались у Уйгура на квартире Михоэлс и Алексей Толстой, чтобы вместе послушать по радиоприемнику арабскую музыку. Во время передачи на дом к Уйгуру явилась группа работников НКВД, вызван-

ная соседом – работником НКВД. Налицо были нарушения правительственных постановлений (о необходимости сдачи во время войны радиоприемников и запрещении слушать передачи из-за границы). Радиоприемник был изъят, а Уйгур получил устное предупреждение.

У Михоэлса в Ташкенте сложились хорошие отношения с руководителями Узбекистана Абдуджабаром Абдурахмановым (председателем Совнаркома Узбекистана) и Усманом Юсуповым (первым секретарем ЦК КП Узбекистана). И если ему нужна была помощь в организации работы Узбекского театра оперы и балета или Узбекского драматического театра, он обращался к ним и получал эту помощь. Так, Абдурахманов помог Узбекскому театру оперы и балета вернуть себе шесть роялей и пианино, находившихся на частных квартирах, и расширить классные помещения для учебы и репетиций артистов театра.

На даче Усмана Юсупова неоднократно собирались Х. Алимаджан, С. Михоэлс и М. Уйгур, чтобы работать над сценарием пьесы «Муканна».

По словам Шадии, дочери нар. артиста УзССР и СССР Шукура Бурханова, Михоэлс сыграл решающую роль в становлении Ш. Бурханова как артиста. В спектакле «Муканна» Ш. Бурханову была поручена бессловесная роль Саида Батталя – одного из арабских воинов, который специально сдался в плен, чтобы попасть в лагерь руководителя восставших – [illegible] Муканны. Михоэлс поручил балетмейстеру Узбекского драматического театра им. Хамзы – Глизерс – помочь Шукуру Бурханову создать пластический образ арабского разведчика. Но Глизерс создала не только пластический образ, но и балетный номер с антраша, прыжками, танцем на пальцах, танцем с двумя мечами.

«Поскольку Михоэлс поручил Ш. Бурханову эту роль, – рассказывает его дочь Шадия, – то он подчинялся Глизерс, усиленно репетировал с ней этот номер с утра до ночи. За довольно короткое время – около двух недель – он изучил этот балетный номер.

Когда Михоэлсу показали этот номер, когда он увидел, что вытворила Глизерс с этим парнем, то он расхохотался и сказал: "Ах ты, мой бедняжка! Что же вы с ним сделали! Надо было просто в пластике передать зрителям, что Батталь не просто пленный, а разведчик. Он должен был просто совершать прыжки и во время прыжков оглядываться и пересчитывать солдат и оружие"».

Михоэлс понял, что парень не только может и хочет быть артистом, – он бешено влюблен в свою профессию. И когда в театр пришел Усман Юсупов, серьезно относившийся к развитию искусства в республике, и спросил, кому нужно помочь, то Михоэлс указал на Бурханова и сказал, что его надо женить.

Михоэлс опекал отца. Он встречался с будущей женой Бурханова – Шакор Раимовной. Побеседовал с ней и убедил ее стать женой, подругой и помощником Ш. Бурханова.

Когда он убедился, что это подходящая кандидатура, то он договорился с Усманом Юсуповым, и тот дал указание организовать свадьбу за общественный счет. На ней было много артистов как местных, так и из эвакуированных театров»[52].

Хотя спектаклю «Муканна» Михоэлс отдал много сил, знаний и опыта, он не смог его выпустить, так как по заданию Советского правительства выехал в апреле 1943 г. в заграничную командировку, из которой он вернулся лишь 10 декабря 1943 г., но уже в Москву.

Премьера спектакля «Муканна» состоялась 22 августа 1943 г. В тот же день в республиканской газете была опубликована статья С. Ишантураевой, в которой она, в частности, писала: «Эта монументальная постановка стала для нас своеобразной школой, где коллектив встретился с одним из выдающихся мастеров современного театра – народным артистом СССР С.М. Михоэлсом, который вместе с художественным руководителем нашего театра народным артистом УзССР Уйгуром и осуществил постановку "Муканны"»[53].

12 сентября 1943 г. в этой же газете была опубликована рецензия члена-корреспондента АН СССР профессора В.М. Жир-

мунского «Муканна». В ней отмечалось: «Постановка "Муканны" в театре им. Хамзы является достижением узбекского театра. Постановщики – народные артисты С.М. Михоэлс и М.М. Уйгур – придали спектаклю известную праздничность, правильно подчеркнув романтическую героику пьесы и усилив ее лирический элемент удачным музыкальным сопровождением (композиторы А.В. Успенский и А.Г. Мушель). Талантливый художник-постановщик Александр Тышлер, пренебрегая натуралистическим воспроизведением ненужных археологических деталей прошлого, сумел вместе с тем создать серию исторических и бытовых картин, насыщенных конкретными чертами национального и исторического своеобразия. Особенно удачны массовые сцены, имеющие решающее значение для народной драмы. Из отдельных исполнителей выделяются нар. артисты Абрар Хидоятов (Муканна), Шукур Бурханов (Батталь), Сара Ишантураева (Гюль-Айин), Абид Джалилов (Джалаир).

В целом театр создал прекрасный спектакль, созвучный драматическим настроениям нашего времени. Насыщенный богатым национальным и историческим содержанием, он, несомненно, вызовет интерес и за пределами Узбекистана, среди братских народов нашего Союза»[54].

Помимо работы в трех театрах, Михоэлс был занят общественной работой, очень часто выступал, встречался со зрителями, ранеными воинами, «бывал в узбекских колхозах, горных кишлаках, присматриваясь к людям и природе»[55].

Первым зафиксированным публичным выступлением С.М. Михоэлса в Ташкенте была его речь на общегородском собрании интеллигенции 27 декабря 1941 г.[56]

1 марта 1942 г. С. Михоэлс и В. Зускин приняли участие в «Большом вечере-концерте», состоявшемся в Концертном зале (бывший Клуб швейников по ул. Чехова, 3/5).

2 и 3 марта 1942 г. в помещениях Летнего театра и театра «Мюзик-холл» ташкентского Парка культуры и отдыха им. Горь-

кого состоялись праздничные представления «Весенний мюзик-холл». Во всех концертах приняли участие Михоэлс и Зускин.

Уникальный в своем роде концерт состоялся в Ташкенте 4 и 5 апреля 1942 г. Он был дан деятелями искусств в пользу эвакуированных детей (в Узбекистан в годы войны было эвакуировано более 100 тысяч детей). Организаторами вечера были С. Михоэлс, писатель А.Н. Толстой и их жены – Анастасия Павловна Потоцкая-Михоэлс и Людмила Ильинична Толстая.

Согласно опубликованному объявлению в газете «Правда Востока» (1942, 28 марта, № 4), в помещении Государственного театра оперы и балета им. Свердлова проходил большой вечер (в 3-х отделениях) «Работники кино – эвакуированным детям: Кино на эстраде».

В информации была указана программа вечера:

1-е отделение – Музыка и песни из кинофильмов.

2-е отделение – Герои кино на эстраде.

В этом отделении выступили: Б.А. Бабочкин (Чапаев) и Л. Кмит (Петька) – эпизоды из кинофильма «Чапаев».

Н.К. Черкасов (Паганель) – эпизод из кинофильма «Дети капитана Гранта».

Б.Л. Зускин – эпизод из кинофильма «Искатели счастья».

Л.Н. Свердлин – эпизод из кинофильма «Волочаевские дни».

Халима Насырова и Мукарам Тургунбаева – эпизод из фильма «Асаль».

3-е отделение – «Съемка хотя и состоялась, но... – Комическое происшествие».

В нем участвовали: засл. артист РСФСР О. Абдулов, П. Алейников, нар. артист РСФСР Б.А. Бабочкин, В. Грибков, нар. артист РСФСР Б.Л. Зускин, Ст. Каюков, засл. артист РСФСР Л. Кмит, засл. артист РСФСР Н.В. Комиссаров, Тамара Макарова, С. Мартинсон, нар. артист СССР С.М. Михоэлс, Татьяна Окуневская, засл. артистка РСФСР Ф.Г. Раневская, Л.Н. Свердлин, Алексей Толстой, Е.А. Тяпкина, А.Л. Хвыля, нар. артист РСФСР Н.К. Черкасов, засл. артист РСФСР М.М. Штраух, Эмма Цесарская.

Сценарист – Козьма Прутков (так в объявлении, а в действительности – Алексей Толстой)[57].

Режиссер представления – заслуженный деятель искусств РСФСР Я.А. Протазанов.

Вместе с Я. Протазановым в постановке этой комической пьесы участвовал С. Михоэлс[58].

Содержание веселой пьесы и суть происходящего на сцене действия живо описала А. Потоцкая: «В киностудии идет съемка современного фильма. Царит суета, сумятица... Среди загримированных, готовых к пробе актеров бегают рабочие сцены, сбивают с ног друг друга рабочие с "юпитерами", кричат помреж, кинооператор, и сам "реж" покрывает звучным голосом весь гул... Здесь же два плотника. Сначала почти незаметные. В дальнейшем ходе действия выясняется их главная роль».

Этих двух плотников играли С. Михоэлс и А. Толстой, играли без единого звука.

И далее Потоцкая пишет: «И вот занавес открыт. На сцене шумно, беспокойно, волнительно. "Костюмерша" Ф.Г. Раневская, судорожно прикрыв левой рукой авоську с драгоценными новыми галошами, мылом и зеленым луком (реквизит, взятый на время из самых главных, самых соблазнительных выигрышей лотереи, которая была организована в большом фойе театра)[59], наспех исправляет что-то в костюмах уже одетых, загримированных актеров.

Звучит ее низкий необыкновенный голос, и зрители смеются при каждом ее движении, от каждого ее слова.

Последние приказания, торопливые движения, почти давка на сцене и вдруг...

Никого нет, все исчезли, сцена пуста!

Зажигается огромный транспарант: "Полная тишина! Идет съемка!"

И тут появляются два плотника. Впереди Михоэлс, за ним Толстой. Михоэлс в сплющенной кепке, Толстой в рваном берете. Оба в рубахах, передниках, из карманов торчат поллитровки.

Молчаливый проход по авансцене (почти марш). Движения, абсолютно совпадающие и повторяющие друг друга. Прошли…

Остановились. Двинулись. Двинулись дальше, опять остановились, молча “поговорили”, присели и начали исступленно вколачивать гвозди, неистово стучать молотками.

Вбегает целая толпа… Скандал! Съемка сорвана! Плотников куда-то выпихивают.

Вновь тишина! Опять вспыхивает транспарант: “Полная тишина! Идет съемка!”

И вновь повторяется точно такой выход плотников. И было такое подлинное мастерство в этом молчаливом дуэте…»[60]

Затем плотники вновь начинали заколачивать гвозди молотками. И вновь на сцену вбегала толпа участвовавших в съемке артистов, среди которых был и артист, игравший Гитлера. Они пытались вытолкать плотников со сцены. К великому удовольствию зрителей плотники в конце пьесы выражают свое отношение к Гитлеру кулаками.

Долго в зале не смолкали смех и аплодисменты зрителей.

Свидетельством этого концерта остался фотоснимок «плотников», сделанный Л.И. Толстой. Копию этого фотоснимка она подарила С. Михоэлсу, который им дорожил. Ныне он хранится у его дочерей.

Такой подробный рассказ о вечере-концерте обусловлен тем обстоятельством, что в нем проявился С. Михоэлс и как сценарист, и как постановщик, и как талантливый актер.

В последующее время Михоэлс и Зускин принимали участие во многих концертах.

Так, 20 апреля 1942 г. в помещении Русского драматического театра им. М. Горького, проводился литературно-художественный вечер «Шолом-Алейхем», в котором участвовали С. Михоэлс, В. Зускин и другие артисты.

2 и 3 мая 1942 г. в Парке культуры им. М.Горького в помещениях Летнего театра им. Свердлова и театра «Мюзик-холл» со-

стоялся концерт «Великий мюзик-холл», в котором участвовали Зускин, Михоэлс, артистка Сиди Таль и др.

16 августа 1942 г. в помещении театра «Мюзик-холл» был дан «Единственный концерт мастеров искусств», в котором участвовали М. Гольдштейн, С. Михоэлс, В. Зускин, Н. Ратбаум, С. Гиацинтова и др.

22 августа 1942 г. на сцене Русского театра оперы и балета Михоэлс выступает в программе антифашистского вечера и концерта[61].

4 ноября 1942 г. в помещении Узбекского и Русского театров оперы и балета состоялся «Симфонический концерт», в программе которого была исполнена «Первая узбекская героическая симфония» нар. артиста УзССР М. Ашрафи. Со вступительным словом выступил «нар. артист СССР, профессор С.М. Михоэлс».

В декабре 1942 г. Михоэлс выступил с творческим отчетом в военном госпитале № 3666 в Ташкенте[62].

В течение того же г. Михоэлс и Зускин выступали в различных концертах как артисты кино[63].

В Ташкенте С.М. Михоэлс, как он сам говорил, стал «инстанцией». Разрываясь между тремя театрами, которые находились в разных частях города, Михоэлс «вообще не успевал забежать домой, чтобы перекусить хотя бы затирухой, и один из узбекских театров (Узбекский театр драмы им. Хамзы – *М.В.*) прикомандировал к нему старую кобылу с повозкой. Узбек-возница ежедневно около шести утра возвещал, постукивая кнутом по двери: “Сулейман, моя пришла!” Михоэлс вскакивал и, спотыкаясь о раскладушки, быстро отправлялся на своей колымаге по всем пунктам. По дороге его поджидали просители со всевозможными проблемами. Прием продолжался. И какой прием! И какие просьбы! Тут были и сульфидин для тещи, и очки для слепнущего отца, и прикрепление к столовой № 5 жены, приехавшей из другого эвакопункта, и струна “ля” для какого-то горемычного работника оркестра…

"Просители" додумались до того, что подарили Михоэлсу чернильницу «Ванька-встанька» и самодельную ручку – обструганную лучинку с пером, привязанным к ней суровой ниткой.

Это «вечное» перо было сделано руками жаждущих подписи Михоэлса и бесконечно верящих в его сердце и силу. А может быть, и в то, что он все-таки "инстанция"»[64].

Организованность и сосредоточенность Михоэлса были поразительны. Он ни от чего не отмахивался и ни на что не смотрел сквозь пальцы. Все для него было существенно важным. Спал он очень мало и с утра до поздней ночи был в работе.

Занятый сложной повседневной работой, Михоэлс все же успевал жить и интересами общежития Академии наук – четырехэтажного «ученого и артистического улья». То, бывало, Соломон Михайлович забежит к Якубу Коласу послушать его новые стихи, то встретится с востоковедом Бертельсом, чтобы узнать нужное ему о древнем Самарканде, то послушает отрывки из перевода поэмы Навои «Фархад и Ширин», выполненного Пеньковским[65].

Наталья Соломоновна Вовси-Михоэлс вспоминает, что ее отец «успевал даже побеседовать с нашими соседями-академиками. Нередко бывало, что, выйдя из комнаты на минуту, папа исчезал на час или больше, а вернувшись, поражал нас подробнейшими рассказами о новой идее химика-академика Каблукова, об интереснейших концепциях профессора Жирмунского или открытии Ревекки Самуиловны Левиной, члена-корреспондента Академии наук СССР, той самой Ревекки Самуиловны, которая спустя семь или восемь лет была арестована за связь с агентом Джойнта Михоэлсом и замучена в тюрьме, о чем рассказывает в "Архипелаге ГУЛАГ" Солженицын»[66].

Поскольку С. Михоэлс был целый день занят на работе, то домой он возвращался поздно вечером в сопровождении друзей, и начиналась ночная жизнь.

Вечерами к Михоэлсу приходил Александр Иосифович Дейч, и они предавались воспоминаниями о еврейском театре периода Грановского.

Постоянным гостем был художник Александр Тышлер, который, начиная с «Лира», оформил в театре большинство постановок.

Среди гостей неизменно бывал друг Михоэлса артист О.Н. Абдулов[67]. С ним Михоэлс «сочинял и разыгрывал импровизированные сцены из семейной жизни, – вспоминал Ал. Дейч. – Один из них изображал старика-бая, другой – благочестивого имама, и оба сговаривались отправиться на богомолье в Мекку. Однажды ночью, накрутив чалмы на головы и надев халаты (узбекские – *М.В.*), они вышли в пустынный переулок. Встретив старика-узбека, по-видимому, ночного сторожа, спросили его, где дорога на Мекку. Изумленный старик сказал, что он этого не знает, что идти надо далеко, через моря и горы. Но Михоэлс вполне серьезно его убедил, что самое трудное – дойти до Чирчика[68], а дальше уже совсем недалеко»[69].

В апреле 1943 г., как уже упоминалось выше, Михоэлс вынужден был выехать из Ташкента. Отъезд его был неожиданным, внезапным. Он не смог даже как следует попрощаться с артистами своего театра и, тем более, – с актерами двух узбекских театров. Это его беспокоило и буквально терзало. О том, с какими чувствами он покинул Ташкент, мы узнаем из его письма к жене Анастасии Потоцкой, написанном с дороги:

«Впрочем, все было бы, конечно, иначе, если бы я уехал из Москвы или Ташкента[70], наладив все. Я с ума схожу от того, что меня вырвали, а не снарядили… Остался театр. Почти без планов. Без перспектив, фактически без руководства.

Остались мои узбеки, и повисла в воздухе неоплаченная мною и реализованной ответственностью моею обязанность перед ними

за доверие и ласку...» И далее в письме Михоэлс дает поручения жене: «...9. Узбекские театры. Созвонись, пожалуйста, с Ашрафи, с Уйгуром, Левиным, Нишан-Ходжаевым[71]. Объясни, в общих чертах, что я получил срочное задание – займет 2 – 2,5 месяца. Так что – пока пусть Ашрафи руководит оперным театром. А Уйгур пусть не трогает "Муканны", если хочет ждать меня, а займется пока другой постановкой. Если же он найдет, что ждать невозможно – тогда его воля делать как он найдет лучше. О моем отъезде, о целях, о направлении – говори им... лишь в самых общих чертах...»[72].

Отъезд Михоэлса поверг артистов Московского ГОСЕТа в уныние, но они продолжали работать, показывать ташкентским зрителям спектакли. Театром руководил, в отсутствии Михоэлса, В.Л. Зускин.

Зускин и некоторые другие артисты ГОСЕТа принимали участие в различных концертах, организуемых Узбекской филармонией.

Так, В.Л. Зускин с 27 по 31 июля и 1 августа 1943 г. участвовал в концерте «Артисты кино на эстраде», организованном Узгосфилармонией в помещении театра «Мюзик-холл», а с 17 по 19 сентября 1943 г. Зускин и артистка ГОСЕТа Л.М. Розина участвовали в «Вечерах еврейского творчества» в том же театре «Мюзик-холл»[73].

В состав Московского ГОСЕТа в 1943 году вошел В.Е. Шварцер, приглашенный из Одесского ГОСЕТа.

В годы эвакуации в Ташкенте находилось театральное училище при Московском ГОСЕТе во главе с профессором Моисеем Беленьким[74]. В училище вели занятия нар. артист СССР, профессор С.М. Михоэлс, нар. артист РСФСР В.Л. Зускин, засл. артистка РСФСР С.Д. Ротбаум и другие. Как и в других городах, где гастролировал Московский ГОСЕТ, в Ташкенте был организован

новый набор в училище. Среди принятых в число студентов училища был и Эмиль Горовец.

23 сентября 1943 г. Московский ГОСЕТ, вместе с Театральным училищем при нем, выехал в Москву – завершился ташкентский период их деятельности.

Руководство Узбекистана высоко оценило вклад режиссеров, артистов и других работников Московского ГОСЕТа в развитие узбекского искусства. Указами Президиума Верховного Совета УзССР В.Л. Зускину было присвоено звание народного артиста УзССР, режиссеру Э.Б. Лойтеру – звание заслуженного артиста УзССР, а театральному художнику А.Г. Тышлеру было присвоено звание «Заслуженный деятель искусств УзССР».

Художественный руководитель Московского ГОСЕТа С.М. Михоэлс был награжден Почетной грамотой Верховного Совета УзССР и именными золотыми часами[75].

Киевский ГОСЕТ в годы Отечественной войны (1942 – 1944 гг.)

Одним из ведущих еврейских театров, оказавшихся в годы войны в эвакуации в Узбекистане и Казахстане, был Киевский ГОСЕТ.

Документы этого театра не отложились в фондах ЦГА Узбекистана, нет их и в архивах Израиля (за исключением документов личного фонда художественного руководителя и актера этого театра М.И. Гольдблата, хранящихся в архиве Центра изучения диаспоры им. Горен-Гольдштейна (Тель-Авив, ф. 51). Отдельные документы театра отложились в семейных архивах некоторых артистов этого театра и детей бывших актеров.

В Израиле ныне проживают артисты театра Соня Пемова (Иерусалим), Анна Готлибовская и Изяслав Рубинчик (Тель-Авив). В различных городах Израиля живут дети некоторых актеров Киевского ГОСЕТа [Лена Бидер, Аркадий Каршенбаум, Яна Нугер, Семен Островский, Виталия Сапожникова (Гордина)]. Они сохранили частицы семейных архивов своих родителей, с которыми ознакомили меня: это фотографии, программы некоторых спектаклей, некоторые газетные публикации по истории Киевского ГОСЕТа[1]. В театральном музее и архиве им. Исраэля Гура (Еврейский университет, Иерусалим) сохранились вырезки из газет с рецензиями на некоторые спектакли Киевского ГОСЕТа, показанные в годы войны. Кроме того, мною были сделаны записи воспоминаний бывших артистов театра (С. Пемовой и И. Рубинчика), а также детей некоторых актеров. Все эти источники явились основой для настоящего исследования.

Полная история Киевского ГОСЕТа к моменту завершения рукописи данной книги еще не была опубликована. Только недавно бывший режиссер театра Моисей Лоев (ныне живущий в Нью-Йорке) восполнил этот пробел и написал книгу «Украденная муза. Воспоминания о Киевском еврейском театре им. Шолом-Алейхема. Харьков – Киев – Черновцы. 1925 – 1950 гг.» (Киев, 2003), однако в

ней недостаточно освещен как раз период пребывания театра в эвакуации.

В данном очерке делается попытка восстановить некоторые страницы истории Киевского ГОСЕТа, особенно военного периода.

* * *

Осенью 1925 г. решением Совнаркома Украины в Харькове – тогдашней столице Украины – был создан Первый Государственный еврейский театр УССР. В Харькове он находился до 1934 г., после чего переехал в Киев, вновь ставший столицей Украины.

Художественным руководителем, главным режиссером театра стал ***Эфраим Борухович Лойтер***[2] – ученик Е. Вахтангова и В. Мейерхольда.

Творческой основой нового театра явилась театральная студия «Культур-Лига», 18 выпускников которой вернулись на Украину после четырехлетнего обучения у лучших мастеров сцены Москвы. Кроме того, в труппу были приглашены еврейские актеры из других театров, и в их числе хорошо известные актеры Лия Бугова и Абрам Нугер.

В первые годы существования театра там были поставлены спектакли: «Пуримшпиль» Э. Лойтера, «В огне» М. Даниэля, «Загмук» А. Глебова.

В конце 20-х годов усилился контроль над еврейским театром. В мае 1928 г., после резкой критики на 2-м съезде работников еврейской культуры и просвещения, Э.Б. Лойтер был освобожден от должности художественного руководителя ГОСЕТа УССР (г. Харьков). Некоторое время театр был без художественного руководителя. Для постановки спектаклей приглашались разные режиссеры. Спектакли ставили актеры-режиссеры Д.Ф. Стрижевский и А.П. Нугер, а также приглашенные режиссеры М.А. Норвид (в сезон 1927-28 гг. им был поставлен спектакль «Аристократы» Д. Волькенштейна, а в следующий сезон он был главным режиссером этого театра[3]) и Нахум Лойтер [4].

В 1930 г. в Киеве, на основе приехавшей из Москвы труппы театра «Фрайкунст», был организован Киевский ГОСЕТ под руководством Б. Вершилова. В 1934 г. он был объединен с Харьковским (Украинским) ГОСЕТом. С этого момента объединенный театр стал называться Киевским Государственным еврейским театром (УССР). Художественным руководителем театра стал Борис Ильич Вершилов – ученик Станиславского. Но через два года (в 1936 г.) он становится художественным руководителем Киевского русского драмтеатра, и Киевский ГОСЕТ вновь остался без художественного руководителя. В 1937 – 1939 гг. художественным руководителем театра был Н.Б. Лойтер. С ноября 1939 по июнь 1941 г. и с лета 1942 по 28 февраля 1950 г. художественным руководителем Киевского ГОСЕТа был Моисей Исаакович Гольдблат[5]. При нем театр достиг наивысшего своего расцвета.

Разными путями пришли актеры в Киевский ГОСЕТ.

Одним из первых актеров, поступивших в театр, был ***Абрам (Аркадий) Петрович (Пейсакович) Нугер***. Он родился 18 февраля 1896 г. в семье кузнеца во Владимире-Волынском, но все его детство прошло в Житомире. У него очень рано проявился «серебряный альт», и в 8 лет его забрал кантор в свой детский канторский хор. Когда у него началась мутация голоса, Нугер некоторое время не пел, работал на ювелирной фабрике. Когда период мутации прошел, Абрам Нугер пришел певцом и актером в театр Рудольфа Заславского, перед которым он благоговел до конца своей жизни. В этом театре он играл с такими корифеями еврейского театра, как Григорий Вайсман, Яков Либерт, Софья Эйдельман, Розалия Медведева, Альберт Сигалеско, Лея Бугова, Роза Брин и Ривка Руфина.

Р.Р. Заславский впервые поставил на сцене своего театра инсценировку «Тевье-молочник» (по Шолом-Алейхему), в которой Нугер был первым исполнителем роли Перчика.

У Абрама Нугера был абсолютный слух, хотя музыкального образования он не имел. Когда в театре заболел дирижер, Нугер спустился в оркестровую яму и три спектакля подряд дирижировал оркестром.

Когда в середине 20-х годов стали создаваться государственные еврейские театры, А. Нугер поставил перед собой задачу выйти на сцену еврейского государственного театра. Первым театром, куда Нугер поехал поступать, была «Габима». Он встретился с руководителем театра Нахумом Цемахом, и тот пригласил его в свою труппу. Но Нугер, как вспоминает его дочь Яна, всей душой был «идишистом». Он считал, что у театра на иврите нет перспектив в тогдашней России, а потому уехал в Харьков, чтобы попытаться попасть в столичный (на Украине) еврейский театр. В 1925 г. Абрам Нугер был принят в Харьковский (с 1934 г. – Киевский) ГОСЕТ, где проработал до его закрытия.

На сцене Киевского ГОСЕТа Абрам Нугер сыграл много разнообразных ролей: это были *бобэ Яхне* – в «Колдунье» Гольдфадена; *Гершеле Острополер* – в одноименной пьесе М. Гершензона; *Гарпагон* – в «Скупом» и *Кофьель* – из «Мещанина во дворянстве» Мольера; *Гингольд* – в музыкальной комедии «Доня» Л. Резника, *Тевье-молочник* – в одноименной пьесе Шолом-Алейхема; *профессор Полежаев* – в пьесе «Беспокойная старость» Р. Рахманова, *Абдул Назаров* – в комедии «Варто жити на свити», *Балагула* – в «Изгоните беса», *Актер* – в оперетте И. Дунаевского «Вольный ветер». И во всех этих ролях проявились его необыкновенная музыкальность, пластичность, актерское мастерство.

Кроме того, А. Нугер был играющим режиссером. Им были поставлены на сцене Киевского ГОСЕТа такие известные спектакли, как «Тевье-молочник» и «Сендер Бланк» по Шолом-Алейхему, «Профессор Мамлок» Ф. Вольфа, «Гершеле Острополер» М. Гершензона.

В Харькове состоялась встреча Абрама Нугера с будущей женой, актрисой Шевой Фингеровой[6].

Путь ***Шевы Фингеровой*** в театр отличался от пути мужа. Она родилась в 1910 г. в местечке Липовцы Винницкой области в семье раввина Шули Лейбовича Фингерова. В 14 лет уехала в Киев, пытаясь поступить в Киевскую консерваторию. Но ее не приняли туда по социальному признаку – дочь раввина. Ее зачислили в

ПТУ, которое она закончила по специальности слесарь-механик. В ПТУ Шева активно участвовала в художественной самодеятельности. Затем она поступила на первый курс Киевского театрального института, из которого ее отчислили, когда узнали, что она дочь духовного лица – лишенца. В 1929 г. ее приняли в Киевский еврейский театр без специального диплома. В 1931 г. Шева Фингерова была проездом в Харькове, познакомилась там с Абрамом Нугером и, став его женой, перешла на работу в Харьковский ГОСЕТ. В 1934 г. их семья, вместе с театром, переехала в Киев, где Шева стала одной из ведущих актрис объединенного Киевского ГОСЕТа.

За время работы в театре Шева Фингерова проявилась как очень органичная, обаятельная актриса. Она хорошо играла, пела, танцевала. Ею были сыграны такие роли, как *Двойре* – в «Доне» Л. Резника, *Двося* – в «Гершеле Острополере», *Бася* – в «Колдунье», *Гацке* – в «Заколдованном портном», и многие другие[7].

В 1925 г. начала выступать в Харьковском (а с 1934 г. – в Киевском) ГОСЕТе ***Ада Ефимовна Сонц***.

Сонц сыграла много разнообразных и разноплановых ролей. Среди них *Ноэми* – в «Восстании в гетто» П. Маркиша, *Миреле Эфрос* – в одноименной пьесе Я. Гордина, *Эстер* – в «Пуримшпиле» Э. Лойтера, *Жарова* – в «Кордоне» Д. Бергельсона, и др.[8]

С 1930 г. в Харьковском (а затем в Киевском) ГОСЕТе работала ***Соня Пемова***. Она родилась 8 января 1912 г. в Нежине. Ее отец был музыкантом, а мама – вышивальщицей. После смерти отца в 1925 г. 13-летнюю Соню взяли на воспитание тетя и дядя Винокуры. Тетя, Анна Винокур, была еврейской актрисой, выступавшей в различных передвижных еврейских театральных труппах. Она обладала хорошим голосом и исполняла даже роль Сильвы в театре Клары Юнг. Дядя – Я.Н. Винокур – был дирижером. В 1925 г. они оба были приняты в семейный театр Гузиков в Днепропетровске, где проработали до 1930 г. В том же году Соня Пемова играла в этом театре в спектакле «Тевье-молочник» и др., исполняя в них детские роли.

В 1930 году Пемова, вместе с Винокурами, переехала в Харьков, где поступила в Харьковский ГОСЕТ. Там уже работали такие артисты, как А. Нугер, Д. Стрижевский, Ф. Заславский, Н. Шейнфельд (пришла из театра Клары Юнг, где была ее партнершей). Соня Пемова проработала на сцене этого театра вплоть до его закрытия 28 февраля 1950 г.

За время работы в театре Пемова сыграла много ролей, в том числе торговку на базаре – в «Колдунье», Аврамеле – в «Заколдованном портном», мальчика – в «Уриэль Акоста», «Жонче-Поченче» – в «Бойтре», девушку – в оперетте «Вольный ветер»...[9]

Роза (Рахиль) Грин родилась в 1910 году. Ее отец, Меир Грин, был революционером из Польши и находился в ссылке на Украине. После Октябрьской революции он остался в Харькове и был назначен заведующим отделом еврейского искусства. С самого детства Роза Грин вращалась в театральных кругах, и у нее рано проявилась любовь к театру и способности к искусству. В 1926 г. она поступила в Харьковский ГОСЕТ. Уже будучи актрисой, она окончила Киевский театральный институт.

Роза Грин играла в Киевском ГОСЕТе вплоть до его закрытия в феврале 1950 г. Ею были блестяще сыграны роли матери в пьесах П. Маркиша «Кол Нидре» и «Восстание в гетто», она играла в спектаклях «200 000», «Заколдованный портной», «Иоселе», в группе девушек в оперетте «Вольный ветер» и др.

Семен (Соломон) Бидер родился в 1907 г. в Виннице в семье торговца рыбой. Его с молодости тянуло к театру, он принимал участие в самодеятельности, играл в драмкружке. В 1930 г. в Винницу приехали представители Государственного еврейского театра УССР для подбора талантливой молодежи в свой театр. Бидер, один из немногих, выдержал экзамены и был приглашен в Харьковский ГОСЕТ. Здесь со всей полнотой проявился его талант. Он был музыкален и обладал хорошим певческим голосом. Очень много играл. Он был, как говорится, «героем-любовником». В «Колдунье» он играл *Маркуса*, в «Блуждающих звездах» – *Лео*

Рафалеско, в «Их лейб» («Я живу») – *немца-гестаповца*, в «Восстании в гетто» – *главного гестаповца Клупса*. В театре С. Бидер познакомился с актрисой Р. Грин, и в 1931 г. они поженились[10].

В 1939 г. в творческий коллектив Киевского ГОСЕТа вошли талантливые актеры Бетя Портная, Симон Гохберг, Хаим Островский и Ева Шапиро.

Бетя Портная была родом из Житомира. В 1918 г., когда ей еще не было и 6-ти лет, умерла ее мать, а через 2 г. белополяки расстреляли ее отца и старшего брата. Детство ее прошло в детском доме, где она сделала свои первые театральные шаги.

После окончания еврейской семилетки она работала на швейной фабрике, где играла в самодеятельной труппе в спектаклях «200 000» Шолом-Алейхема, «Зеленые поля» Переца Гиршбейна, в оперетте «Шестая жена» М. Талалаевского.

В 1930 г. она стала студенткой театрального училища при Московском ГОСЕТе. Здесь она познакомилась со своим будущим мужем Симоном Гохбергом, впоследствии одаренным актером.

В 1934 г., после сдачи выпускных экзаменов, Бетя Портная и ее муж Симон Гохберг стали актерами Крымского еврейского колхозно-совхозного театра (Симферополь), который через 5 лет был ликвидирован. После этого Гохберг и Портная переехали в Киев, где были приняты в труппу Киевского ГОСЕТа[11].

Женя Томская родилась в Жмеринке, в семье маляра. Очень рано увлеклась театром и вслед за сестрой Броней стала играть в театральной труппе Клуба железнодорожников. Впервые она появилась на сцене в готовящемся спектакле «Мазлтов» Шолом-Алейхема. С тех пор она исполняла все детские роли.

Через несколько лет ее сестра Броня стала актрисой в Криворожском еврейском передвижном театре. Вслед за ней в театр поступила Женя Томская. Пылкий темперамент, очаровательный голос обеспечили ей успех, но она стремилась к большему: она хотела стать профессиональной актрисой. Когда в 1930 г. в Киев приехал режиссер МХАТа Борис Ильич

Вершилов со своей еврейской студией «Фрайкунст» («Свобод-ное искусство»), то в Киевском театральном институте откры-лось еврейское отделение, которое он возглавил. На основе его студии «Фрайкунст» был создан Киевский еврейский театр, где он был художественным руководителем.

Женя Томская решила, что это то, к чему она стремилась. Она стала студенткой еврейского отделения Киевского теат-рального института, а затем – актрисой Киевского еврейского театра, в котором проработала вплоть до его закрытия[12].

В ноябре 1939 г. приказом Комитета по делам искусств при СНК СССР в Киев был командирован артист и режиссер Москов-ского ГОСЕТа Моисей Гольдблат для укрепления Киевского те-атра. Он стал художественным руководителем театра. Вместе с ним в труппу театра поступила его жена, артистка Московского ГОСЕТа ***Ева Шапиро***. Она родилась в 1898 г. в Вильно в семье портного. С юных лет принимала активное участие в кружках рабочей художественной самодеятельности. В 1919 г. она была приглашена актрисой в один из лучших по тому времени еврей-ских театров – в Виленскую труппу. В 1920 г. Е. Шапиро была зачислена в Высшую еврейскую театральную школу при Москов-ском ГОСЕТе, которую окончила по классу актерского мастерст-ва в 1924 г. с отличными показателями. Параллельно с учебой Е. Шапиро зачисляется актрисой в труппу Московского ГОСЕТа, где проработала до 1937 г.

В 1937 – 1938 гг. Е. Шапиро – ведущая артистка Биробиджан-ского ГОСЕТа, в 1939 году она вернулась в Московский ГОСЕТ, а уже с ноября 1939 по 28 февраля 1950 г. – актриса Киевского ГОСЕТа.

Согласно характеристике, выданной артистке Е.И. Шапиро 28 февраля 1950 г. и подписанной и.о. директора Киевского ГОСЕ-Та М. Теплицким, председателем месткома Д. Днепровым, режиссером А. Рубинштейном, «она полностью развернула свое незаурядное дарование и создала галерею образов, поставивших ее в ряд популярнейших артистов театра».

Надолго запомнились зрителю Фаничка – в «Людях», Эти-Меня – в «200000», Генриетта Швальд – в «Блуждающих звездах». Исключительно теплый прием у зрителя и критики получили созданные Е. Шапиро замечательные образы женщин: Марья Львовна – в «Беспокойной старости» Л. Рахминова, Полозова – в «Московском характере» А. Софронова, Кaринкина – в «Без вины виноватые» А.Н. Островского, старуха Бейле – в «Мазлтов» Шолом-Алейхема[13].

К концу 1939 г. в Киевском ГОСЕТе собрался довольно большой, в 60 человек, коллектив актеров – мастеров еврейской сцены: М. Басин, Г. Белошицкий, С. Бидер, С. Бурсак, Г. Вайсман (засл. арт. УССР), Н. Вайсман, Ива Вин, М.И. Гольдблат (художеств. руководитель, засл. арт. РСФСР), Я. Гольман, С. Гохберг, Р. Грин, Д. Днепров, Д. Жаботинский, Л. Калмановский, Я. Каминский, М. Карлос, В. Каршенбаум, С. Лейман, А. Меламед, С. Месонжик, А. Миргородский, Р. Мостославская, З. Мурованная, А. Нугер, М. Ойбельман, Х. Островский, С. Пемова, П. Померанц, Б. Портная, Я. Пресман, А. Рубинштейн, Е. Сегал, Р. Симкина, Д. Стрижевский, М. Теплицкий, Е. Томская, Ш. Фингерова, Л. Хейфец, В. Шайкевич, Е. Шапиро, Н. Шейнфельд, Р. Яцовская и др.[14]

Киевский ГОСЕТ размещался в центре Киева, на ул. Крещатик, 29, в здании, плохо приспособленном для театральных представлений. В довоенный период началось строительство нового здания для театра, но в 1939 г. его строительство было заморожено.

Постановки спектаклей в Киевском ГОСЕТе осуществляли талантливые режиссеры М. Гольдблат, Д. Стрижевский, А. Нугер, Д. Жаботинский, Л. Литвинов, А. Рубинштейн, М. Лоев и режиссер-коммунист из Австрии Эммануил Динор (был арестован в 1937-1938 г.х по обвинению в шпионаже и вернулся из заключения лишь в 50-х г.х). Многие из них были и играющими актерами.

Музыку к спектаклям писали композиторы Л. Пульвер, С. Штейнберг, М. Мильнер, А. Крейн, З. Заграничный и др. Оформляли спектакли художники Л.З. Файленбоген, М.М. Аксельрод, Н.И. Альтман, М.Б. Рубигер.

Тесную связь с Киевском ГОСЕТом поддерживал поэт, писатель и драматург Перец Маркиш. В театре шли его пьесы [illegible] «Семья Овадис», «Кол-Нидре», «Восстание в гетто». Драматурга очень любили в театре, и он любил встречаться с актерами. Первая встреча его с труппой Киевского ГОСЕТа состоялась в 1940 г., вторая (последняя) – в 1946 г., в Черновцах, где театр размещался с 1945 по 1950 гг. Сохранилась фотография этой встречи.

В 1937 – 1941 гг. в репертуаре театра были также и такие спектакли, как «Цвей кунилемлех» А. Гольдфадена, «Тевье-молочник» Шолом-Алейхема, «Швестер» и «Доня» Л. Резника, «Васса Железнова» М. Горького, «Без вины виноватые» А. Островского, «Бар-Кохба» Ш. Галкина, «Уриэль Акоста» К. Гуцкова и др.*

Вскоре после нападения фашистской Германии на Советский Союз Киев стал одним из первых городов, подвергшихся бомбежке. Из города началась эвакуация населения. Артисты Киевского ГОСЕТа были эвакуированы в различные города СССР. В семейном архиве артиста театра Абрама Нугера сохранился «Список творческих работников Киевского ГОСЕТа» с указанием мест их эвакуации:

Кустанай: Жаботинский, Яцовская, Виньяр, С. Померанц, Ойбельман, Гольман, Хейвец, Эйдельман, А. Миргородский, Меламед, Теплицкий, С. Бидер, Р. Грин, Томбак, Томская,

---

* Более подробно о довоенном и послевоенном периоде истории театра см. в кн. М. Лоева «Украденная муза. Воспоминания о Киевском еврейском театре им. Шолом-Алейхема. Харьков – Киев – Черновцы. 1925 – 1950 гг.» (Киев, 2003).

Шехтман, Рубинштейн, Каминская, Шклянская (концертмейстер), Туровский (зав. парикмахерским цехом), Сейфер (машинист сцены), Штейнберг (зав. музыкальной частью), Г. Спекторов (директор театра)[15].

Алма-Ата: М. Гольдблат (худож. руководитель театра, засл. артист, орденоносец), Е. Шапиро и др. артисты (фамилии их не установлены – *М.В.*).

Уфа: А. Сонц (засл. арт. УССР), Д. Стрижевский, Мурованная.

Свердловск: Г. Калманович (засл. арт. УССР), А. Нугер, Ш. Фингерова, Н. Вайсман, Карлос.

Ташкент: Г.Вайсман (засл. арт. УССР), Б. Портная[16].

Элиста: Д. Днепров.

Куйбышев: Либер.

Тюмень: Шейнфельд.

Ашхабад: Шайкевич.

Джамбул: С. Пемова[17].

Мне не удалось установить фамилии артистов, эвакуированных в другие города, но известны места их эвакуации: группа артистов эвакуировалась в г. Новосибирск, некоторые эвакуировались в Андижан, одна группа артистов театра находилась в Ульяновске.

Эвакуированные в разные города артисты Киевского ГОСЕТа пытались там устроиться по специальности. Так, А. Нугер некоторое время работал в Смоленском русском драмтеатре, эвакуированном в г. Красноуральск Свердловской области. Бетя Портная, по приезде в Ташкент, выучила узбекский язык и играла в Ташкентском узбекском театре музыки и драмы им. Мукими, снималась на Ташкентской киностудии. Соломон Бидер устроился в Кустанайский русский драматический театр и успешно там работал с июля 1941 до конца 1941 г., т.е. до возрождения Киевского ГОСЕТа[18]. В этом же театре работал Дмитрий Жаботинский, о чем он пишет в своих воспоминаниях: «Нелегко мне дался переход с идиш на русский. На мою долю выпало сыграть несколько ролей в советском и классическом репертуаре: Несчас-

ливцев ("Лес" А.Н. Островского), Захар ("Приказ по фронту" Г.Д. Мдивани) и др.»[19]

Летом 1941 г. оказавшиеся в Кустанае артисты Киевского ГОСЕТа дали большой театрализованный концерт, в котором исполнялись фрагменты из спектаклей театра и еврейские народные песни.

В восстановлении Киевского ГОСЕТа как театра велика заслуга его директора Григория Спекторова. Находясь с большой группой артистов и работников театра в г. Кустанае, он установил контакт с руководством Управления по делам искусств при СНК УССР. Заручившись поддержкой Управления и согласием М.С. Гольдблата, Спекторов вступил в переписку со всеми эвакуированными артистами и работниками театра, собрав их к концу 1941 г., и, таким образом, вновь воссоединил труппу Киевского ГОСЕТа в Кустанае. Однако там не нашлось театральной площадки.

Находившемуся в эвакуации в г. Алма-Ата художественному руководителю Киевского ГОСЕТа М. Гольдблату руководство КазССР предложило возглавить Казахский драматический театр. Он согласился возложить на себя эту ответственность при условии, что будет предоставлено помещение для его театра – Киевского ГОСЕТа. Такое помещение было выделено в г. Джамбуле. Туда летом 1942 г. переехал Киевский ГОСЕТ, но некоторые артисты не смогли приехать в Кустанай и Джамбул, так как в годы войны не было разрешено свободное перемещение по стране. Чтобы помочь артистам, Г. Спекторов отправил им письма-вызовы, одно из которых сохранилось у артистки Сони Пемовой. Вот текст этого письма:

«23 июня 1942 г.

Артистке Пемовой Софье Семеновне.

Согласно приказа Управления по делам искусств при СНК УССР, дирекция театра предлагает Вам немедленно выехать в город Джамбул по месту работы театра.

Директор театра Г. Спекторов».

(На документе поставлена гербовая печать Киевского ГОСЕТа) [20].

Такие письма помогли артистам и работникам театра приехать в Джамбул, где начался военный период в деятельности Киевского ГОСЕТа.

В Джамбуле прошли первые спектакли возрожденного театра. Туда переехала артистка Е. Шапиро и другие актеры, находившиеся в г. Алма-Ата. М. Гольдблат вновь стал художественным руководителем Киевского ГОСЕТа, одновременно являясь художественным руководителем Казахского драматического театра в г. Алма-Ата. Ему приходилось ездить туда и обратно, но он блестяще справлялся с этими работами и даже играл во многих спектаклях Киевского ГОСЕТа.

Спектакли, показанные в Джамбуле, шли, в основном, на русском языке. Первым восстановленным спектаклем театра была музыкальная комедия «Доня» Л. Резника, исполненная на русском языке летом 1942 г. Поставил спектакль А.П. Нугер, музыку к спектаклю написал А.Б. Файнтух, аранжировка С.Н. Штейнберга.

В спектакле играли: А.И. Шейнфельд (Е.А. Томская) – *Тоня*, Ш.Ш. Фингерова – *Двойре*, Л.С. Хейфец – *Таскер*, А.Н. Миргородский – *Бузя*, М.Б. Теплицкий – *Шер*, А.П. Нугер – *Гингольд*, А.Г. Меламед – *м-р Пиклер*, Р.А. Симкина – *1-я соседка*, С.К. Бурсак – *2-я соседка*, Р. Грин – *Работница*, А.И. Рубинштейн – *Раввин*, Я.М. Шехтман – *Милиционер* [21].

Там же были поставлены пьесы К. Симонова «Жди меня» (режиссер А.П. Нугер, художник М.Я. Гафт, композитор С.Н. Штейнберг) и «Русские люди» (режиссер С.А. Марголин, композитор С.Н. Штейнберг), К. Финна «Петр Крымов» (режиссер Д.Ф. Стрижевский, художник М.Я. Гафт), Л. Леонова «Нашествие» (реж. А.П. Нугер, худож. Л.З. Файленбоген, композитор С.Н. Штейнберг), «Неравный брак» бр. Тур. Все эти спектакли шли на русском языке [22].

В большинстве из них играла актриса из Ленинграда Тамара Сейц, которая была приглашена в труппу для того, чтобы отработать с актерами русскую сценическую речь[23].

Среди перечисленных пьес наиболее трудной в постановке оказалась пьеса Л. Леонова «Нашествие». Яна Нугер, дочь режиссера спектакля, вспоминает: «Папа говорил, что язык Леонова казался ему чрезвычайно сложным, потому что папа был все же идишским актером и режиссером. Ставить почти без перехода русскую классику, какой была пьеса Леонова, было ему чрезвычайно трудно. Обычно русскую классику ставил Д. Стрижевский, но он просто испугался пьесы Леонова, не взялся ее ставить. Папа перечитал пьесу шесть раз. Он не мог себе сказать: нет, я не буду ее ставить. Все же он решился и поставил этот спектакль»[24].

В спектакле были заняты ведущие актеры театра. Федора – главного героя – играл Даниил Днепров; Фаюнина – Даниил Стрижевский; доктора Таланова – Дмитрий Жаботинский; его жену – Ада Сонц; председателя райисполкома Колесникова – Яков Гольман; чиновника при немцах Кокарышкина – Михаил Теплицкий; Демидьевну, домработницу в семье доктора, – Зинаида Мурованная. Женя Томская играла роль девочки Аниськи[25].

После войны пьесу перевели на идиш и поставили уже в Черновцах. Яна Нугер говорит, что она хорошо запомнила все сцены и действующих лиц спектакля, ибо эти же артисты играли в нем в Черновцах на идиш.

В Джамбуле был поставлен также спектакль «Мачеха» по О. Бальзаку. В роли Полины, как отмечалось в одной рецензии, была совершенно изумительная, потрясающе талантливая актриса Раечка Яцовская[26], Гертруду играла Ада Сонц.

В Джамбуле, помимо спектаклей, артисты участвовали в больших концертных программах, состоявших из одноактных пьес и музыкальных номеров. Концерты проходили в частях Красной Армии, призывных пунктах и госпиталях. В ряде спектаклей, наряду с артистами, играли их дети. Так, Лиля – дочь Бети Портной – танцевала, а Вика – дочь Сони Пемовой – пела и играла на скрипке. Концерты шли на трех языках: идиш, русском и украин-

ском. Многие актеры, в знак благодарности, получили почетные грамоты от ЦК РАБИС и от воинских частей и организаций.

Летом 1944 г. в театр были приняты несколько выпускников театрального училища при Московском ГОСЕТе – Изя Рубинчик, его жена Анна Готлибовская, Рохеле Понимонская, Изяслав Беккер, Моня Розин. Все они учились в театральном училище в 1940 – 1944 гг.[27].

Весной 1943 г. Киевский ГОСЕТ переехал в г. Коканд, где проработал несколько месяцев. Там киевлянам удалось поставить пьесу Мойше Пинчевского «Их лейб» («Я живу»), отражавшую борьбу еврейского народа с фашизмом. Постановщиком и исполнителем главной роли – теолога Цале Шафира – был М.И. Гольдблат. Спектакль оформил художник Меир Аксельрод, а музыку написал Семен Штейнберг. В спектакле был занят весь коллектив театра [28].

В Коканде и Фергане, куда Киевский ГОСЕТ переехал летом 1944 г., были восстановлены и показаны зрителям такие спектакли из довоенного репертуара, как «Тевье-молочник», «Блуждающие звезды» и «Заколдованный портной» Шолом-Алейхема, «Колдунья», «Суламифь» и «Цвей кунелемлех» А. Гольдфадена, «Уриэль Акоста» К. Гуцкова, «Миреле Эфрос» Я. Гордина и др. Эти спектакли шли на идиш. «Скупой» Мольера и «Без вины виноватые» А. Островского шли на русском языке.

Бытовые условия жизни артистов Киевского ГОСЕТа в Джамбуле, Коканде и Фергане были тяжелыми. Они жили там очень скученно, по несколько семей в классных помещениях местных школ, без элементарных коммунальных удобств, или на частных квартирах, голодали. Но, несмотря на это, они работали с полной отдачей, талантливо исполняли свои роли.

Несколько легче было, в материальном и творческом плане, в Фергане, где у театра было специальное помещение – сцена Ферганского узбекского драматического театра, и много благодарных зрителей – местные и эвакуированные евреи. Для них спектакли Киевского ГОСЕТа были некоей отдушиной от повседневной су-

ровой действительности. Они с большой охотой посещали спектакли и тепло встречали артистов.

Спектакли Киевского ГОСЕТа пользовались большим успехом не только у евреев, но и у русских, казахов, узбеков, так как спектакли игрались также и на русском языке.

Остается добавить, что артисты театра часто выезжали с концертами и спектаклями в пригороды Ферганы.

Хотелось бы остановиться на малоизвестном факте из жизни художественного руководителя Киевского ГОСЕТа М.И. Гольдблата в ферганский период, не получившем отражения в литературе. Мною обнаружен документ, в котором говорится об участии М.И. Гольдблата в постановке спектакля в Ферганском областном узбекском музыкально-драматическом театре имени А.М. Горького, т.е. в том театре, на сцене которого выступал и Киевский ГОСЕТ. Речь идет о приказе № 112 по Ферганскому областному узбекскому музыкально-драматическому театру от 27 октября 1944 г., в котором отмечалось: «Народный артист КазССР и заслуж. артист РСФСР, орденоносец Гольдблат Моисей Исаакович в порядке товарищеской помощи нашему театру поделился своим творческим опытом и провел в самый кратчайший срок, в течение одного месяца, огромную творческую режиссерскую работу по постановке к 27-й годовщине Октября современной переводной пьесы «Встреча в темноте», где высоко поднял культуру постановки, придав ей нужную актуальность и динамику и углубив политическую значимость спектакля на данный момент.

Учитывая большую проделанную работу Моисея Исааковича Гольдблата, дирекция и художественное руководство театра выносит глубокую благодарность … Гольдблату М.И. за оказанную помощь и премирует его узбекским бикасамовым халатом, шелковым билбаком (поясная косынка – *М.В.*) и тюбетейкой»[29].

В декабре 1944 г. театр завершил свои выступления в Узбекистане и выехал на Украину. Новый, 1945 год артисты и работники театра встречали в поезде. Бывший в то время первым секретарем ЦК КП Украины Н.С. Хрущев не хотел иметь еврейский театр в Киеве, и, под предлогом отсутствия помещения, Киевский

ГОСЕТ был направлен в г. Черновцы, где театр получил помещение, а артисты и другие работники театра – жилье.

В Черновцах Киевский ГОСЕТ проработал с 1945 г. по 28 февраля 1950 г. Ежегодно театр приезжал на гастроли в Киев. Осенью 1945 г., когда отмечалось 20-летие театра, ему присвоили имя Шолом-Алейхема. На юбилей театра в Киев приехал С. Михоэлс и приветствовал юбиляров от имени Московского ГОСЕТа. С приветствиями выступили многие известные еврейские и украинские артисты. Театр поздравили писатели Ванда Василевская и Александр Корнейчук.

Пресса и зрители тепло встречали спектакли Киевского ГОСЕТа им. Шолом-Алейхема. Но вскоре над еврейской культурой, в том числе и театром, стали сгущаться тучи. Антисемитская политика И. Сталина и партийного руководства страны привела к закрытию в 1947 – 1949 гг. еврейских театров, убийству С. Михоэлса, аресту и убийству видных деятелей еврейской культуры – В. Зускина, П. Маркиша, Д. Бергельсона и многих других. 28 февраля 1950 г. был закрыт последний еврейский театр в СССР – Киевский ГОСЕТ им. Шолом-Алейхема.

По-разному сложилась судьба бывших артистов Киевского ГОСЕТа. Часть из них перешла на работу в русские и украинские театры.

В конце 70-х и в начале 90-х гг. многие бывшие актеры Киевского ГОСЕТа репатриировались в Израиль – Соня Лейман, Соня Месонжик, Соня Пемова, Моисей Гольдблат, Ева Шапиро, Роза Грин, Шева Фингерова, Абрам Нугер, Хаим Островский, Израиль Беккер, Абрам Меламед, Изя Рубинчик. Но в Израиле они не смогли реализовать себя как актеры, играющие на идиш.

Актеры И. Беккер и И. Рубинчик сначала иммигрировали в Польшу (в 1947 и 1957 гг.), а оттуда репатриировались через Европу в Израиль. Здесь они были приняты на сцену ивритоязычного театра «Габима».

Артистки Б. Портная и Е. Томская иммигрировали в начале 70-х годов в США, а режиссер М. Лоев – туда же, в 1990 году.

Харьковский, Одесский, Одесско-Харьковский, Белостокский и Львовский ГОСЕТы в Узбекистане (1942 – 1947 гг.)

В конце 1941 – начале 1942 гг. в Узбекистан было эвакуировано несколько еврейских театров Украины: Харьковский ГОСЕТ, Одесский ГОСЕТ, Львовский ГОСЕТ и Белостокский ГОСЕТ из Белоруссии. Прежде чем показать их деятельность в Узбекистане в годы Отечественной войны, следует остановиться, хотя бы кратко, на истории возникновения этих театров и довоенном периоде их деятельности, так как эти страницы истории еврейских театров в бывшем СССР слабо освещены в литературе.

Харьковский ГОСЕТ

В 1929 году А.И. Люксембург[1] – один из самых одаренных директоров еврейского театра – организовал в Харькове передвижной еврейский театр «Гезкульт»[2]. В труппе играли артисты Р. Руфина[3], Е. Шаравнер, А. Шейнфельд, Н. Рашкова, И. Халиф, С.Ш. Вайнберг[4], С.Н. Вадровник и другие[5]. Художественным руководителем театра был Н. Фогерер. В 30-х г.х театр выезжал на гастроли в Биробиджан. В очень тяжелых условиях театр обслужил 21 населенный пункт этой зарождавшейся еврейской автономной области[6].

В 1934 году, после отъезда Харьковского (Украинского) ГОСЕТа в Киев и слияния его с Киевским ГОСЕТом, на базе театра «Гезкульт» был образован Харьковский еврейский театр, директором которого стал Анатолий Люксембург.

Ведущей актрисой театра была ***Ревекка Руфина***, которая впервые сыграла роль Колдуньи в одноименном спектакле. Поставил спектакль режиссер Харьковского русского драматического театра А.Г. Крамов[7].

Ее сын, известный актер Григорий Лямпе, отмечал, что Руфина была «первой женщиной в мире, да к тому же еще молодая

(34 г.), отважившаяся сломать полувековую традицию (роль Колдуньи играли только мужчины) и сыграть роль старухи (и как сыграть!) – предельно правдиво и в то же время ярко. В этой роли проявился весь талант Руфиной – ее артистизм, пластичность, музыкальность и наблюдательность… В конце спектакля Руфину долго не отпускали со сцены, заставляя по несколько раз бисировать последнюю песню и танец. Весь зал аплодировал в ритме танца. Артисты МХАТа, которые присутствовали в Киеве (где Харьковский ГОСЕТ был на гастролях – *М.В.*) на одном из спектаклей "Колдуньи", сказали: "Такого единства актеров и зрителей мы никогда не видели – это подлинное народное зрелище"»[8].

В репертуаре Харьковского еврейского театра было несколько пьес драматурга Я. Гордина: «Крейцерова соната», «Хася-сиротка», «Миреле Эфрос».

В 1937 г. в театр пришел новый главный режиссер и художественный руководитель С.Х. Вайншельбаум[9], а также талантливый еврейский драматург М.А. Гершензон, который принес свою, ставшую позже знаменитой, комедию «Гершеле Острополер». Режиссер в роли Гершеле видел только Р. Руфину, но все ее друзья – еврейские писатели Ф. Сито, Н. Лурье, А. Губерман, М. Талалаевский, М. Котляр, Дер-Нистер – в один голос заявили, что ей играть Гершеле нельзя, что это профанация.

Но Руфина вновь осмелилась нарушить традицию (Гершеле, по понятным причинам, была мужской ролью) и блестяще сыграла роль неистощимого весельчака Гершеле. Успех был огромный[10].

В 30-е – начале 40-х годов в Харьковский ГОСЕТ пришли новые актеры: Я.И. Бидос (до того – артист Одесского еврейского передвижного театра), А.Ш. Каминский[11], Г.А. Лев[12], Б.З. Ландау[13], А.С. Мерензон[14], С.С. Цукер[15], Л.Р. Косовский[16], А.М. Ротман[17], Л.З. Клячкин[18].

До Отечественной войны Харьковский ГОСЕТ показал зрителям много пьес классиков еврейской литературы и советских драматургов.

Война застала Харьковский ГОСЕТ в г. Проскурове. В первый же день город бомбили. Директор театра А.И. Люксембург тут же отправил всех актеров в Харьков, а сам с семьей (Р.Г. Руфиной и ее сыном Г. Лямпе) остался в Проскурове, чтобы отправить в Харьков декорации и костюмы. Только благодаря его энергии и связям удалось благополучно переправить все хозяйство театра и успеть добраться до Харькова.

Благодаря тому, что не пропали декорации и костюмы, Харьковский ГОСЕТ был сохранен и отправлен из Харькова на гастроли в Тбилиси. Там находился в то время МХАТ во главе с В.И. Немировичем-Данченко, который помог А.И. Люксембургу организовать гастроли Харьковского ГОСЕТа в Тбилиси. Летом 1942 г. А. Люксембург получил от друга – артиста Львовского ГОСЕТа Исаака Крельмана[19], проживавшего тогда в Самарканде, – письмо, в котором последний предлагал Люксембургу вместе с театром приехать в Самарканд. Зная Люксембурга как хорошего организатора и администратора, Крельман верил, что тому удастся наладить активную творческую деятельность театра в условиях эвакуации. В Самарканде в то время проживало большое число ашкеназийских евреев (местных и эвакуированных), которые могли стать потенциальными зрителями театра. Люксембург прислушался к совету Крельмана и отправился с артистами через Каспийское море в Красноводск, а затем, по железной дороге, – в Самарканд. Здесь летом 1942 г. был воссоздан Харьковский ГОСЕТ. В сентябре 1942 г. директор театра (им к тому времени стала член ВКП(б) актриса С.И. Лищинская[20], а А. Люксембург – заместителем – *М.В.*) представил в Управление по делам искусств при СНК УзССР «Оперативно-финансовый план театра с 1 октября по 31 декабря 1942 г.» и «Штатное расписание» театра на этот период.

Согласно этим документам, в штат театра входил 31 сотрудник, в том числе 14 артистов, 6 оркестрантов, директор, администратор, главный бухгалтер, художественный руководитель, за-

ведующий музыкальной частью (он же – пианист). Кроме того, в театре было 6 работников художественно-технического персонала. Художником театра был В.А. Рыфтин [21].

Театр давал спектакли как в стационарном помещении, находившемся в старой части Самарканда, так и в гастрольных поездках по городам Самаркандской области, а также в Ташкенте. Всего за три месяца – с октября по декабрь 1942 г. – было показано 49 спектаклей [22].

Полный список работников театра не сохранился, однако по ряду других источников удалось установить, что артистами театра в это время были: Я.И. Бидос, С.Ш. Вайнберг, А.Ш. Каминский, Л.З. Клячкин, Л.Р. Косовский, Б.З. Ландау, Г.А. Лев, А.С. Мерензон, Н.Б. Мерензон-Нодина[23], А.М. Ротман, Р.Г. Руфина и С.С. Цукер.

В 1942 – 1943 гг. артистический состав театра пополнился эвакуированными актерами из других еврейских театров. В частности, для укрепления Харьковского ГОСЕТа туда были направлены некоторые артисты Одесского ГОСЕТа: И.И. Зальцман, С.С. Иоффе, А.Т. Котловский, Б.Е. Курц, М.М. Липман, Л. Меерсон, И. Миндлин и В. Шварцер.

В 1942 и в 1943 гг. в помещении летнего Узбекского театра Самарканда были организованы два творческих вечера артистки Харьковского ГОСЕТа Р.Г. Руфиной.

Эти концерты, под общим названием «Вечера комедии, песни и танца» состояли из трех отделений:

I. «Рейзеле дем зейднс». Оперетта в 2-х картинах Х. Зельдина. Режиссура Н.Г. Шейнберга, музыка Н.О. Подлубного. Танцы в постановке балетмейстера Р.Л. Леонидова (а в 1943 г. – Л.М. Меерсона).

II. «Гитл Пуришкевич» Шолом-Алейхема. («Мир ду зигер» – монтаж).

III. Сценические этюды: «Колдунья» А. Гольдфадена («Бабе Яхне танцен», «Пасах шин ша», «Вен их бин аклейн мейдане гевн»). «Гершеле Острополер» М. Гершензона (Хохмыс). Фольклор: «Бабес Мийсалах», «Мехитоным», фрейлехс, клезмер.

Помимо Р.Г. Руфиной в творческих вечерах приняли участие: С.А. Пояс, Я.И. Бидос и Б.Е. Курц. Концертмейстер – М. Вороновецкая[24].

Приведенные ниже «Репертуарный план Харьковского ГОСЕТа», утвержденный Управлением по делам искусств при Совете Народных Комиссаров УзССР 16.09.1943 г., и две газетные публикации за 1943 и 1944 гг. позволяют, в какой-то мере, восстановить репертуар спектаклей Харьковского ГОСЕТа, показанных зрителям в 1942 – 1944 гг.

Так, в «Репертуарном плане» на театральный сезон 1943 – 1944 гг. указаны 5 пьес, перешедшие из репертуара прошлого сезона, т.е. 1942 – 1943 гг. Это «Грине Фельд» П. Гиршбейна, «Эстер» Б. Бергольца, «Гершеле Острополер» М. Гершензона, «Цвей кунилемлех» А. Гольдфадена, «Аршин мал алан» У. Гаджибекова. Режиссером-постановщиком этих спектаклей был С.Х. Вайншельбаум, художником – В.А. Рыфтин, композитором – Н.И. Подлубный[25].

В газетной заметке «Новые постановки Харьковского ГОСЕТа» приводятся названия ряда пьес, показанных театром зрителям Самарканда в начале 1943 г.:

«25-летие Советской Украины театр отметил специально написанной интермедией “25 лет”.

Сейчас коллектив театра заканчивает работу над пьесами классика еврейской литературы Шолом-Алейхема “Люди” и “Тевье-молочник”. Кроме того, усиленными темпами идут репетиции новой пьесы драматурга Добрушина “Клятва”, посвященной Великой Отечественной войне, и пьесы Лопе де Вега “Овечий источник”»[26].

Новыми постановками, показанными Харьковским ГОСЕТом самаркандским зрителям в 1943 – 1944 гг., были спектакли: «Стемпенью» Шолом-Алейхема (режиссер-постановщик Миндлин[27], художник В.А. Рыфтин, композитор Подлубный[28]); «Блуждающие звезды» Шолом-Алейхема (режиссер-постановщик Вайншельбаум, художник Рыфтин, композитор Подлубный); «Жди меня» К. Симонова (режиссер-постановщик Л.М. Меерсон[29], художник Рыфтин, композитор Подлубный); «Без вины виноватые» А. Островского (режиссер-постановщик Шварцер, художник Рыфтин, композитор Подлубный); «Заколдованный портной» Шолом-Алейхема (режиссер-постановщик Меерсон, художник Рыфтин, композитор Подлубный); «Да здравствует Москва!» Добрушина (режиссер-постановщик Миндлин, художник Рыфтин, композитор Подлубный); были показаны также «200 000» Шолом-Алейхема в постановке Вайншельбаума и «Колдунья» А. Гольдфадена[30].

Сохранилась рецензия М. Лифшица «Колдунья», в которой дается анализ спектакля Харьковского ГОСЕТа в Самарканде. В ней, в частности, писалось: «Харьковский ГОСЕТ хорошо сделал, возобновив в своем репертуаре этот традиционный спектакль… Режиссер театра Л.Е. Меерсон проделал большую работу, заново отредактировав пьесу. Художник В.А. Рыфтин прекрасно выполнил замысел постановки. Его декорации свежи, красочны и оригинальны. Музыка, подобранная Н.И. Подлубным, выдержана в стиле народного спектакля.

Народные образы, выведенные в пьесе, нашли достойных исполнителей в лице артистов Каминского, Пояс, Бидос, Ротмана, Ландау, Курца. Каждый из этих артистов был на высоте своей задачи.

Но самым ценным в спектакле явился непревзойденный образ Колдуньи, мастерски созданный артисткой Р.Г. Руфиной… Образ Колдуньи сделан ею с большим художественным вкусом и с большой театральной культурой. Спектакль "Колдунья" – большая удача коллектива Харьковского еврейского театра»[31].

Самаркандский зритель очень любил актрису Ревекку Руфину. Особенно ярко это проявилось во время концерта, организованного в пользу детей, находившихся в блокадном Ленинграде. Во время антракта актеры продавали цветы, и вырученные средства тоже шли в этот фонд, а потому каждый зритель считал своим долгом купить хотя бы один цветок.

За месяц до этого концерта Руфина, во время одного спектакля, серьезно повредила ногу и все это время находилась в больнице. Вот что вспоминает об этом времени сама актриса: «Ко мне приехали прямо в больницу и сказали, что на афише необходима моя фамилия. При этом добавили: "От вас ничего не требуется: выйдете на сцену и уйдете". Я напомнила, что не могу ходить, на что было сказано: "Ничего, мы пришлем извозчика!"

Всю дорогу я страшно нервничала, но перед театром увидела толпу. Люди подбежали ко мне, зааплодировали, сняли с коляски и понесли на руках в театр. Зал был набит битком, много цветов – все хотели помочь ленинградцам. Я вышла последним номером и, сидя, спела две песни, после чего кто-то из зрителей поднес мне бокал вина. И зал стал просить: "Пейте, пейте до дна, чтобы у вас были силы дойти домой!" Я немного выпила и поблагодарила зрителей, пришедших на это представление и тепло меня встретивших. И тогда все цветы, которые были на руках у зрителей, стали бросать на сцену, – я утопала в цветах.

Возвращаясь в больницу, я ревела, а сын Гриша (впоследствии известный актер кино и театра Григорий Лямпе – *М.В.*) пытался меня успокоить: "Мамочка, что же ты плачешь? Смотри, как тебя любят зрители – это же счастье!"»[32]

Весь 1944 г. Харьковский ГОСЕТ показывал свои спектакли зрителям Самарканда и ряда городов Самаркандской области, а в следующем году произошло его слияние с Одесским ГОСЕТом, после чего он стал называться Одесско-Харьковским ГОСЕТом.

Одесский ГОСЕТ

В 1929 г. в Одессе возникла еврейская молодежная студия, которую возглавил режиссер М. Рубинштейн. Однако она просуществовала лишь год, так как зрители не поддержали ее, и часть артистов ушла из театра.

В 1934 г. в Одессе был создан еврейский театр. В его труппу вошли артисты молодежной студии и артисты Первого передвижного еврейского театра УССР (г. Киев), среди которых были Л.И. Бугова[33], И.И. Брандеско[34], В.Е. Шварцер[35], Л.Т. Абелев, Б.А. Бронина[36], И.Б. Анчаров[37], Лея Пасеманик[38] и др. Впоследствии в театр были приглашены некоторые старые еврейские актеры, начавшие свою сценическую деятельность задолго до Октябрьской революции 1917 г., и среди них М.Я. Зальцман[39], И.И. Зальцман[40], Ш.А. Пояс, Х.И. Трилинг, Хаим Гинсбург, Григорий Пасеманик, Аня Файнтух, Фаня Заяц, Григорий Белошицкий, Меир Брауде, Ицик Ракитин, Соня Лещинская, Ева Шаравнер, Лазарь Меерсон, Владимир Коган-Шац, Яков Мансдорф (артист из Польши, перешел в театр в 1939 г.) и другие[41].

Первыми постановками театра были «Оптимистическая трагедия» Вс. Вишневского, «Без вины виноватые» А. Островского, «Собака на сене» Лопе де Вега, которые были тепло встречены зрителями.

В 1935 г. художественным руководителем театра стал Э.Б. Лойтер, при котором театр расцвел. Ему удалось сплотить труппу, поднять культуру актеров.

Из произведений еврейской драматургии на сцене Одесского ГОСЕТа были поставлены пьесы «Любовь Стемпеню» (инсценировка И. Добрушина и Э. Лойтера по роману Шолом-Алейхема «Стемпеню»), «Тевье-молочник» (по Шолом-Алейхему), «Цвей кунилемлех» А. Гольдфадена, «Девушка из Москвы» А. Губермана и другие[42]. Среди драматургов, сотрудничавших с театром, были также П. Маркиш и Л. Резник.

Одесский ГОСЕТ не ограничил себя только еврейской драматургией. Помимо упомянутой выше пьесы А. Островского «Без вины виноватые», театр впервые в истории еврейских театров показал инсценировку романа М. Горького «Мать» и поставил пьесу классика украинской драматургии М. Крапивницкого «Глитай, або ж павук» («Мироед, или паук»). В репертуаре театра были также «Мадам Бовари» Г. Флобера (по специально заказанной театром инсценировке М. Тригера и И.А. Горева), «Разлом» Б. Лавренева, «Слава» В. Гусева, «Овечий источник» и «Собака на сене» Лопе де Вега, «Хозяйка гостиницы» К. Гольдони.

Звездой, примадонной театра была актриса ***Лия Бугова***. Сыгранные ею роли в Одесском ГОСЕТе – Лауренсия («Собака на сене»), Рохеле («Любовь Стемпеню»), Кручинина («Без вины виноватые»), Эмма Бовари («Мадам Бовари»), Мирандолина («Хозяйка гостиницы»), Ниловна («Мать») – выдвинули Бугову в ряды лучших актрис Советского Союза.

Наряду с Л.И. Буговой в Одесском ГОСЕТе проявился талант целого ряда зрелых мастеров еврейского театра. Таковы И.И. Брандеско [бадхен (скоморох) Хайкель в пьесе «Любовь Стемпеню»], Л.Т. Абелев (середняк Мартин – в «Глитай, або ж павук» и Фабрицио – в «Хозяйке гостницы»), Я. Мансдорф (Стемпеню – в «Любовь Стемпеню», Рудольф – в «Мадам Бовари», кавалер де Риппафрат – в «Хозяйке гостиницы», Гадальс – в «Девушке из Москвы»), В.Е. Шварцер (Тевье – в «Тевье-молочник», Шарль – в «Мадам Бовари», кулак Бычок – в «Глитай, або ж павук», Ари Шмиль – в «Девушке из Москвы»), Л.М. Меерсон (ростовщик Лере – в «Мадам Бовари», Савелий – в пьесе «Мать»).

Запоминающиеся образы создали в ряде спектаклей М. Зальцман (извозчик Гедаль – в пьесе «Девушка из Москвы») и И.И. Зальцман. Ее тема – женщина-хищница. Один из наиболее удавшихся ей образов – жена Стемпеню, Фридл.

В 1939 г. из театра уходит на сцену Одесского русского театра Лия Бугова. Это было большой утратой для Одесского ГОСЕТа, ибо театр считался «театром Буговой». Никто тогда не мог толком объ-

ценить ее поступок, но, по мнению Симона Копельмана, Бугова «почувствовала, наверно, раньше всех приближение трагического конца еврейской культуры»[43].

Художественный руководитель театра Э.Б. Лойтер нашел выход из этого трудного положения, пригласив в Одесский ГОСЕТ ведущую актрису закрытого в 1939 г. Бакинского ГОСЕТа ***Софью Семеновну Иоффе***[44]. Она пришла в театр в последний предвоенный год. Сама актриса в своем дневнике следующим образом описывает приезд в Одесский ГОСЕТ: «И вот я приехала в чужой город, на чужое место. Встретили меня по-разному: одни холодно, сдержанно, недоверчиво, другие – с любопытством. Ведь со многими из них я начинала свой путь. И ни одного теплого слова. Ни одной дружеской руки»[45].

В течение этого года актриса сыграла в ряде спектаклей: «Сендер Бланк», «Стемпеню», «Миреле Эфрос», «Швестер» («Сестры»). Постепенно ей поверили артисты, режиссер Э. Лойтер, зрители. Ролью Ривки в спектакле «Швестер» Иоффе окончательно покорила сердца одесситов. По словам знатока театра Симона Копельмана, она «покорила проникновенностью и щедростью чувства, безукоризненной мимикой, пластичностью движения»[46].

О ней стали писать восторженные отзывы в местной прессе. Вот два из них. «Игра Иоффе – это гамма глубоких переживаний страдающей, благородной, доброй женской души, это тонкое художественное кружево», – писал И. Квитко в «Черноморской коммуне» 26 октября 1940 г.

«У Иоффе нашлось достаточно изобразительных средств, чтобы сделать образ Ривки правдивым и волнующим во всех сценах», – отмечал рецензент И. Ронин в газете «Большевистское знамя»[47]. Спектакль «Швестер» Л. Резника пользовался огромным успехом у одесских зрителей. В этом была заслуга коллектива талантливых актеров, занятых в этом спектакле.

Оценку игры актеров в спектакле мы находим в книге Симона Копельмана «Сыновьим сердцем» (Спрингфильд, 1986): «Большой душевной теплотой наделила свою Трайну прекрасная актриса

Бронина. Глубоко трагичным в бессильном гневе был актер Анчаров, игравший мужа Трайны – Иосла. Артисту Якову Мансдорфу удалось создать потрясающе гадливый образ деспота Занвла.

Даже эпизодическая роль раввина, мастерски сыгранная артистом Зальцманом, звучала с огромной обобщающей силой»[48].

В оставшиеся перед войной несколько месяцев были показаны зрителям Одессы и ряда других городов Украины пьесы: «Шуламис» А. Гольдфадена (Иоффе играла Авигаел), «Гость с того света» А. Губермана (в нем роль Мали исполняла Иоффе, а Ошера – В.Е. Шварцер). В апреле 1941 г. Иоффе сыграла роль Олены в спектакле «Мироед, или паук» М. Крапивницкого. Эту роль играла ранее Л. Бугова. И она хотела ее вновь сыграть, но Э. Лойтер отказался от ее участия и отдал роль Иоффе[49].

В тревожные предвоенные дни Одесский ГОСЕТ показал зрителям свой последний спектакль – пьесу «Кол-Нидре» Переца Маркиша.

Война застала Одесский ГОСЕТ в Кременчуге, где он находился на гастролях. Вернувшись в Одессу, артисты театра стали готовиться к эвакуации. В июле 1941 г. женская часть труппы, вместе с детьми, выехала на пароходе из Одессы. В пути пароход подорвался на мине, но пассажиров спасли, пересадив на другой пароход. Они доплыли до Мариуполя, где их посадили в поезд, и в августе 1941 г. они приехали в Ташкент. В первой группе артистов ГОСЕТа, приехавшей в Ташкент, были артистки С. Иоффе, И. Зальцман, Ф.М. Заяц, А. Файнтух. Через несколько дней в Ташкент приехала мужская часть труппы Одесского ГОСЕТа: Э. Лойтер, М. Зальцман, И. Анчаров, Л. Меерсон, Я. Кабак, Х. Гинсбург и др. Всего в Ташкент прибыли 50 артистов Одесского ГОСЕТа [50], но они не смогли воссоздать свой театр, ибо среди прибывших не оказалось человека, который обладал бы необходимыми организаторскими способностями. Каждый трудоустраивался как мог. Некоторые артисты были мобилизованы в Красную Армию и Трудовую Армию (к примеру, артист М.Я. Зальцман). Часть эвакуированных актеров была направлена в Самарканд на укрепление Харьковского ГОСЕТа (С.С. Иоффе, И.И.

Зальцман, Ш.А. Пояс, Х.И. Трилинг, Я. Мансдорф, Ф.М. Заяц, Л.Л. Пасеманик, И.Б. Анчаров). В этой труппе они работали в 1942 – 1944 гг.

Художественный руководитель Одесского ГОСЕТа Э. Лойтер остался в Ташкенте, где он участвовал в постановке ряда спектаклей в Московском ГОСЕТе и в некоторых узбекских театрах.

Одесско-Харьковский ГОСЕТ

Одесско-Харьковский ГОСЕТ был организован в январе 1945 г. из артистов двух эвакуированных театров – Одесского и Харьковского – на основании приказа Комитета по делам искусств при Совете Министров СССР. До объединения и оформления театра уставом и положением он работал в течение 1945 г. как хозрасчетная единица, переезжая и гастролируя по городам Узбекистана (Самарканд, Фергана, Коканд, Каттакурган и др.).

С 1 января 1946 г. приказом Управления искусств при Совете Министров УзССР театр был станционирован в Ташкенте, имея базой Русский ТЮЗ. Однако театр работал в ТЮЗе не более 10 дней в месяц, а остальные спектакли он был вынужден давать на других площадках города. В течение 1946 г. театр обслужил буквально все площадки имеющихся в городе театров и клубов, за исключением Узбекского театра оперы и балета и Ташкентского узбекского драмтеатра имени Хамзы[51].

К январю 1946 г. в театре работал 31 актер: Б.А. Анчарова, М.Ш. Айзенберг, З.М. Белошицкая, Г.И. Белошицкий, Р.Б. Брин-Сигалеско, С.Н. Вадровник[52], С.Ш. Вайнберг, В.Ф. Ветров, И.И. Зальцман, М.Я. Зальцман, Ф.М. Заяц, А.Ш. Каминский, И.Я. Кипер, Л.З. Клячкин, А.Т. Котловский, Л.Р. Косовский, Д.Л. Коцкер, Б.Е. Курц, Б.З. Ландау, Г.А. Лев, И.М. Миндлин, П.И. Миндлин, С.Д. Натанзон, Х.А. Норинская[53], И.П. Норинский[54], Л.Л. Пасеманик, Ш.А. Пояс, А.М. Ротман, Р.Г. Руфина, Х.И. Трилинг, С.С. Цукер[55].

Художественным руководителем и главным режиссером театра в 1945 – 1946 гг. был С.Х. Вайншельбаум, а в 1947 – Э.Б. Лойтер, директором – С.И. Лищинская, зам. директора – А.И.

Люксембург, режиссерами: С. Вайншельбаум, И. Миндлин, И. Анчаров, Э. Лойтер, Л. Меерсон. Помощником режиссера была Л.Ш. Штейнгарт, дирижером и композитором-постановщиком театра был Н.И. Подлубный. Кроме того, к постановкам привлекались композиторы С.З. Сендерей, У. Гаджибеков, Б.А. Файнтух, Д. Ашкенази, Л. Пульвер, А.М. Сигалеско. Концертмейстерами в театре были М.Д. Вороновецкая, Р.З. Шварцберг[56].

В театре был свой оркестр, насчитывавший 5 – 6 музыкантов.

Главным администратором в 1946 – 1947 гг. был М.Н. Соколик (бывший до этого зам. директора Ташкентского узбекского музыкально-драматического театра им. Мукими, а с 1948 по 1960 гг. – главным администратором концертного зала Узбекской филармонии, в последующие годы – администратором Ленинградской филармонии)[57].

Выявленные мною документальные материалы Одессско-Харьковского ГОСЕТа позволяют установить репертуар спектаклей, показанных театром зрителям Самарканда, Ферганы, Коканда в 1945 г. К ним относятся: «Колдунья» А. Гольдфадена, «Шестая жена» М. Талалаевского (на идиш и рус. яз.), «Девушки ищут героя» Б.И. Туровского, «Четыре свадьбы» У. Гаджибекова, «Любовью не шутят» и «Эстер» Б. Бергольца, «Дорфише хасане» П. Гиршбейна, «Хася ди йсойме» и «Миреле Эфрос» Я. Гордина, «Лехаим Москве» И. Добрушина, «Тевье-молочник», «200 000» и «Три еврейские свадьбы» Шолом-Алейхема.

Кроме названных выше, в репертуаре 1946 г. были показаны и три новые пьесы: «Чужое дело» В. Масса и М. Червинского (на рус. яз., показан 32 раза), а также «Дер гет» и «Мазлтов» Шолом-Алейхема [58]. В том же году были возобновлены пьесы «Гершеле Острополер» М. Гершензона (сыграна 17 раз) и «Стемпеню» Шолом-Алейхема (сыграна 23 раза), а к годовщине Победы был дан концерт еврейского народного творчества[59]. Всего же в 1946 г. было сыграно 232 спектакля[60].

К концу 1946 г., в соответствии с приказом Комитета по делам искусств при Совете Министров СССР (№ 504-а от 11 сент. 1946 г.), был пересмотрен весь текущий репертуар театра и были сняты «со-

мительные в идейном отношении пьесы»: «Девушки ищут героя» Туровского, «Шестая жена» Талалаевского, «Лехаим Москве» Добрушина, «Любовью не шутят» Бергольца. Добавим, что артистами театра была подготовлена пьеса «Ди шхите» Я. Гордина, но не была выпущена на сцену, так как она была снята с репертуара Главрепертком «как идеологически не выдержанная»[61].

Сохранившаяся программка спектакля «Стемпеню» Шолом-Алейхема, показанного в Ташкенте в 1946 г., позволяет установить коллектив исполнителей в этом спектакле. Это Р.Г. Руфина (Рохеле), Г.И. Белошицкий (Стемпеню), И.И. Зальцман (Фридл), И.М. Миндлин (Хайкел-Бадхен), С.А. Пояс, И.Я. Кипер (Мойше-Мендл), Х.А. Норинская (Двосе-Малке), М.Я. Зальцман (Ионтлшойхет), Е.О. Триллинг, С.Ш. Вайнберг (Муме), А.Е. Файнтух (Рейзеле), И.П. Норинский (Мехче), Л.Р. Косовский (Шнеер-Меер), А.Ш. Каминский (Иохл), А.М. Ротман (Лейбуш), Ф.М. Заяц (Рахмиэлке), Л.З. Клячкин (Хаим-Бенцион), Б.Е. Курц (Соре-Эне), Д.Л. Коцкер (Мехутенесте), Л.Ш. Штейнгарт, С.С. Цукер, С.Д. Натанзон (гости)[62].

В течение 1947 г. были показаны 13 спектаклей из репертуара прошедшего года:

1. «Колдунья» А. Гольдфадена в постановке Л. Меерсона.
2. «Гершеле Острополер» М. Гершензона в постановке С. Вайншельбаума.
3. «Дер гет» и «Мазлтов» Шолом-Алейхема – в той же постановке.
4. «Чужое дело» Масса и Червинского – в той же постановке.
5. «Стемпеню» Шолом-Алейхема в постановке И. Миндлина.
6. «Четыре свадьбы» У. Гаджибекова.
7. «Дорфише хасине» П. Гиршбейна в постановке Вайншельбаума.
8. «Хася ди ясойме» – в той же постановке.
9. «200 000» Шолом-Алейхема – в той же постановке.
10. «Лехаим Москве» И. Добрушина[63].
11. «Миреле Эфрос» Я. Гордина в постановке И. Миндлина.
12. «Тевье-молочник» Шолом-Алейхема в постановке С. Вайншельбаума.

13. Концерт (был показан 4 раза).

Семь раз была показана вновь включенная в репертуар театра пьеса Гольдфадена «Цвей кунилемлех».

Были показаны также новые спектакли:

1. «Кровавая шутка» Шолом-Алейхема в постановке И. Миндлина.

2. «Молодой человек» Г.Д. Мдивани и А.Д. Кирова (на идиш и рус. яз.) в постановке И. Анчарова (сыграна 42 раза).

3. «Касриловка ин Егупец» Шолом-Алейхема в постановке И. Миндлина.

4. «Восстание в гетто» П. Маркиша в постановке Э. Лойтера[64].

5. «Фрейлехс» З. Окуня-Шнеера в постановке Э. Лойтера. Спектакль был показан 31 раз и получил высокую оценку со стороны руководящих органов, общественности и зрителей [65].

Оценку спектаклю и игре артистов Одесско-Харьковского ГОСЕТа мы находим в рецензии Т. Квитко «Премьера в Государственном еврейском театре»: «Не случайно спектакль “Фрейлехс” (“Веселье”), поставленный Московским государственным еврейским театром, удостоен Сталинской премии. В этом спектакле нашел воплощение оптимистический дух еврейского народа, народа, который обрел на советской земле свою родину. И правильно поступил коллектив Одесско-Харьковского еврейского театра, показав этот спектакль в Ташкенте.

Приятно быть участником веселого народного карнавала, который – хочешь не хочешь – песней и пляской, шуткой и смехом вовлекает тебя в свой пестрый шумящий водоворот. Приятно быть участником праздника, на котором безраздельно властвует дух молодости.

Зритель перестает чувствовать себя зрителем. Он – действующее лицо в увлекательном карнавале. Грань, отделяющая зал от сцены, стирается. В этом – главное достоинство спектакля.

Автор З. Окунь-Шнеер щедрой рукой рассыпал по пьесе неувядающие цветы народного творчества: песню, острое слово, поучительное изречение. По-новому зазвучали в трактовке народного артиста РСФСР композитора Л.М. Пульвера старинные песенные мотивы. Балетмейстер

Г.И. Язвинский правильно понял дух танцев, которые исполнялись многими поколениями. Художник В.А. Рыфтин своим искусством помог расширить рамки спектакля, сделать его красочным и ярким.

Это творческое содружество возглавил постановщик – заслуженный артист Уз.ССР Э.Б. Лойтер, нашедший для сценического воплощения пьесы выразительный и своеобразный рисунок. Получился спектакль, в котором мягкий лиризм уживается с веселой песней и музыкой, спектакль, в котором от картины прошлого переброшен мост в наше сегодня. И зритель, которому преподносится незамысловатая история о том, как двое весельчаков задумали устроить свадьбу и как было сломлено упорство чванливого богача, не пожелавшего женить сына на девушке из бедной семьи, – зритель все время чувствует, что эта свадьба устроена для него, это его праздник.

Актер большого сценического темперамента И.Я. Кипер (сват Екл) является душой спектакля. Грустит ли Екл-Кипер или веселится, поет или танцует, – во все вкладывает он свое большое сердце. В образе, созданном Кипером, как в призме, концентрируются лучшие народные черты: бодрость, жизнелюбие, неугасаемая вера в светлое будущее, пронесенная через многие испытания.

Под пару Еклу-Киперу – Бер (И.М. Миндлин). Артист окрасил свою игру тонкими черточками лиризма, и Бер предстал перед нами как человек, который за маской беспечности прячет неудовлетворение своей судьбой. Бер в душе поэт, но в будничных заботах глохнет этот дар.

Запоминается мать невесты, поэтический и яркий образ которой создан артисткой Б.А. Брониной. Каждым своим жестом, выразительной игрой артистка утверждает: важно не имущественное богатство, важно богатство душевное.

В трактовке роли матери жениха (Б.Е. Курц) легко было пойти по линии утрирования. Избегнув этого, артистка вылепила сочную фигуру местечковой богачки, кичащейся своим имущественным положением, своими, под стать ей, родственниками.

Хорошо исполняют роли отец жениха (М.Я. Зальцман) и отец невесты (И.П. Норинский)[66], особенно колоритен первый. Трогательна чета старичков – дедушка Нохе (С.А. Пояс) и бабушка Рохе (Х.А. Норинская)[67]. Высокой оценки заслуживает А.Т. Котловский в роли бывшего

рекрута. Ни одного слова не произносит Котловский, а перед нами – вся жизнь николаевского солдата. Об этой жизни проникновенно рассказано скупыми средствами танца.

Характерен образ местечковой модницы Годл, хорошо очерченный С.С. Цукер. Неплохо справились с ролями Б.З. Ландау (жених) и Ф.М. Гершгорн (невеста). Правда, хотелось бы, чтобы были они более жизнерадостными, как свойственно это молодым людям, да еще влюбленным. Зато искрящейся жизнерадостностью щедро наделены четверка вездесущих помощников сватов (З.М. Белошицкая. С.М. Заяц, Г.А. Лев, Г.А. Пасеманик). В их песнях и плясках хороший мальчишеский задор.

Режиссер вложил в спектакль много выдумки, но, на наш взгляд, следовало бы перекомпоновать некоторые сцены… Не мешало бы изъять некоторые сцены (особенно в первом акте), без очевидной надобности удлиняющие действие.

Но эти недостатки не могут повлиять на общую оценку большой работы театра, творческий коллектив которого показал яркий, по-настоящему праздничный спектакль» [68].

В 1947 г. театр сыграл 198 спектаклей, из них 63 – в Ташкенте и 125 – в клубах и парках Чирчика и Орджоникидзе (Ташкентская область)[69]. Кроме того, были даны 10 спектаклей во время гастролей в Самарканде (ноябрь 1947 г.). Самаркандским зрителям были показаны «Фрейлехс», «Кровавая шутка», «Молодой человек», «Колдунья» и «Стемпеню»[70].

В заметке «Спектакли Одесско-Харьковского ГОСЕТа» дается краткая оценка спектаклей театра: «Театр показал знакомый самаркандскому зрителю спектакль “Колдунья” и ряд новых постановок.

Заслуженный успех имел спектакль “Фрейлехс” (постановщик Э.Б. Лойтер, композитор Л. Пульвер, художник В. Рыфтин).

Хорошо инсценирована и поставлена пьеса “Стемпеню” режиссером И.М. Миндлиным. В этом спектакле артистке Руфиной удалось создать волнующий образ романтической Рохеле. Трогателен Стемпеню в исполнении артиста Белошицкого. Много веселья вносят своей игрой артисты Миндлин (Хокл Бадхен) и Пояс (Мойше-Мендл).

В спектакле “Блутикер шпас” (“Кровавая шутка”) чувствуется смех сквозь слезы, ярко показано бесправие еврейского народа в капиталистической России. Исполнители в доходчивой форме раскрывают и показывают мракобесие царского режима.

Одесско-Харьковский ГОСЕТ после нескольких лет работы в Узбекистане возвращается на Украину. Пожелаем дальнейших творческих успехов растущему коллективу театра»[71].

В течение двух последних лет пребывания театра в Узбекистане условия его деятельности заметно ухудшились. Театр не имел постоянного помещения для работы. В базовом помещении Ташкентского ТЮЗа он мог давать лишь 5-6 спектаклей. Остальные спектакли театр вынужден был показывать на свободных сценах театров и клубов Ташкента, а также близлежащих к нему районов. Театр не имел транспорта и оборудованных помещений для работы цехов театра и администрации. Частые переезды с площадки на площадку портили декорации. Пользование чужими сценическими площадками вызывало большие расходы на аренду помещений и ремонт декораций. Театр не имел помещений для репетиций. Они проходили в фойе, гримировочных комнатах, а также под открытым небом в садах и парках.

Все это отрицательно сказывалось на деятельности театра. Кроме того, стала сокращаться численность зрителей, так как многие эвакуированные евреи стали возвращаться домой: в Польшу, Белоруссию, Украину, Прибалтику, Молдавию и города РСФСР. Стали падать доходы от спектаклей. Задолженность театра была настолько велика, что в течение нескольких месяцев нечем было выплачивать зарплату артистам и сотрудникам. В конце декабря 1947 г. была получена дотация от государства (правительства Узбекистана) на покрытие всего дефицита театра[72].

С 1 января 1948 г., согласно постановлению правительства УССР, Одесско-Харьковский ГОСЕТ должен был быть переведен на Украину[73]. Однако никакого перевода не было: театр просто закрылся. Правительство Украины его не приняло ни в Одессе, ни в Харькове. Бывший художественный руководитель Одесского, а

затем Одесско-Харьковского ГОСЕТа Эфраим Лойтер, приехав в Одессу в январе 1948 г., попытался добиться возрождения театра. Однако воссоздать театр ему не удалось. Лойтеру пообещали в Комитете по делам искусств при Совете министров УССР утвердить передвижную еврейскую труппу при каком-нибудь городском клубе и поручили пересмотреть творческий состав и провести переговоры о возврате кое-кого из ведущих актеров[74].

В марте 1948 г. артисты С. Иоффе и И. Копельман получили перевод на работу в передвижной Одесский театр[75]. Но вскоре они получили «молнию»: «Выездом воздержитесь: театр расформирован. Лойтер»[76].

Но они все же выехали в г. Балта, где уже находилась группа актеров: И. Миндлин, Г. Белошицкий, Т. Шер, Б. Ландау, Г. Лев, С. Цукер, Б. Курц, супруги Зальцман, Л. Пасеманик и другие.

Лойтер с группой активистов на свои и артельные деньги мотались по всем инстанциям Одессы, Киева и Москвы. Но следовали приказы один грознее других: упразднить! расформировать! ликвидировать! Это и понятно: после убийства С. Михоэлса набирала силу кампания по борьбе с безродными космополитами, т.е. с евреями, а потому поддержка идишистской культуры никак не вписывалась в планы сталинского геноцида.

Весь 1948 г. артисты прожили в Балте, надеясь на возрождение театра. Зимой 1948 – 1949 гг. они выехали, очевидно, на свой страх и риск, на свои деньги, в Кривой Рог, где театр был окончательно ликвидирован. Там они успели показать свой последний спектакль «Фрейлехс»[77]. Так механизм государственного антисемитизма расправился с одним из последних еврейских театров в СССР.

Харьковский ГОСЕТ, после получения январского постановления о выезде из Ташкента, фактически прекратил свое существование. Его директор А. Люксембург (одновременно бывший директором ансамбля еврейской оперетты при Узбекской филармонии в 1946 г.) выехал вместе с группой артистов во Львов, где он создал в мае 1948 г. еврейский драматический ансамбль. В его состав вошли некоторые артисты из бывшего Харьковского ГО-

СЕТа: Р.Г. Руфина, Л.М. Меерсон, А.Е. Файнтух, Ф.Г. Нудельман, Б.М. Шафран и другие.

В 1949 г. А. Люксембург и Р. Руфина уехали в Черновцы, а Львовский еврейский ансамбль распался[78]. По прибытии в Черновцы Руфина и несколько актеров бывшего Харьковского ГОСЕТа были направлены в филиал Киевского ГОСЕТа им. Шолом-Алейхема, гастролировавшего по небольшим городам Украины. Директором филиала был Койфман, а его заместителем – А. Люксембург. В начале 1949 г. эта труппа гастролировала в Умани, где был показан спектакль «Колдунья» (текст и музыка А. Гольдфадена, режиссер постановки Р.Г. Руфина, худож. консультант нар. арт. СССР А.Г. Крамов, художники Ф.Ф. Нирод и С. Грусберг[79]). Очевидно, это был последний спектакль труппы: в мае 1949 г. театр был ликвидирован. В основной состав Киевского ГОСЕТа были приняты лишь двое артистов из филиала: Григорий Белошицкий и Ревекка Руфина. Однако они не смогли сыграть там заметной роли, так как 28 февр. 1950 г. Киевский ГОСЕТ тоже был ликвидирован.

Таким образом, в январе 1948 –мае 1949 гг. завершилась последняя творческая страница в деятельности трех, указанных выше, еврейских театров.

Львовский и Белостокский ГОСЕТы

Среди эвакуированных в Узбекистан еврейских театров были два театра, созданные на присоединенных в августе 1939 г. к СССР территориях Западной Украины и Западной Белоруссии: Львовский и Белостокский ГОСЕТы.

В сентябре 1939 г., вскоре после занятия города Львова советскими войсками, там организовалась еврейская театральная труппа, в которую вошли актеры, режиссеры и рабочие сцены из ранее существовавших в городе театров «Гимпелей» и «Маске», а также артисты из числа беженцев. В труппу вошли: Софья Альтбаум, Бланка Альтшулер, Геня и Лесле Амзель, Ривка Безман,

Ицхак Вальдберг, Вольф, Яков Гинцбург, Зисл Гурлицкая, Адам Домб, Геня и Ицхак Инвентаж, Мальвина Йоэльс-Гимпель, Леон Касвинер, Песах Керман, Натан Майслер, Яаков Мандельблит, Маня Манела, Хелла Мель, Меир Мельман, Михаль Мессингер, Ида и Миша Натан, Симха и Наоми Натан, Гершон Рат, Яаков Рейнглаз, Рахель и Яаков Ролес, Айзик Ротман, Перл Урих, Шамай и Цили Урих, Роза Фукс, Бер Харт, Леон Хербет и другие. Художниками-декораторами были Перец Клайман и профессор Зигмунт Блек, режиссером-постановщиком – Хенрик Люфт, дирижером – Карл Гимпель. При поддержке советских властей труппа начала свою работу в помещении театра «Колоссиум». Уже в октябре 1939 г. были показаны два спектакля: «Ин полиш ойф дер кейт» («На покаянной цепи») по пьесе Ицхака Лейбуша Переца в постановке Хенрика Люфта и «Хижина дяди Тома» («Ди хате фун фетер Том») Гарриет Бичер-Стоу в постановке Бронислава Домбровского[80].

Вскоре к труппе присоединилась Ида Каминьская[81], бежавшая из Варшавы через несколько дней после оккупации ее немецкими войсками. Ее тепло встретили во Львове работники Комиссариата культуры Западной Украины и предложили ей организовать и возглавить Государственный еврейский театр, причем гарантировали финансовую поддержку. В ноябре 1939 г. был открыт Львовский ГОСЕТ. Ида Каминьская была назначена его генеральным директором и оставалась на этой должности до весны 1940 г. Первым административным директором стал актер Гершон Рат, в дальнейшем на эту должность назначили Якова Зайкина, члена компартии и члена городского Совета. Художественным руководителем театра был писатель и драматург Альтер Кацизна. В работе театра принимали участие драматурги Исраэль Ашендорф, Иерахмиэль Грин и Лейбуш Дрейкурс.

Репертуар театра был достаточно богатым и разнообразным. Ида Каминьская поставила пьесу «Майн Зун» («Мой сын») Шендора Гаргали[82] и пьесы Якова Гордина «Миреле Эфрос» и «Сиротка Хася». Значительное место в репертуаре театра занимали

постановки по произведениям Шолом-Алейхема «Дер ойцер» («Сокровище»), «Акциес» («Акции») и «Якногоз», поставленные режиссерами Г. Друзом и Х. Люфтом. Кроме того, в репертуар вошли: «Без вины виноватые» А.Н. Островского, «Йоселе» Я. Динезона, «Овечий источник» («Шепси квал») Лопе де Вега, «Мадам адвокат» («Фрой адвокат») Ж. Верналя, «Овод» по роману Э.-Л. Войнич (?), «Как закалялась сталь» («Ви хот зих фархартевет ди штол») по роману Н. Островского.

Театр наладил творческие контакты с режиссерами-евреями из Советского Союза. Один из них – Захария Вин из Ленинграда – поставил в театре спектакль «Швестер» («Сестры») Л. Резника. Тенденция усиления советского идеологического воздействия выразилась в активном участии в работе театра драматургов-евреев из Советского Союза. Однако 11 из 17 спектаклей, осуществленных в советский период Львовского ГОСЕТа, были повторениями постановок еврейских театров Польши довоенного времени[83].

В середине 1940 г. в коллектив театра влилась группа актеров из Днепропетровского ГОСЕТа, приехавших после закрытия театра, возглавлявшегося режиссерами И. Колтенюком и Г. Друзом.

Приезд новой группы советских актеров способствовал появлению в репертуаре Львовского ГОСЕТа спектаклей по пьесам советских драматургов. Так, Колтенюк поставил музыкальную комедию А. Губермана «Дос мейдл фун Москве» («Девушка из Москвы») и «Йоселе» Якова Динезона. Были поставлены также пьесы Переца Маркиша «Ди фамилие Овадис» («Семья Овадис») и «Молцайт» («Трапеза»)[84].

Накануне нападения Германии на Советский Союз в театре была осуществлена последняя постановка по пьесе А. Гольдфадена «Не пожелай!» (обработка и постановка Иды Каминьской, сценография художника Переца Клаймана). Но показать спектакль широкой публике театр не успел: вскоре после премьеры в июне 1941 г. основной состав актеров выехал на гастроли в Ровно, где их застала война.

Коллектив, оказавшийся в момент немецкого нападения в Ровно, был эвакуирован в Среднюю Азию; оставшиеся во Львове погибли в Львовском гетто и трудовых лагерях, созданных немцами в разных частях Восточной Галиции[85].

Сотрудники Львовского ГОСЕТа во главе с Идой Каминьской (60 человек) оказались в Бухаре и Ташкенте и ожидали там решения своей дальнейшей судьбы[86]. Руководство Комитета по делам искусств при Совнаркоме СССР сначала решило расформировать театр, но, благодаря помощи С. Михоэлса актеры были направлены в г. Фрунзе (ныне Бишкек) Киргизской ССР[87]. Поначалу во Фрунзе приехала основная часть актеров Львовского ГОСЕТа, а ряд артистов театра, эвакуированных в Самарканд и в Джелалабад, тоже вскоре присоединился к ним. Затем во Фрунзе переехала группа артистов Белостокского ГОСЕТа, принятая в труппу Львовского ГОСЕТа.

Прежде чем говорить о военном периоде в деятельности Львовского ГОСЕТа, хотелось бы осветить некоторые страницы истории Белостокского театра.

В августе 1939 г., после присоединения Западной Белоруссии, в г. Белостоке появились евреи, бежавшие из захваченной немецкими войсками Польши, среди которых были и актеры из еврейских театров Польши. Так, к примеру, в Белостоке появилась молодая артистка Варшавского еврейского театра Дора Пшепюрка[88].

Собравшаяся в Белостоке еврейская театральная труппа начала ставить спектакли на идиш. Вскоре в город приехала из Минска нарком культуры Белоруссии Датьемова (по воспоминаниям Доры, она была еврейка, коммунистка, замужем за генералом). По ее инициативе в конце 1939 г. в Белостоке был создан Государственный еврейский театр. Основной костяк театра составили артисты из Польши: Дора Пшепюрка, М. Липман[89], Аня Литон, Берта Литвина, Ицхак Турков-Грудберг[90], Грудков, Л. Ландау (известный актер из Варшавы), Григорий Ариэль, А. Моревский[91].

Затем в состав театра влилась группа актеров из закрытого в конце 1939 г. Бакинского ГОСЕТа: В. Цейтлин [бывший художест-
венный руководитель Ташкентского и Бакинского ГОСЕТов], арти

сахович, Абрам Крамер и его жена актриса Маня Катербарская, Морецкий, Михаил Давидзон, Яков Бергольский [92], его жена актриса Лиля Гольдберг, И. Миндлин (актер и режиссер, бывший художественный руководитель Бакинского ГОСЕТа).

Художественным руководителем Белостокского ГОСЕТа стал М. Норвид, директором – В. Цейтлин, главным режиссером – А. Моревский. В театре был свой оркестр.

Первым спектаклем театра была пьеса Переца Маркиша «Ди фамилие Овадис» («Семья Овадис») в постановке А. Моревского. Затем были поставлены такие спектакли, как «Кровавая шутка» Шолом-Алейхема (реж. И. Миндлин), «Гершеле Остраполер» М. Гершензона, «Трудно быть евреем» Шолом-Алейхема (реж. Миндлин). В репертуаре театра были также пьесы русских писателей А. Островского и М. Горького.

Датьемова активно опекала Белостокский ГОСЕТ и в начале лета 1941 г. организовала его гастроли по городам Белоруссии. В Могилеве артистов застала война. У многих в Белостоке остались дети, однако воссоединиться с ними в то время было почти нереально. (Так, например, у В. Цейтлина и М. Пейсахович сын остался с няней-полячкой в Белостоке, куда они так и не смогли попасть. Вскоре Цейтлин был мобилизован в Красную Армию и всю войну провоевал. Жена его с горя, что потеряла сына, заболела и умерла, а Цейтлин, после окончания войны, поселился в Москве, где его вскоре нашла няня и привезла сына к отцу.)

Уже был захвачен немцами Минск, и надо было бежать из Могилева. Артистов Белостокского ГОСЕТа вывезли в какой-то колхоз Саратовской области, где они работали на полях. Вскоре советские актеры уехали из колхоза, а «польские» артисты на некоторое время там остались. Потом из колхоза уехала семья Липмана в Среднюю Азию, и от них пришло письмо: приезжайте в Самарканд. На письмо отозвались Дора Пшепюрка, Анна Литон, Михаил Давидзон, Ицхак Турков[93]. Всего в Узбекистан к началу 1942 г., согласно «Списка театральных коллективов, учебных заведений, прибывших в Узбекистан», составленного в Управлении по делам

искусств при Совнаркоме УзССР, прибыло 40 человек из Белостокского ГОСЕТа. Все они были распределены по Узбекистану[94].

Большинство из эвакуированных работников театра не смогли трудоустроиться по специальности. Среди эвакуированных артистов театра не оказалось человека, который смог бы собрать всех эвакуированных артистов и воссоздать из них Белостокский ГОСЕТ как самостоятельный творческий коллектив. Таким образом, Белостокский ГОСЕТ прекратил свое существование в первые месяцы войны. Отдельные артисты и режиссеры театра влились в творческие коллективы других еврейских театров, оказавшихся в эвакуации в Узбекистане и других среднеазиатских республиках. Так, И. Миндлин (артист и режиссер) поступил в 1942 г. в Харьковский ГОСЕТ (г. Самарканд), а затем – в Одесско-Харьковский ГОСЕТ. В Харьковский ГОСЕТ поступил 15 марта 1943 г. и артист М. Липман[95]. Артистка Дора Пшепюрка встретилась в Самарканде с артистом Львовского ГОСЕТа Исааком Крельманом (ее будущим мужем). Вдвоем они переехали в Джелалабад (Киргизия), где встретили артистов из Львовского ГОСЕТа Шломо Призамента и его жену, артистку Гизу Хайден. Вместе они попытались выступить с концертами на идиш, но в этом городе у них не нашлось соответствующей зрительской аудитории, и они переехали во Фрунзе, где уже собрались многие артисты Львовского ГОСЕТа во главе с Идой Каминьской.

Каминьская решила воссоздать во Фрунзе еврейский театр, и ей это удалось. Ее мать – известную еврейскую артистку Эстер Рохл Каминьскую – знали многие евреи, находившиеся во властных структурах Киргизской ССР, и они помогли Иде Каминьской организовать концерты, выделили помещение для театра. Поддержку новому еврейскому театру оказали ответственные работники: Резников – из Отдела культуры ЦК Компартии Киргизии, Л. Горкина и Эстер Зеленая – из Киргизгосэстрады [96].

Основной костяк обновленной труппы театра, получившего название Львовский еврейский театр музыкальной комедии, составили эвакуированные еврейские актеры из Львовского и Белостокского ГОСЕТов. Художественным руководителем театра стала

Ида Каминьская. В состав труппы входили: Исаак Крельман, Симха Натан, Наоми Натан, Яков Курляндер, Яаков Рейнглаз, Ицхак Турков-Грудберг, Дора Пшепюрка, Григорий Ариэль, Анна Литон, Эстер Перельман, Реня Гликман-Колешникова, Залман Колешников, Меир Мельман (муж Иды Каминьской), Зисл Гурлицкая, Шломо Призамент, Гиза Хайден, Шетке Зак, Матке Зак (импресарио, директор труппы), Сюзанна Зак (парикмахер) и другие.

Вскоре Иду Каминьскую вызвали в Еврейский антифашистский комитет, и она вместе с мужем выехала в Москву. После ее отъезда художественным руководителем театра стал ***Симха Натан***, известный актер из Вильнюсского еврейского театра.

Театр имел хороший репертуар, насчитывавший 8 пьес: «Миреле Эфрос», «Заколдованный портной», «Гершеле Острополер», «Крейцерова соната», «Дер блютекер шпас» («Кровавая шутка»), «Швер цу зайн аид» («Трудно быть евреем») и другие.

У всех артистов были хорошие голоса, и во время спектаклей они пели под аккомпанемент пианино (в театре не было оркестра). Артисты играли в самодельных костюмах, работали не с жесткими, а с мягкими декорациями.

Театр выезжал на гастроли по городам Средней Азии и Казахстана. Спектакли театра были показаны зрителям Ленинабада, Оша, Джелалабада, Бухары, Алма-Аты и Ташкента. В Ташкенте Львовский еврейский театр музыкальной комедии под руководством Симхи Натана гастролировал с 13 января по 4 марта 1945 г. Гастроли театра проходили на сценах концертного зала Узбекской госфилармонии, Русского драматического театра им. М. Горького, Ташкентского узбекского театра музыки и драмы имени Мукими.

13 и 14 января 1945 г. артисты Львовского еврейского театра музыкальной комедии приняли участие в концертах театрализованного еврейского ансамбля Сиди Таль, а 8 и 10 февраля артисты Львовского еврейского театра музыкальной комедии показали спектакль «Гершеле Острополер» М. Гершензона в постановке Симхи Натана.

12, 13, 14 и 17 февраля 1945 г. они показали спектакль «Миреле Эфрос» Я. Гордина; 15 и 16 февраля – «Дер блутекер шпас» («Кровавая шутка») Шолом-Алейхема; 18 февраля – «Гершеле Острополер»; 20 февраля – «Кровавая шутка»; 21 февраля – «Миреле Эфрос»; 25 и 27 февраля – «Гершеле Острополер»; 26 февраля – «Кровавая шутка».

28 февраля 1945 г. в концертном зале Узбекской госфилармонии артисты Львовского театра дали концерт еврейского юмора в 2-х отделениях, а 4 марта 1945 г. сыграли последний гастрольный спектакль в Ташкенте – «Миреле Эфрос»[97].

Следует отметить, что все спектакли Львовского еврейского театра музыкальной комедии были тепло встречены зрителями.

После возвращения с гастролей труппа Львовского театра продолжала некоторое время выступления в г. Фрунзе.

По окончании войны, летом 1945 г., труппа распалась, и многие актеры театра возвратились в Польшу. Среди них были Исаак Крельман и его жена Дора Пшепюрка-Крельман, Реня Гликман-Колешникова, Залман Колешников, Григорий Ариэль и другие.

В Польше Исаак Крельман и Залман Колешников организовали в Лодзи первый в послевоенной Польше Еврейский театр, где Крельман был актером и директором. Труппа театра была составлена из актеров, выживших в гетто в Польше и Вильнюсе, а также артистов, вернувшихся из СССР.

Под влиянием еврейских погромов, начавшихся в Польше в 1946 г., директор театра Исаак Крельман принял решение покинуть страну. Актеры театра перебрались через Чехословакию в Вену, а оттуда театр отправили в Линц, в лагерь для еврейских перемещенных лиц. Там он стал называться еврейским театром для беженцев. Среди показанных в тот период спектаклей был и «Гершеле Острополер», где Дора Крельман блестяще сыграла роль Корчмарши. Вскоре Исаак Крельман, Дора Крельман и Григорий Ариэль были приглашены на работу в Лондонский еврейский театр, куда они поступили в 1947 г. [98].

В 1946 г. в Польшу вернулась Ида Каминьская, Меир Мельман, Симха Натан и другие еврейские артисты.

Так завершились последние страницы в истории Белостокского и Львовского ГОСЕТов.

РАЗДЕЛ ТРЕТИЙ

"Блуждающие звезды": еврейские театральные ансамбли в Узбекистане (1942 - 1946 гг.)

Ансамбль Сиди Таль (театр «Ревю») в 1942 – 1945 гг.

*О*дним из эвакуированных театров, оказавшихся в годы Отечественной войны в Узбекистане, был **Молдавский ГОСЕТ**, возникший после присоединения Бессарабии к СССР летом 1940 г.

Основной костяк театра составили артисты бывшего Бухарестского еврейского театра, руководимого драматургом и режиссером Я.М. Штеренбергом[1]. В театр вошли лучшие актеры из четырех трупп. Среди них – Абрам Аш (Авербух), Полина Аш, Вольф Владер (Дринберг), Рая Владер, Шмуль Беркович, М. Гольденберг, Надя и Сойка Гоханские, Гутман, Захар Захаров, Женя Зельцер[2], Женя Златая[3], Ева Ихилевская, Иехэзкэль Ихилевский (Фихман), Кельпнер, Дина Кениг[4], Иосиф и Шимон Лейбович, Моше и Хая Лозник, Б. Ройтман, Б. Садигурский, Сиди Таль[5], Адольф Тефнер[6], Р. Фахлер, Ицхок Хавис, Моня и Нюся Цвит, Лили Шварц и другие[7]. В конце 1940 г. в театр влилась группа актеров из бывшего Ташкентского ГОСЕТа, закрытого в ноябре 1940 г.: А.М. Сигалеско (засл. артист Уз.ССР), Р.Б. Брин-Сигалеско и М.Ш. Айзенберг и другие.

Первыми спектаклями театра были: «Колдунья» А. Гольдфадена, «200 000» Шолом-Алейхема, «Зямка Копач» М. Даниэля, «Шлемка-шарлатан» Я. Гордина и «Красные апельсины» Я. Штеренберга, тепло встреченные зрителями.

В репертуаре театра на 1941 год значились произведения еврейских классиков: «Суламифь» Гольдфадена, «Тевье-молочник» и «Клад» Шолом-Алейхема, «Сестры» И. Переца, «Трое» и «Последние» М. Горького, «Жорж Дантен» Мольера, «Шейлок» Шекспира[7]. Однако, в связи с началом войны, осуществить эти планы театр не мог: коллектив Молдавского ГОСЕТа вынужден был эвакуироваться из Кишинева. Причем эвакуация была недостаточно хорошо организована: некоторые артисты театра про-

сто бежали из Молдавии, кто как мог[8]. К осени 1941 г. разрозненными небольшими группами они приехали в Узбекистан. Туда добрались 25 артистов и работников Молдавского ГОСЕТа, осевшие в Самарканде и Ташкенте[9]. По понятным причинам ни декораций, ни театральных костюмов, ни даже нот к музыкальным спектаклям привезти не удалось.

Увы, среди работников Молдавского ГОСЕТа не оказалось таких организаторов, как, например, А. Люксембург (директор Харьковского ГОСЕТа) или Г. Спекторов (директор Киевского ГОСЕТа), которые смогли бы собрать артистов Молдавского ГОСЕТа и возродить его как творческий коллектив. В результате Молдавский ГОСЕТ как таковой прекратил свое существование, а артисты этого театра перешли в различные творческие коллективы.

По приезде в Самарканд артисты Молдавского ГОСЕТа Сиди Таль, Женя (Гита) Златая, ее муж Шимон Лейбович и Дина Кениг попытались как-то включиться в культурную жизнь города. Ж. Златая и Д. Кениг «где-то что-то читали, а Сиди Таль выступала в парке Самарканда с еврейскими песнями»[10].

Спустя некоторое время муж Сиди Таль – Пинхас Фалик – уехал в Ташкент, устроился там в Узбекской госфилармонии и вскоре вызвал туда жену.

После отъезда Сиди Таль из Самарканда Женя Златая и ее муж поступили в танцевальную труппу Молдавского ансамбля песни и танца «Дойна», с которым гастролировали около двух лет по всей Средней Азии и в других частях СССР. Артисты Иосиф Лейбович, Альберт Сигалеско и Роза Брин-Сигалеско поступили в ансамбль Клары Юнг. М.Ш. Айзенберг поступил на работу в Харьковский ГОСЕТ (Самарканд). К сожалению, не все из эвакуированных в Узбекистан артистов Молдавского ГОСЕТа смогли реализовать себя творчески[11].

В Ташкенте Сиди Таль была приглашена на работу в Республиканскую киностудию, где она, зная немецкий и румынский языки, приняла участие в съемке антифашистского фильма[12].

Речь идет о кинокартине «Ночь над Белградом», в которой Сиди Таль сыграла небольшую, но полную трагизма роль.

С большим успехом исполнила Сиди Таль комедийную роль Королевы в одноактной пьесе Алексея Толстого «Фюрер» в постановке Михаила Ромма. Спектакль был поставлен в Ташкентском русском драматическом театре.

Очень скоро, осенью 1942 г., Фалик – блестящий администратор и театральный деятель – добился в Ташкенте организации при Узбекской государственной филармонии театрального ансамбля (впоследствии – театр «Ревю») во главе с Сиди Таль.

Прежде чем рассказывать о деятельности ансамбля Сиди Таль в Узбекистане, стоит вкратце остановиться на предшествующей творческой биографии актрисы.

Сиди Львовна Таль (наст. имя Сореле Биркенталь, 1912 – 1983) родилась в г. Черновцы в многодетной семье пекаря. Артистические способности проявились с детства: она пела, танцевала, исполняла комические сценки. С 10 лет стала выступать на сцене еврейского театра. В 1926 г. была принята в еврейскую труппу Сары Канер на амплуа инженю. В 1928 году переехала в Бухарест, где поступила в труппу театра «Росси», а затем работала в еврейском театре г. Яссы. Важную роль в становлении Сиди Таль как актрисы сыграл ее двоюродный брат, известный в Румынии еврейский артист Адольф Тефнер.

С 1927 г. у Сореле Биркенталь появилось артистическое имя «Сиди Таль», под которым она стала известной не только в Румынии, но и в других странах, а затем и в СССР. До 1936 г. она выступала в опереттах в амплуа субреток. В том же году она перешла в Бухарестский еврейский театр эстрады и оперетты, созданный Я. Штеренбергом, в котором сыграла ряд главных ролей.

В 1938 – 1940 гг. Сиди Таль работала в театре г. Черновцы, затем – в Молдавском ГОСЕТе, после чего, в августе 1941 г. эвакуировалась в Узбекистан, где осенью 1942 г. создала Еврейский

театральный ансамбль при Узгосфилармонии, позже переименованный в театр «Ревю».

Первоначально в состав труппы входили: Сиди Таль, Адольф Тефнер, Абрам Беркович, Маня Беркович, Дина Кениг, Иехэзкэль Ихилевский, Нуси и Моня Цвит, Яков Мансдорф. В 1943 г. в труппу вошли Женя (Гита) Златая, Ш. Лейбович, И. Хальфи, Я. Халиф. Режиссером труппы был Яков Штеренберг, директором – Пинхас Фалик. В театре не было оркестра, а был пианист и аккордеонист И. Фахлер. Кроме того, в ансамбле работал рабочим сцены племянник Сиди Таль – Карл Биркенталь, который иногда играл на скрипке.

Ансамбль Сиди Таль был театром миниатюр. Его репертуар был разнообразным и включал сценки из спектаклей, скетчи, танцы, художественное слово, пение.

Сразу же после организации Еврейский театрализованный ансамбль Сиди Таль включился в большую работу по концертному обслуживанию трудящихся Узбекистана, госпиталей, воинских частей, формировавшихся в республике.

Сиди Таль и артисты ее ансамбля чувствовали себя не только деятелями искусств, но и бойцами в борьбе с фашизмом. Их оружием было слово, танцы и песни. Чтобы быть понятной многонациональной публике, переполнявшей Ташкент и другие города Узбекистана, Сиди Таль выучила несколько песен на русском и узбекском языках. Узбекскую песню «Кызгина» («Девочка») Сиди Таль подарила народная артистка СССР Тамара Ханум, получив от нее, в свою очередь, еврейскую песню «Вареники» и грузинскую песню «Гвино Кахуро» («Кахетинское вино»).

Концерты ансамбля Сиди Таль были захватывающими, истинно народными. Ей и артистам ее ансамбля доводилось выступать со своими зажигательными песнями, призывами и рассказами перед тысячами бойцов и раненых, а также перед рабочими заводов и фабрик, днем и ночью готовивших орудия и снаряды. И всюду их встречали очень тепло.

Актриса Мария Миронова вспоминала: «Прошли десятилетия, а я не забыла, как однажды с Сиди Таль и несколькими другими актерами мы давали концерт в госпитале. Раненые, выздоравливающие, медперсонал плотным полукругом обступили импровизированную эстраду. Играли скетчи, читали стихи. Сиди Таль пела. Звучали негромкие песни, и особая тишина заполнила зал, подтверждая, что до сердца доходило каждое слово актрисы»[13].

Со временем ансамбль Сиди Таль был преобразован в театр «Ревю» и стал выступать с концертами на сцене концертного зала Узбекской филармонии в Ташкенте и других городах Узбекистана. К сожалению, мне не удалось обнаружить программы выступлений театра «Ревю», но довелось найти рецензию Д. Наумова, которая позволяет составить представление о программе одного из концертов ансамбля в Ташкенте. В частности, в рецензии отмечалось: «Организованные Узбекской филармонией концерты еврейского ансамбля при участии артистки Сиди Таль пользуются у ташкентского зрителя успехом. Молодой, недавно созданный коллектив располагает рядом талантливых актеров, показавших себя в этой первой концертной программе с лучшей стороны.

В первую очередь, это относится к актрисе Сиди Таль, возглавляющей этот ансамбль. Сиди Таль – мастер большого диапазона, актриса высокой культуры и разностороннего дарования. С одинаковой легкостью и мастерством исполняет она дуэты, скетчи, политические куплеты, песни и танцы. Особо следует выделить из ее репертуара удачный политический памфлет «Румынский солдат», задушевные, полные лиризма «Бессарабские мотивы» и дуэт из оперетты, отлично исполняемый Сиди Таль и достойным ее партнером, актером А. Тефнером. Запоминаются способные актеры ансамбля Дина (в рецензии – Лина – *М.В.*) Кениг, Златая и Цвит, хорошо выступившие в отдельных номерах программы. <…> Программа концерта, насыщенная современными антифашистскими номерами, в целом, полностью себя оправдывает, подается интересно и свежо, в чем большая заслуга художе-

ственного руководителя ансамбля, опытного режиссера и драматурга Я. Штеренберга»[14].

Театр «Ревю» дал в 1942 г. только в концертном зале Узбекской филармонии в Ташкенте 120 концертов[15]. Как отмечала народная артистка СССР Тамара Ханум, выступления Сиди Таль в Ташкенте «были триумфальными. Она выходила в белом брючном костюме – это было ново, впервые, – с копной пышных золотых волос, ослепительная и радостная, и пела "Какое наслаждение, какая красота!" – она плохо тогда знала русский язык, но ее акцент был всем мил, и зал взрывался аплодисментами. Заметим, скандирование зрителей началось в те годы именно с выступлений Сиди, и ее успех нарастал шквалом – это была актриса от Бога. Кроме того, Сиди была человеком щедрой души и безграничного таланта»[16].

Ансамбль Сиди Таль (театр «Ревю») много выезжал с концертами по областям Узбекистана. Только с 20 февраля по 30 апреля 1944 г. им было дано 18 концертов в Термезской, Кашка-Дарьинской и Бухарской областях[17]. Во время гастролей артисты театра «Ревю» обслуживали своими концертами и хлопкоробов[18].

В январе – апреле 1944 г. артисты театра «Ревю» выезжали с концертами по городам Средней Азии по маршруту: Самарканд, Андижан, Фергана, Коканд, Бухара, Сталинабад (ныне Душанбе), Карши, Термез, Чимкент, Фрунзе (ныне Бишкек)[19].

После гастрольной поездки театр «Ревю» возвращался в Ташкент, и здесь происходило обновление программы театра. Во время одного из таких межгастрольных периодов Сиди Таль решила ввести в программу нового концерта соло-танец «Экстаз», музыку к которому написал композитор М. Полянский. Правда, трактовка этого танца была иная. Она соответствовала ее собственным чувствам и выражала невероятное горе ее народа. Она продумала и нашла новую сюжетную идею «Экстаза», наметила хореографию до мельчайших деталей, но для исполнения не хва-

тало нот – они потерялись во время эвакуации. Тогда она по памяти пропела главные музыкальные темы композитору Льву Пульверу, с которым работала в эвакуации. Во время концертов, перед исполнением «Экстаза» Сиди Таль просила объявлять со сцены, что автор музыки к этому танцу погиб в гитлеровском концлагере.

К счастью, автор этой музыки не погиб: в это время он находился в Шаргородском концлагере и, несмотря на муки ада, болезнь (тиф) и голод, выжил и вернулся в Черновцы. Там, в 1946 г., он и услышал от Сиди Таль рассказ о преобразованиях с его танцем «Экстаз», получив от нее в подарок ноты танца в обработке композитора Л. Пульвера[20].

Театрализованный ансамбль Сиди Таль (театр «Ревю») проработал в Узбекистане три года. За это время артисты ансамбля дали свыше тысячи концертов как в Узбекистане, так и в других республиках Средней Азии. Кроме того, они выезжали на гастроли в другие республики СССР.

Большой популярностью пользовались концерты Сиди Таль и ее ансамбля в Казахстане, Туркмении, Грузии, городах Сибири и Урала[21]. Выступления ансамбля были, в основном, на русском языке и идиш, но Сиди Таль пела также грузинские и узбекские песни, а потому на ее концерты приходили не только евреи. Невзирая на то, что представители других национальностей не понимали идиш, – они шли на представления, «убежденные в том, что их здесь ждет что-то особенное, неповторимое. Надежды зрителей всегда оправдывались»[22].

Помимо выступлений вместе с ансамблем, Сиди Таль принимала участие в больших концертах, организованных Узбекской филармонией. Так, 27, 28 и 29 июля 1943 г. состоялся концерт «Артисты кино на эстраде». В нем участвовали: засл. артистка РСФСР Эмма Цесарская, Е.А. Кузьмина, Сиди Таль и др.[23] А 17, 18 и 19 сентября 1943 г. Сиди Таль участвовала в Вечерах еврей-

**В.Зускин (в центре) в гостях у артистов Молдавского ГОСЕТа. 1940 г.
(Из архива Х. Левиной)*

**Труппа ансамбля Сиди Таль. Ташкент, 1943 г. Слева направо: 3-я в 1-м ряду - Женя Златая; 6-я во 2-м ряду - Сиди Таль. (Из архива С. Тефнер)*

Дина Кениг, артистка театра "Ревю" в 1942-44 гг. (Из архива Л. Кениг)

Раиса Мостославская - артистка театра "Ревю" (Из архива Л. Унгерн)

Часть труппы театра "Ревю" (ансамбль Сиди Таль). Слева направо: А. Беркович, Ж. Златая, И. Хальфи, С. Таль, И. Ихилевский, А. Тефнер, Ш. Лейбович. Ташкент, 1943 г. (Из архива С. Тефнер)

**С. Таль в роли мальчика Мотл.*
(Из архива А. Ламанец)

**С. Таль в Ташкетский период.*
(Из архива А. Ламанец)

Участники ансамбля Сиди Таль в Ташкенте. 1943 г. Слева направо:
А. Лечестер, А. Тефнер, Ж. Златая, И. Хальфи, С. Таль, Хохмер.
(Из архива С. Тефнер)

Сиди Таль. (Из архива А. Ламанец)

Актер Адольф Тефнер. (Из архива А. Ламанец)

С. Таль читает монолог из баллады А. Нугера "Сердце матери" Черновцы, 1952 г. (Из архива А. Ламанец)

С. Таль в роли Чарли Чаплина. (Из архива А. Ламанец)

Актриса Клара Юнг

Клара Юнг в конце жизненного пути

Сцена из оперетты Б. Юнгвица "Ша! Ребе едет" В центре - Клара Юнг.

Клара Юнг. Ташкент, 1943 г.
(Из архива М. Вексельмана)

К. Юнг и С. Михоэлс. Ташкент, 1942 г.

СПРАВКА

****Справка Г. Клейманс об ее работе в театре евр. оперетты К. Юнг. 1943 г.***
(Из архива М. Вексельмана)

Клара Юнг в оперетте
Б. Юнгвица "Джейкеле Блофер"

****Актриса Года Клейманс-Ропская.***
1949 г. (Из архива М. Вексельмана)

**Роза Фрелих (Шарф) - мать Анны Гузик, актриса (Из архива Г. Амуровой)*

**Яков Гузик - отец А. Гузик, актер и продюссер (Из архива Г. Амуровой)*

**Я.С. Гузик и его дочери: (справа налево) Лиля, Берта, Анна и Соня. 1913 г.(?) (Из архива Г. Амуровой)*

**Актриса Анна Гузик. 1948 г. (Из архива С. Пемовой)*

**Соня Амурова (Гузик) в спектакле "Ба мир бист ду шейн". Ташкент, 1942 г. (Из архива Г. Амуровой)*

**Сцена из спектакля "Бейлке" в театре А. Гузик. Слева направо: Соня Амурова (Гузик), Г. Гроссман, Анна Гузик, С. Гольдберг, Берта Фрейдина (Гузик). Ташкент, 1942 г. (Из архива Г. Амуровой)*

ского творчества совместно с В.Л. Зускиным, М. Эпельбаумом, Л.М. Розиной и др.[24]

Сиди Таль также принимала участие в концертах, проведенных 13 и 14 января 1945 г. совместно с артистами Львовского и Кишиневского еврейских театров[25]. А 19 марта того же года в концертном зале Узбекской госфилармонии был проведен концерт, в котором помимо Сиди Таль (пародии и песни), участвовали Эльга Аренс (жанровые песни), Б. Цекиновский (арии и романсы) и др.[26]

Еврейский театр «Ревю» завершил свою работу в Узбекистане показом спектакля «Мисс Лили» («Шалунья»), американской комедии в 3-х актах (возможно – Б. Юнгвица).

Премьера спектакля состоялась 15 апреля 1945 г. в помещении концертного зала Узбекской госфилармонии, 16 апреля – в помещении Русского драматического театра имени М. Горького, 21 и 22 апреля – в помещении Узбекского ТЮЗа. Затем спектакли прошли 26 и 30 апреля 1945 г. в концертном зале Узбекской госфилармонии, а 4, 12 и 13 мая – в помещении театра им. М. Горького[27].

30 и 31 мая 1945 г. в летнем театре эстрады Ташкента (парк культуры и отдыха им. М. Горького) вновь был сыгран спектакль «Мисс Лили»[28], а 2, 3, 5 и 7 июня в том же помещении прошли прощальные показы этого спектакля. По его окончании были большие эстрадные концерты с участием Сиди Таль, Гиты Златой, Я. Фишера, А. Тефнера и др.[29]

В июне 1945 г. артисты ансамбля Сиди Таль выехали из Ташкента в Черновцы. Так завершился военный период в деятельности еще одного еврейского театра в Узбекистане. С 1946 г. ансамбль Сиди Таль вошел в состав Черновицкой филармонии.

Еврейский ансамбль оперетты Клары Юнг

Одной из «блуждающих звезд», блеснувших на театральном небосклоне Ташкента в годы Отечественной войны, была известная еврейская актриса ***Клара Юнг*** (псевдоним; наст. фамилия – Шпиколицер Хая Риси).

Первые годы жизни этой актрисы окутаны туманом. Даже время ее рождения – 10 декабря 1883 г. – не является вполне достоверным (в «Театральной энциклопедии», например, после этой даты стоит знак вопроса) [30]. Неизвестно, кто были ее родители, и место рождения. Возможно, она родилась в Злочивском имении своего деда (Западная Галиция), где она впервые в 6-летнем возрасте увидела музыкальную труппу с участием Рохл Аксельрод-Брош. С тех пор она мечтала стать актрисой.

Ее мечта сбылась в Америке, куда после смерти отца эмигрировала вся семья. В 1903 году Клара спела свою первую песенку «Эйсе бабкелах» («Горячие оладушки») в «Колдунье» А. Гольдфадена и была принята в театральную студию Балеско[31].

Именно с этого г. началась артистическая деятельность Клары Юнг. Она гастролировала по Америке и Канаде, играя в драматических театрах. С 1910 г. актриса работала только в оперетте и на эстраде, исполняла лирические и комические песенки. Гастролировала в Англии, Франции, Италии, России[32]. С 1922 г. Клара Юнг и ее муж Б. Юнгвиц часто выступали в СССР.

В 1925 г., после длительных гастролей по Европе и Америке, Клара Юнг прибыла в СССР. Ее приезд совпал с периодом, когда коммунистическая партия открыла наступление против таких жанров искусства, как оперетта, водевиль, бурлеск и фарс. Были закрыты ряд действующих театров оперетты. И вот в этот период американке Кларе Юнг было разрешено под эгидой Государственного объединения московской эстрады и цирка (ГОМЭЦ) создать театр еврейской музыкальной комедии, в который вошли:

М. Рубин, Х.И. Трилинг, Яков Кабак, Хая Розенталь, Григорий Спекторов, Г.Л. Гросман, Роза Курц, Ева Шаравнер, Катя Иоффе, Нюся Шейнфельд, Боба Юнеско и др. Руководителем театра стал Бернард Юнгвиц, композитором – И. Трилинг. Имелись оркестр, хор и кордебалет.

Специально для советских зрителей был подготовлен новый спектакль «Ша! Раввин едет» Б. Юнгвица. Юнг исполняла в нем роль 15-летнего раввина, разъезжающего по сцене на роликовых коньках.

За два года театр объездил почти всю страну и везде пользовался шумным успехом. Однако, вопреки этому, советские критики встретили К. Юнг в штыки, обвиняя ее и театр в «безыдейности», «зубоскальстве». За еврейскую актрису вступился нарком просвещения СССР А.В. Луначарский, написавший восторженную статью о ее творчестве для специальной брошюры о Кларе Юнг[33]. По его мнению, она не только глубоко современная, но и интернациональная актриса. Именно поэтому на ее спектакли приходят сотни людей, не понимающих ни одного слова на еврейском жаргоне. «Клара Юнг оставляет после себя неизгладимое впечатление, – утверждал Луначарский. – Еврейский театр может ею гордиться»[34].

В 1928 г. Клара Юнг уехала из СССР и в течение четырех лет разъезжала с гастролями по Южной Америке, США и Европе. И всюду ей сопутствовал успех. В 1934 г. Клара Юнг снова приехала в СССР и приняла советское гражданство. Ей помогли создать новый театральный коллектив, в который вошли многие актеры из ее труппы 1925 – 1927 гг. и многие известные в то время еврейские актеры: М. Эпельбаум, А. Гузик, Р. Вайнштейн, М. Цукер, А. Оберберг, Л. Меерсон, А. Вельс, Е. Сегал, И. Рехтман, Ф. Халиф, Я. Бергольский. Труппе был придан большой техперсонал и солидный оркестр[35]. Ансамбль оперетты и эстрады, возглавлявшийся Кларой Юнг, разъезжал по разным городам СССР.

Обладая большим сценическим обаянием, мастерством перевоплощения, большой внутренней музыкальностью, искусством

органичного перехода от диалога к пению, от пения к танцу, Клара Юнг создавала художественные сценические образы. Лучшие работы актрисы – главные роли в опереттах Бернарда Юнгвица[36].

Все спектакли театра Клары Юнг пользовались большим успехом у зрителей. А эпизоды, в которых вместе играли Юнг и Гузик, принимались с восторгом. Но через год им пришлось расстаться – Клара Юнг не терпела соперниц.

Пресса того времени пестрела разноречивой оценкой театра Клары Юнг. «Клара Юнг – это общепризнанная мировая актриса еврейской сцены, – писал рецензент Лев Южин, – ибо играть, как Клара Юнг, может только талант»[37]. Его дополняет Г. Ромм: «Игра Клары Юнг – это не набор отдельных выходов, к которым нас тщательно приучают опереточные премьерши, – это сплошной каскад жизнерадостных движений, песенок, игра лиц, рук, брошенные в публику от полноты щедрого сердца» [38]. С огромным восторгом писали о ней Перец Маркиш, Николай Волков и другие. Но были отзывы и другого толка.

С особой яростью набросился на актрису главный редактор официозной газеты «Дер Эмес» Матвей (Моисей) Литваков. Свой критический обзор, не без иронии названный «Искушение в брюках», он начинает с подведения под Клару Юнг классовой платформы. Он считал, что она – типичный выразитель идей еврейского бюргерства Запада, которое озабочено сохранением своего эксплуататорского положения. И далее он отмечал, что Клара Юнг «берет советского зрителя брюками. Именно брюками актриса искушает, соблазняет, совращает публику определенного пошиба: местечковых спекулянтов, недобитых нэпманов, завсегдатаев синагог, а также аполитичных граждан, склонных к пустому увеселению»[39].

Вопреки злой критике, зрители продолжали с теплотой встречать выступления Клары Юнг и артистов ее театра. И театр продолжал много гастролировать по стране.

Нападение фашистской Германии на СССР летом 1941 г. застало театр Юнг где-то в Молдавии. Кларе Юнг пришлось распустить свой театр в начале войны и эвакуироваться в Узбекистан.

Осенью 1941 г. Клара Юнг с небольшой группой артистов из бывшего Молдавского ГОСЕТа – Альбертом Сигалеско, Розой Брин-Сигалеско и другими – прибыла в Ташкент. Она была поселена, как эвакуированная, в квартире известного ташкентского юриста Лазаря Нехеймана. Его дочь, Эсфирь Лазаревна (проживает ныне в Израиле, в г. Бат-Ям), так описывает свою встречу с актрисой: «Знаменитая Клара Юнг поселилась в нашей детской комнате. До этой встречи я о ней ничего не слышала, но родители рассказали, что ее имя когда-то гремело, а потом она эмигрировала в Америку.

И вот в нашем доме № 43, что на ул. Первомайской, появилась немолодая красивая женщина с царственной осанкой. Яркая блондинка с прической "а ля Карла Донер". Туфли она носила только на высоком каблуке, что с учетом многих неасфальтированных ташкентских улиц было весьма непрактично. Ходить по таким улицам ей было трудно, а потому она нередко "ковыляла", что вызывало насмешки местных девчонок. Зато, когда она выходила на асфальтированные тротуары, то плыла как пава. По-русски Клара Юнг говорила плохо.

В нашей семье ее приняли очень тепло и помогали чем могли. Надо заметить, что в житейском плане она была очень непрактичным человеком, о чем свидетельствует и тот факт, что в столовой у нее украли дорогую каракулевую шубу, а зима была холодной»[40].

Находившийся в Ташкенте Соломон Михоэлс помог ей подключиться к эстрадным бригадам Узбекской филармонии. И тогда родители Эсфири Нехейман предоставили Кларе Юнг для репетиций гостиную, где стояло пианино. Туда, для подготовки концертной программы, приходили многие известные артисты: Анна Гузик, Лидия Русланова, Михаил Гаркави и др. На этом концерте побывала и вся семья Нехейман.

Вскоре Клара Юнг создала ансамбль еврейской оперетты, который состоял из 30 артистов и театральных работников. Помимо Клары Юнг – художественного руководителя ансамбля

– в него вошли Роза Брин-Сигалеско, Альберт Сигалеско (до 1943 г.), Г. (Ольга) Клейманс[41], Клара Вага, Соня Лейман, Иосиф Лейбович, А.Н. Томина, А.Е. Шевелева, С.Г. Платинская, Р. Лютингер, М.И. Триллинг, Л. Майденберг, А. Кульдинер, В. Тимашпольский, А. Хаш, М.К. Резник-Мартов и другие. Директорами ансамбля были З. Пилявский (1942 – 43 гг.), Марк Резник-Мартов (1944 г.) и Анатолий Люксембург (1945 – 46 гг.)[42].

Ансамбль еврейской оперетты Клары Юнг входил в состав Узбекской госфилармонии, а затем – в ее Концертно-эстрадное бюро. Репертуар ансамбля включал некоторые известные еврейские оперетты, еврейские песни, художественное чтение. Представления ансамбля проходили как в Ташкенте, так и во многих городах Узбекистана, Казахстана, Сибири, Урала и Дальнего Востока. Об этом свидетельствуют рекламные объявления в газете «Правда Востока» (Ташкент) за 1943 и 1945 гг., а также сохранившиеся командировочные удостоверения артистки ансамбля Годы (Ольги) Клейманс.

Спектакли ансамбля еврейской оперетты Клары Юнг проходили на различных театральных площадках Ташкента. Так, 3 февраля 1943 г. ансамбль показал в помещении театра имени Свердлова музыкальную комедию в 3-х действиях «Джейкеле Блофер» («Лгунишка») Б. Юнгвица; 7 февраля, 16 и 17 марта 1943 г. в помещении Русского драматического театра имени М. Горького была показана музыкальная комедия «Ди зексте вайб» («Шестая жена») М. Талалаевского [43]. Во всех этих спектаклях Клара Юнг играла главные роли.

С конца марта по 15 июня 1943 г., то есть 85 дней, ансамбль еврейской оперетты был на гастролях в Алма-Ате, Западной Сибири, Кузбассе. За время этой гастрольной поездки ансамбль Клары Юнг выступал в Алма-Ате, Кемерово, Новосибирске, Рубцовске и других городах [44].

Вернувшись в июне 1943 г. в Ташкент, Государственный ансамбль еврейской оперетты под художественным руководством

Клары Юнг был командирован «на обслуживание трудящихся Казахстана» сроком на 4 месяца: с 8 июля по 8 ноября 1943 г.[45].

Возвратившись после этой большой гастрольной поездки в Ташкент, ансамбль обновил свою программу и подготовился к новым гастролям, предварительно прокатав новые номера на концертных площадках Ташкента.

Через 3,5 месяца ансамбль выехал на гастроли по концертному обслуживанию хлопкоробов Андижанской и Наманганской областей Узбекистана. За время командировки, с 20 февраля по 30 апреля 1944 г., ансамбль дал 15 концертов на русском языке[46]. В программу концертов были включены сцены из оперетт, еврейские песни (Клара Юнг, Клара Вага), художественное чтение произведений М. Горького, стихов К. Симонова (Г.Н. Клейманс).

В июне 1944 г. Государственный ансамбль еврейской оперетты гастролировал в г. Янги-Юле (близ Ташкента), где показывал свои спектакли[47]. Все лето и осень 1944 г. ансамбль находился в Ташкенте, где готовил программу своих будущих гастрольных поездок и новые спектакли. Видимо, в это время ансамбль показывал свои спектакли и концерты ташкентским зрителям, но подробно рассказать об этом нет возможности из-за отсутствия документальных материалов.

С 15 декабря 1944 г. Государственный ансамбль еврейской оперетты был направлен в г. Читу и на Дальний Восток сроком до 15 февраля 1945 г. для обслуживания воинских частей Красной Армии[48]. Во время этой поездки была показана программа в 2-х отделениях. В первом был сыгран водевиль в одном действии Ф. Сологуба «Беда от нежного сердца». В нем участвовали К.Л. Вага, О.Н. Клейманс, А.Н. Томина, А.Е. Шевелева, С.Г. Платинская, Р. Лютингер, М.И. Триллинг, М.К. Резник-Мартов. Во втором отделении в драматическом этюде И. Халифа «Почему он молчит» выступили Вага, Триллинг и Резник-Мартов. Затем К. Вага исполнила жанровые, а А. Шевелева – лирические песни. С художественным чтением выступила О. Клейманс. Молдавский танец исполнили артисты ансамбля Р. Лютингер, Л. Майденберг, А. Томина, А. Кульдинер, А. Хаш и В. Тимашпольский [49].

Вернувшись из этой гастрольной поездки, ансамбль готовится к показу своей новой постановки – музыкальной комедии «Дер лецтер танц» («Последний танец») Б. Юнгвица (?). А 27, 28, 29 и 30 мая 1945 г. в концертном зале Узбекской филармонии состоялись премьеры этого спектакля, сразу же завоевавшего большой успех у зрителей. Зал был всегда полон.

2 и 3 июня 1945 г. спектакль «Дер летцер танц» был показан на сцене Узбекского ТЮЗа, а 6, 7, и 8 июня – в концертном зале Узгосфилармонии. 15 июня 1945 г. этот спектакль был показан в Летнем театре эстрады (Парк культуры и отдыха им. М. Горького), а 16 июня – на сцене Узбекского музыкально-драматического театра им. Мукими.

12 и 13 июня 1945 г. в концертном зале Узбекской филармонии ансамбль показал спектакль «Шестая жена»[50].

После шумного успеха спектаклей Ансамбля еврейской оперетты Клары Юнг в Ташкенте его вновь отправляют с 20 июня 1945 г. на длительные гастроли в города Средней Азии и Сибири: Алма-Ата, Джамбул, Лениногорск, Андижан, Усть-Каменогорск, Барнаул, Семипалатинск, Караганда и другие. Первоначально гастроли планировались сроком на 75 дней, то есть по 20 сентября 1945 г., но затем были продлены до 1 октября [51].

После возвращения в Ташкент Ансамбль еврейской оперетты некоторое время выступал на сценах различных театров города, но 20 февраля 1946 г. он был распущен. Артисты ансамбля влились в другие творческие коллективы, а М. Резник-Мартов и его жена Клара Вага уехали в Прибалтику.

Артистка Г.Н. Клейманс осталась работать в Узбекской филармонии руководителем ансамбля народных инструментов, где проработала до выхода на пенсию в 1960 году.

Клара Юнг уехала в Москву, где три года проработала в Мосгосконцерте. В 1949 г. ей сообщили о смерти ее 45-летней дочери в США. После этого она ушла на пенсию, долго болела и 27 апреля 1952 г. умерла. К тому времени она была одинока, и на кладбище ее проводили лишь эстрадные артисты Борис Хенкин и Леонид Утесов.

Ансамбль еврейской оперетты Анны Гузик в 1941 – 1945 гг.

В годы Отечественной войны Ташкент стал прибежищем еще для одной блестящей «блуждающей звезды» – известной еврейской актрисы ***Анны Гузик***.

Анна (Хана) Яковлевна Гузик (1905 – 1994) родилась в Минске в семье известных еврейских актеров – Якова Самойловича Гузика и Розы Фрелих (Шарф).

История родителей Анны Гузик напоминает сюжет романа «Блуждающие звезды». Они болели театром и убежали из своих зажиточных семей: отец из г. Ровны, а мать – из Елисаветграда (ныне Днепропетровск), чтобы стать актерами. Мама, Роза Фрелих (Шарф), была довольно известной актрисой – исполнительницей музыкальных куплетов. Она была одной из первых актрис, вышедших на сцену в брюках. Отец, Яков Гузик, обладал невероятной красоты голосом, был очень деятельным человеком, хорошим режиссером и организатором. В начале XX века он организовал еврейский театр, с которым разъезжал по всем городам черты еврейской оседлости на Украине.

В театре работала вся семья Гузик: Яков Гузик, Роза Фрелих и их дочери – Леля, Берта (Бэба), Анна и Соня, а также многие еврейские одаренные артисты. В этом театре Анна Гузик стала выступать с 5-летнего возраста: сначала в детских ролях, а в 16 лет она уже была профессиональной актрисой и сыграла свою первую роль – Женьку в пьесе «Яма» по роману А.И. Куприна[52].

В театре Якова Гузика она проработала до начала 30-х годов. Зрители сразу заметили Анну, что неудивительно: она была одаренной актрисой и обладала большим сценическим обаянием.

Осенью 1930 г. в Киеве был организован Киевский театр еврейской оперетты, в труппу которого поступили Анна и Софья Гузик. Здесь Анна познакомилась с Кларой Юнг и другими актерами труппы, с некоторыми из которых она впоследствии играла в театре оперетты Клары Юнг, а затем в своем театре еврейской

оперетты. В репертуаре театра были музыкальные комедии «Шестая жена», «Ша! Раввин едет!», «Джейкеле-лжец», «Лейбеле-одессит», «Обманутый жених», «Стемпеню»…

В 1932 – 1933 гг. театр гастролировал в Москве, Ленинграде, Минске, Одессе, Харькове и Елисаветграде. В 1934 г. Киевский театр еврейской оперетты был расформирован[53], а уже в следующем году Анна Гузик создает собственный театр – Ленинградский театр еврейской оперетты.

В труппу театра вошли Соня Гузик-Амурова, А.Г. Оберберг[54], С.И. Гольдберг[55], Г.Л. Гросман[56], Берта Фрейдина (Гузик). С этим ансамблем Анна Гузик стала гастролировать по городам Советского Союза.

В 1938 г. ансамбль Анны Гузик гастролировал в Москве в саду «Эрмитаж». Сохранились две рецензии на выступления ансамбля в Москве. В первой из них «Их шестеро… Еврейская оперетта в “Эрмитаже”» Виктора Эрманса указывается, что ансамбль оперетты Анны Гузик показал московским зрителям два спектакля: «Бейлке» (автор либретто Петров-Сокольский, композитор Розенфельд) и «Шмендрик» («Озорник») А. Гольдфадена (композитор Полонский). Далее рецензент отмечает: «Спектакли ансамбля – камерного характера: без хора, без балета. Происходит это, главным образом, из-за скудности средств и возможностей, которыми располагает в настоящее время ансамбль. Попав на спектакль “Бейлке”, вы первое время прямо поражены убожеством оформления и обстановки. Однако, увлеченные игрой артистов, вы очень скоро просто перестаете замечать эти грубо размалеванные холсты и безвкусные павильоны. У коллектива правильный расчет – актер, мол, вывезет. Эта ставка на актера в значительной мере себя оправдывает.

Анна Гузик – одна из ярких представительниц старинной опереточной династии Гузиков. Ее отец – популярный артист, режиссер и организатор еврейской музыкальной комедии Я.С. Гузик, исколесивший со своими коллективами Россию вдоль и поперек… Из четырех дочерей-актрис Гузика (Биба, Леля, Анна

и Соня), Анна Гузик в настоящее время наиболее крупная актриса еврейской опереточной сцены. Тщательная отделка роли, благородная простота, искренность тона и чувство меры – таковы основные свойства мастерства этой интересной актрисы. К этому еще надо добавить приятную манеру пения, подвижную мимику, изящество и большое индивидуальное обаяние. Анна Гузик – не героиня. Она энжиню, она травести. У нее и роли такие – официантка из столовой ("Бейлке"), сорванец Менделе ("Шмендрик").

У Анны Гузик замечательные переходы от бурной радости к тихой грусти, от лирики и мальчишеской шаловливости к задорному лукавству… Когда я смотрел Анну Гузик в блестяще сделанной сцене с башмаками ("Бейлке"), мне вспомнилась Франческа Гааль в "Петере". Как хороша в этой сцене Гузик! А на другой день перед моими глазами предстал озорной и мечтательный, переживающий утро любви Менделе. И я, право, не знаю, что же лучше – Бейлке или Менделе.

Гросман – превосходный простак и характерный артист. Играет он легко, непринужденно, как бы шутя. Гросман обладает даром перевоплощения – в его Грише из "Бейлке" вы будете тщетно искать что-либо общее с его же Иценю ("Шмендрик"), этим еврейским "недорослем". Стихия Гросмана – танцы. Здесь он, как говорится, имеет завистников, но не имеет соперников. С каким, например, блеском танцует Гросман "фрейлехс" вместе с Гольдбергом и Обербергом в "Бейлке". Вообще Гросман – первоклассный простак, заставляющий вспоминать о лучших простаках оперетты. Но разве они умели так танцевать, как Гросман?

Оберберг – старейший актер еврейской оперетты. Оберберг – комик; в его юморе много непосредственности и тепла. В гастрольных спектаклях Оберберг играет двух отцов – отец в «Бейлке», могильщик-остряк Ицек, удался ему больше, чем отец из "Шмендрика".

Есть, конечно, в ансамбле и герой. Это Гольдберг. Опытный, эффектный, с хорошим вокальным материалом актер…

Фрейдина и Амурова с честью несут амплуа старухи и характерной артистки. …

Зритель восторженно принимает спектакли ансамбля, требуя бесконечных "бисов" и радостно встречая каждый мало-мальски удачный каламбур»[57].

Высокую оценку спектаклю Ансамбля оперетты Анны Гузик дает Яков Гринвальд в рецензии «Гастроли еврейской оперетты»: «Шесть актеров. Шесть исполнителей, составляющих сыгранный ансамбль, дружный, крепкий и восхищающий тем увлечением, с которым они живут и действуют на сцене.

В центре внимания зрителя – Анна Гузик. Это актриса большого дарования, неподдельного темперамента, огромного сценического обаяния. Представительница старой и некогда популярной семьи еврейских актеров Гузик, она соединяет в своем творчестве лучшие традиции великолепных "комедиантов" старой еврейской сцены с культурой и сценической техникой современного советского театра.

В роли скромной официантки Бейлке (из одноименной оперетты) – решительной и самоотверженной девушки, страдающей от выпавших на ее долю несчастий, но не теряющей жизнерадостного восприятия окружающего мира, воли к борьбе за счастье, – Анна Гузик раскрывается как артистка очень многогранная. В созданном ею трогательно-наивном образе девушки она хорошо передает стиль еврейской оперетты – улыбку сквозь слезы, непосредственность, простоту, задушевность.

Приятная манера петь, совершенное искусство танца делают Анну Гузик одной из интереснейших и значительных опереточных артистов советской сцены.

Хорошими актерами являются и партнеры Анны Гузик, особенно простак Г.Л. Гросман и комик А.Г. Оберберг. Это два опытных мастера опереточной сцены, ведущие свои роли легко, без нажима, отлично танцующие. "Бейлке" – это первый опыт создания советской еврейской оперетты. Опыт, в целом, несомненно удачный»[58].

После гастролей в Москве ансамбль Анны Гузик вновь уехал в гастрольную поездку по стране.

В 1939 году на 1-м Всесоюзном конкурсе артистов эстрады Анна, наряду с Аркадием Райкиным, получила 1-ю премию и стала лауреатом Всесоюзного конкурса.

В начале Отечественной войны ансамбль вновь находился на гастролях в Москве, откуда вскоре выехал на гастроли по стране.

Первый город, в котором остановился ансамбль Анны Гузик, был Куйбышев. Помимо нескольких выступлений в Куйбышеве, артисты ансамбля дали концерты во многих «бедных, голодных городах Поволжья»[59].

В начале 1942 г. Анна Гузик с ансамблем приехала в Ташкент. Здесь она установила контакт с Узбекской госфилармонией, и уже в марте того же года участвовала в большом вечере, устроенном филармонией в ее концертном зале. Рассказ А. Гузик об этом вечере воспроизвел в своей публикации журналист Андрей Лазарев. Приведем один любопытный эпизод. В концерте участвовала известная узбекская актриса Тамара Ханум, исполнившая несколько песен из своей программы «Песни народов мира». В их числе были и песни на идиш, вызвавшие крайне негативную реакцию С. Михоэлса. Перед выходом на сцену Анны Гузик он вбежал к ней в уборную, «зло сверкая глазами». «Вы слышали, как она пела?! Это же издевательство над еврейским народом! Это же пародия! Вы должны сегодня спеть так, чтобы все поняли, что такое еврейская песня. Вы должны поставить все на свои места!» Когда Гузик вернулась со сцены за кулисы, Михоэлс прижал ее к груди и поцеловал: «Спасибо, вы сделали то, что должны были, и даже больше!» [60].

В конце марта 1942 г. ее ансамбль мастеров еврейской оперетты дал два спектакля в столице Узбекистана. Так, 29 марта в помещении Русского драматического театра имени М. Горького был показан спектакль «А хасене он клезмер», а 30 марта в том

же помещении был показан спектакль «Ба мир бист ду шейн» («Моя красавица»). Публика тепло встретила выступления ансамбля [61].

После этих спектаклей ансамбль оперетты и эстрады [в то время в него входили Анна Гузик, Софья Амурова (Гузик), Берта Фрейдина (Гузик), ее старший сын Абрам Фрейдин, Самуил Израилевич Гольдберг, А.Г. Оберберг, Григорий Гросман, Г.А. Амурский, балерина Т.К. Сиваева и небольшой оркестр[62]] выехал на гастроли по городам Средней Азии: Самарканд, Бухара, Коканд, Каган, Андижан, Наманган, Карши и другие.

Далее маршрут ансамбля Анны Гузик проходил по городам Сибири, Урала и Дальнего Востока: Челябинск, Свердловск (ныне Екатеринбург), Тюмень, Омск, Новосибирск, Томск, Красноярск, Улан-Уде, Комсомольск-на-Амуре, Биробиджан, Советская Гавань, Хабаровск, Владивосток, Находка, остров Сахалин, Александровск-Сахалинский [63].

В Александровске-Сахалинском ансамбль ленинградских мастеров оперетты под руководством Анны Гузик пробыл две недели (с 3 по 18 июля 1942 г.), в течение которых дал ряд концертов.

Сохранившиеся рецензии на эти выступления ансамбля позволяют выявить программу концертов и оценку выступлений артистов ансамбля. Так, в рецензии А. Ивановского «Гастроли ленинградских мастеров оперетты» отмечалось: «Приезд в Александровск-Сахалинский Государственного ансамбля ленинградских мастеров оперетты[64] – явление отрадное и заслуживающие всяческого одобрения.

Два спектакля-концерта этого ансамбля прошли с большим успехом и вызвали горячие симпатии александровского зрителя.

Программа вечера состоит из двух отделений: одноактной оперетты по Адлеру “Моя красавица” и концертных номеров.

Оперетта, поставленная режиссером Г. Полячек, проходит легко и весело. Остро гротесковые образы персонажей “Моей красавицы” хорошо переданы артистами: Гольдбергом С.И. (Гарри), Гросманом Г.Л. (Хайми), Обербергом А.Г. (адвокат Тромбон), Фрейдиной Б.Я. (мадам Софи), Амуровой С.Я. (Бетси), Сиваевой

Т.К. (Сюзи). Но наибольшим успехом у зрителя пользуется лауреат первого Всесоюзного конкурса артистов эстрады Анна Гузик в роли Мэри из провинции.

Во втором отделении с интересным репертуаром выступает солист Самуил Гольдберг. Очень хорошо в его исполнении прозвучали песенки "Ночь над Белградом" и "Скрипач". Песенка о хорошей советской девушке и скромном, мужественном парне – "Подожди", исполнена артистом несколько слабее.

Скетч "Недоразумение" в исполнении артистов Амуровой С.Я. и Гросман Г.Л. заставляет публику много смеяться…

Балерина Сиваева Т.К. динамично и пластически выразительно исполняет "Цыганский танец".

Анна Гузик как исполнительница современных жанровых песен отличается настоящим актерским темпераментом, богатством мимики и искусством перевоплощения…

Как танцовщица Анна Гузик подкупает хорошей техникой, темпераментом и изяществом исполнения. Особо следует отметить присущее актрисе чувство жанра и острой пародии.

Остроумен, мягок и обаятелен конферансье Г.А. Амурский. Он ни на минуту не дает публике скучать, связывает воедино отдельные номера программы, и его конферанс не лишен политической сатиры.

Успеху ансамбля значительно содействует хорошее музыкальное сопровождение Георгия Язвич»[65].

В рецензии А. Котлярова «Прощальные концерты ленинградских мастеров оперетты» подводятся итоги гастролей ансамбля Анны Гузик на Сахалине: «Двухнедельное пребывание в Александровске-Сахалинском ленинградских мастеров оперетты было настоящим праздником для нашего города. Давно наш зритель так не отдыхал, так весело не смеялся, так бурно не аплодировал, как на спектаклях-концертах мастеров оперетты во главе с талантливым представителем ансамбля Анной Гузик… Небольшой спаянный коллектив ансамбля, в 10 человек, представляет многообразие жанров – оперетту, острую пародию, скетч, милую шут-

ку, бытовые сценки, танец, фельетон и нашу замечательную боевую и теплую советскую песню…

Даровитые представители еврейской оперетты: А. Гузик, С. Гольдберг, Г. Гросман, А. Оберберг и опытные артистки С. Амурова, Б. Фрейдина в дни Отечественной войны проделали огромную работу не только по пересмотру репертуара, но и по линии творческих исканий. Выступая до войны исключительно на еврейском языке, они сумели быстро откликнуться на события, происходящие в стране – создать русский репертуар и вместе с бойцами, командирами, политработниками и передовиками трудового фронта, средствами своего разностороннего искусства включиться в общую задачу разгрома немецко-фашистских мерзавцев…

Когда смотришь и слушаешь Анну Гузик, то каждая вновь исполненная вещь кажется еще лучше предыдущей. Талантливая представительница оперетты, лауреат 1-го Всесоюзного конкурса эстрады А.Я. Гузик поражает многогранностью своего яркого дарования.

В оперетте она отличается большим темпераментом, умением передать наиболее типичные черты характера изображаемых образов. Малейшие нюансы женской души, яркие переходы от настоящего трагизма до трогательной лирики и от грусти до плещущегося веселья, умение филигранно отделывать каждую деталь, почувствовать каждое слово, каждый жест – неотъемлемые свойства Анны Гузик.

Оборонная патриотическая песня, шуточная песенка и труднейший для актера жанр – фельетоны необычайно воздействуют на аудиторию. И неудивительно, что старый боцман на военном корабле пускает слезу, слушая "Мишку-одессита", что моряки и бойцы-пограничники Сахалина приходят за кулисы благодарить артистку за песенки "Огоньки", "Уезжала девушка на Дальний Восток" и "Три сестрицы". Исключительным успехом на всех концертах пользовалась песенка "Часы".

На прощальном концерте большое впечатление оставил музыкальный фельетон “На земле”. Это кусок жизни еврейской семьи из дореволюционного местечка и новая жизнь в советском колхозе. Это целая галерея лиц и характеров от малых ребят до глубоких стариков.

Самуил Гольдберг является достойным партнером А. Гузик в оперетте и пародиях. Зритель с большим вниманием слушает в его исполнении песни о мужественных хорватах, героической Югославии, о наших замечательных бойцах-товарищах и командирах.

Исполнители скетчей С.Я. Амурова и Г.Л. Гросман дополняют хорошее впечатление от программы, особенно Г. Гросман.

Татьяна Сиваева – солистка балета Ленинградской государственной оперетты, к сожалению, не имеет в ансамбле партнера, что особенно было видно в исполнении “Танго встречи” и сцены Германа и Жанны (“Роз-Мари”).

Молодой композитор и концертмейстер Георгий Язвич на последнем вечере выступил и как солист со своими фортепьянными произведениями. Его прелюды очень эмоциональны и были хорошо исполнены…» [66].

После завершения гастролей на Сахалине ансамбль Анны Гузик отправился в обратный путь, давая по дороге концерты. В Ташкент ансамбль оперетты Анны Гузик вернулся в июне 1943 г. Здесь под именем Ленинградского театра оперетты и эстрады он дал несколько концертов.

Так, в помещении театра Мюзик-холл 2 и 4 июля 1943 г. были даны концерты с участием Анны Гузик; конферансье на них был Г.А. Амурский [67]. 5 июля в том же помещении была показана оперетта Я.П. Адлера «Моя красавица» [68].

7 и 8 июля 1943 г. была показана оперетта в 3-х действиях на еврейском языке «Бейлке» с Анной Гузик в главной роли [69].

10 и 11 июля 1943 г. в летнем театре парка ОДКА Ленинградский театр дал последние концерты с участием Анны Гузик [70].

Завершив гастроли в Ташкенте, ансамбль оперетты Анны Гузик выехал на гастроли по городам Средней Азии. Во время этих

гастролей к ансамблю присоединился польский джаз-оркестр под управлением Шауля Березовского. Этот оркестр приехал в 1939 г. на гастроли в СССР. Когда немцы захватили Польшу, оркестранты остались в СССР. Оркестр Шауля Березовского создал прекрасный аккомпанемент выступлениям артистов ансамбля, что способствовало еще большему успеху выступлениям артистов ансамбля Анны Гузик. Гастроли ансамбля проходили в Алма-Ате, Фрунзе (Бишкек), Сталинабаде (Душанбе), Ашхабаде, Мары, Чарджоу. И всюду зрители тепло встречали Анну Гузик и ее партнеров и провожали их бурными аплодисментами.

В 1944 году ансамбль еврейской оперетты Анны Гузик вернулся в Ленинград [71].

ЭПИЛОГ

В 1945 г. окончилась Вторая мировая война, и вместе с тем завершился очень важный этап в истории еврейского театра (на идиш) в СССР.

Как упоминалось выше, наряду с русскими, украинскими театрами в Узбекистан эвакуировались артисты семи ГОСЕТов: Московского, Харьковского, Одесского, Киевского, Молдавского, Белостокского, Львовского. Многие из них получили возможность показать свое искусство на сценических площадках Ташкента, Самарканда, Коканда, Ферганы. Кроме того, в Ташкенте были воссозданы и показали свое мастерство три ансамбля еврейской оперетты и эстрады: Сиди Таль, Клары Юнг и Анны Гузик.

В тяжелых условиях войны еврейские артисты нашли в Узбекистане благодарных зрителей в лице местного населения и сотен тысяч эвакуированных евреев из временно оккупированных территорий СССР.

Советские и партийные органы Узбекистана старались создать соответствующие условия для жизни и творческой деятельности эвакуированных представителей еврейского искусства.

В свою очередь еврейские деятели искусств не только стремились с полной отдачей показать свое мастерство, но и активно участвовали в развитии различных жанров узбекского искусства.

Народный артист СССР, художественный руководитель и режиссер Московского ГОСЕТа С.М. Михоэлс был художественным руководителем Узбекского театра оперы и балета, вел занятия сценического мастерства с артистами этого театра, был режиссером-постановщиком в Узбекском драматическом театре имени Хамзы, где он совместно с режиссером М.М. Уйгуром поставил спектакль «Муканна».

Художественный руководитель, режиссер Киевского ГОСЕТа М. Гольдблат помогал в постановке спектакля в Ферганском узбекском драматическом театре.

Художественный руководитель и режиссер Одесского ГОСЕТа Э. Лойтер совместно с С. Михоэлсом участвовал в постановке

балетов в Узбекском театре оперы и балета. В 1943 г. ему было присвоено звание Заслуженный артист УзССР.

Знаменитый художник, главный художник Московского ГОСЕТа А.Г. Тышлер оформлял спектакль «Муканна» в Узбекском драматическом театре имени Хамзы, участвовал в оформлении спектаклей в Узбекском театре оперы и балета. В 1943 г. ему присвоили звание Заслуженный деятель искусств УзССР.

Главный художник Харьковского ГОСЕТа В. Рыфтин участвовал в оформлении спектаклей Узбекского театра оперы и балета, а с начала 1947 г. стал главным художником этого театра. Ему было присвоено звание Народный художник УзССР.

С окончанием войны завершился своеобразный взлет еврейского искусства в Узбекистане. Стали возвращаться домой эвакуированные в Узбекистан евреи – основная масса зрителей еврейских театров.

Начиная с конца 1943 г., стали выезжать из Узбекистана еврейские театры. Лишь два театра из бывших в эвакуации в Узбекистане семи еврейских театров смогли продолжить свою деятельность после войны: Московский ГОСЕТ (вернулся в Москву в ноябре 1943 г. и продолжил свою деятельность до ноября 1949 г.) и Киевский ГОСЕТ (выехал из Узбекистана в конце декабря 1944 г., но был направлен не в Киев, а в Черновцы, где он работал вплоть до своего закрытия в феврале 1950 г.). Из еврейских ансамблей в послевоенный период продолжил свою работу лишь Ленинградский еврейский ансамбль оперетты Анны Гузик.

Все остальные еврейские театры, бывшие в эвакуации в Узбекистане, распались, так и не продолжив свою деятельность. Таким образом, в послевоенный период в СССР осталось лишь четыре ГОСЕТа: Московский, УССР им. Шолом-Алейхема, Белорусский (в годы войны находился в Новосибирске) и Биробиджанский. В связи с изменением политики коммунистической партии и Советского правительства по еврейскому вопросу в послевоенный период началось свертывание, а затем и полная ликвидация еврейского театра в СССР. Последним в этой цепи – в 1952 г. – был расформирован ансамбль Анны Гузик.

ПРИМЕЧАНИЯ

Список условных сокращений

АН – Академия наук

Газ. – газета

Гейзер М. Соломон Михоэлс. – Гейзер М. Соломон Михоэлс. – М., 1990.

Гейзер М. Михоэлс. – Гейзер М. Михоэлс: Жизнь и смерть. – М., 1998.

Г. – город

Дейч Ал. Четверть века. – Дейч Ал. Четверть века // Михоэлс. Статьи, беседы, речи. Статьи и воспоминания о Михоэлсе. – М., 1981.

«Евр. камертон» – «Еврейский камертон» – еженедельное приложение к газете «Новости недели» (Тель-Авив)

Ед. – единица хранения в архиве

Зускина-Перельман А. Путешествие Вениамина. – Зускина-Перельман А. Путешествие Вениамина: Размышления о жизни и судьбе еврейского актера Вениамина Зускина. – Иерусалим; М., 2002.

«Калейдоскоп» – «Калейдоскоп» – еженедельное приложение к газете «Время» (Тель-Авив)

Козловский И. О друге. – Козловский И. О друге // Михоэлс. Статьи, беседы, речи. Статьи и воспоминания о Михоэлсе. – М., 1981.

Компрос – Комиссариат просвещения

Копельман С. Сыновьим сердцем. – Копельман Симон. Сыновьим сердцем. – Спрингфильд, 1986.

Копельман С. Юнг… – Копельман Симон. Юнг – значит молодая. – Спрингфильд, 1987.

КЕЭ – Краткая еврейская энциклопедия в 11-ти томах. – Иерусалим, 1974 – 2005.

Котлярова М.Е. Воспоминания. – Котлярова М.Е. Воспоминания еврейской актрисы // Соломон Михоэлс. Исследования, архивы, библиография. – М. 1999.

Лоев М. Украденная муза. – Лоев Моисей. Украденная муза: Воспоминания о Киевском Государственном еврейском театре им. Шолом-Алейхема (Харьков – Киев – Черновцы). 1925 – 1950. – Киев, 2004.

Любомирский О. Заметки об Одесском ГОСЕТе. – Любомирский О. Заметки об Одесском ГОСЕТе // Журнал «Театр» – (М.), 1939, № 10.

Наробраз – Народный отдел образования

Потоцкая-Михоэлс А. О Михоэлсе богатом и старшем – Потоцкая-Михоэлс А. О Михоэлсе богатом и старшем // Михоэлс. Статьи, беседы, речи. Статьи и воспоминания о Михоэлсе. – М., 1981.

ПТУ – профессионально-техническое училище

РГАЛИ – Российский государственный архив литературы и искусства

«Сиди Таль в воспоминаниях» – «Сиди Таль в воспоминаниях современников». – М., 1993.

ТЭ – Театральная энциклопедия. В 5 тт. – М., 1963 – 1965.

Тышлер А. Я вижу Михоэлса. – Тышлер А. Я вижу Михоэлса // Михоэлс. Статьи, беседы, речи. Статьи и воспоминания о Михоэлсе. – М., 1981.

ТЮЗ – Театр юного зрителя

Узгосфилармония, Уз. филармония – Узбекская государственная филармония, Узбекская филармония

Ф. – фонд

ЦГА Узбекистана – Центральный Государственный архив Республики Узбекистан

Элияху Йонес. Евреи Львова... – Йонес, Э. Евреи Львова в годы Второй мировой войны и катастрофы европейского еврейства. 1934 – 1944. – М., 1999.

Эфрос А. Начало. – Эфрос А. Начало // Михоэлс. Статьи, беседы, речи. Статьи и воспоминания о Михоэлсе. – М., 1981.

РАЗДЕЛ ПЕРВЫЙ

Ташкентский ГОСЕТ

1. ЦГА Узбекистана. Ф. И.-17. Оп. 1. Ед. 16740. Лл. 4-5.

2. Кирснер Абрам Лейбович (Львович) родился в мае 1865 г. в г. Нежин Слуцкого уезда Минской губернии. В 1889 г. переехал на жительство в Ташкент по ремесленному свидетельству переплетчика. В 1900 г. Кирснер был избран казенным (общественным) раввином г. Ташкента и состоял в этой должности по 1914 г. В эти же годы он был владельцем книжного магазина и типографии в Ташкенте. В 1905-1917 гг. – издатель и редактор ряда газет в Туркестанском крае: «Ташкентский курьер», «Ташкентский листок телеграмм и объявлений», «Туркестанский курьер», «Туркестанский понедельник», научного журнала «Средняя Азия» (1910-1911 гг.); издавал книги по истории Туркестанского края. За свою издательскую деятельность был награжден на Туркестанской выставке «Серебряной медалью». В 1909-1910 гг. выступил против выселения бухарских евреев из Туркестанского края, что вызвало неприязнь к нему со стороны Туркестанского генерал-губернатора Самсонова (ярого антисемита), который пытался в 1909 г. отстранить его от должности раввина и выслать из Ташкента. После октябрьского переворота 1917 г. Кирснер эмигрировал во Францию. (См.: ЦГА Узбекистана. Ф. И-1. Оп. 4. Ед. 1515. Лл. 1 – 46; Оп. 4. Ед. 1664. Лл. 132 – 134; Оп. 17, Ед. 849. Лл. 48, 49; Ф. И-17. Оп. 1. Ед. 26437. Лл. 10, 12об.; см. также: Библиографический указатель литературы. Русская периодическая печать в Туркестане: 1870 – 1917. Ташкент, 1960. С. 59, 72, 74, 76, 156; М. Вексельман. Раввин-просветитель // Евр. камертон / Прилож. к газ. «Новости недели». 2000. 6 июля).

3. ЦГА Узбекистана. Ф. И-17. Оп. 1. Ед. 16740. Л. 6.

4. Там же. Л. 6.

5. Там же.

6. Там же.

7. Там же. Ф. Р.-34. Оп. 1. Ед. 670. Л. 171.

8. Там же. Ед. 370. Лл. 62, 68.

9. Там же. Ед. 670. Л. 172.

10. Там же. Л. 173.

11. Там же. Л. 232.

12. Там же. Ед. 370. Лл. 326, 326об.

13. Там же. Ед. 670. Л. 48

14. Там же. Л. 19.

15. Магнитофонная запись воспоминаний Анны Григорьевны Нисенбойм – дочери главного администратора Ташкентского ГОСЕТа Буракевича (октябрь 1999 г., г. Кфар-Саба, Израиль), хранится в личном архиве М. Вексельмана.

16. Из письма Татьяны Табак (урожденной Фрейлехман) из Нью-Йорка от 10 дек. 1999 г. С. 2.

17. «Правда Востока» (Ташкент). 1935. 4 апр.

18. См. ЦГА Узбекистана. Ф. Р-2275. Оп. 1. Ед. 6. Л. 1 – фотоальбом Ташкентского еврейского театра, подаренный художественному руководителю Ташкентского русского драматического театра им. М. Горького – М.К. Вулконскому в честь 50-летия, на первой странице которого помещена фотография Якова Григорьевича Горбунова – шефа еврейского драмтеатра. В период массовых репрессий, 20 октября 1937 г., в республиканской газете «Правда Востока» была помещена разгромная статья о Горбунове «Враги и его покровители». Вскоре он был снят с работы и репрессирован.

19. А.К. Клебань и Д.М. Ниязов. «Очерки из истории евреев в Узбекистане»: Рукопись. С. 44. Хранилась в Отделе рукописей Центра истории и документации восточно-европейского еврейства (Иерусалим) под № 1092.

20.См.: КЕЭ (Иерусалим). 1996. Т. 8. Стб. 809.

21. Из характеристики артистки Ташкентского государственного еврейского театра Асе Томиной, подписанной 5.01.1957 г. заслуженным деятелем искусства УзССР Ф.А. Ковалевым. Подлинник хранится в семейном архиве Л. Тимашпольского (г. Хайфа).

22. См.: КЕЭ. 1996. Т. 8. Стб. 809; магнитофонная запись воспоминаний А.Г. Нисенбойм (Буракевич); программа премьеры спектакля по Шолом-Алейхему «Тевье дер Мильхикер» («Тевье-молочник»), 1939 г. (типографский экз.), где А.Ю. Рейшер значится среди действующих лиц в роли «Урядника» (из семейного архива Л. Тимашпольского).

23. Буракевич Григорий (Герш) Соломонович (1892 – 1944) родился в Польше, участник Первой мировой войны, был в австрийском плену, по возвращении из которого в 1918 г. жил в Петрограде, а затем переехал в Ташкент. Он был верующим евреем, посещал синагогу. После закрытия синагоги в ее помещении открыли Еврейский рабочий клуб, где он был администратором. После открытия Ташкентского еврейского театра стал работать там главным администратором вплоть до закрытия театра в 1940 г. После этого работал экспедитором в «Киноснабе». Умер в 1944 г. в Ташкенте. (Магнитофонная запись воспоминаний А.Г. Нисенбойм).

24. ЦГА Узбекистана Ф. Р-2275. Оп. 1. Ед. 6. Лл. 3об., 4об., 5об., 6, 6об.; Ф. Р-86. Оп. 10. Ед. 10. Л. 214.

25. Перчук П.М. (1883 – 1967) родился в Бесарабии, где получил домашнее образование. В 1928 г. он с семьей переехал в Ташкент, где установил контакты с местными театрами и по их заказам писал музыку к спектаклям; руководил художественной самодеятельностью.

С открытием Ташкентского еврейского театра (1933 г.) он поступил туда заведующим музыкальной частью. Им написана музыка ко всем спектаклям театра. Кроме того, он писал песни, часть из которых публиковалась в газете «Комсомолец Узбекистана».

После закрытия театра Перчук помогал некоторым узбекским композиторам в оркестровке спектаклей, а в годы Второй мировой войны работал на одном из военных заводов в Ташкенте. Там он прожил до конца апреля 1966 г. и после землетрясения переехал с семьей в Кишинев, где в 1967 году умер после тяжелой болезни. (Магнитофонная запись воспоминаний Ривки Перчук (октябрь 1999 г., Беэр-Шева) – дочери композитора. Хранится в личном архиве М. Вексельмана.)

26. ЦГА Узбекистана. Ф. Р-2275. Оп. 1. Ед. 6. Лл. 4, 5, 7.

27. Штейнберг обладал хорошим голосом. После закрытия Ташкентского ГОСЕТа он был кантором Московской хоральной синагоги, где его встретила А.Г. Нисенбойм в 1948 или 1949 гг. (Магнитофонная запись воспоминаний А.Г. Нисенбойм).

28. ЦГА Узбекистана. Ф. Р-94. Оп. 5. Ед. 1877. Л. 12; Ф. Р.-2087. Оп. 3. Ед. 2. Л. 72об.

29. Магнитофонная запись воспоминаний А.Г. Нисенбойм.

30. Айзенберг Мотель Шлемович родился 23 февр. 1887 г. в г. Говарцово Радомской области в семье артистов бродячего еврейско-немецкого театра. Сценическая деятельность началась в передвижном еврейском театре Густава Шварцбарда (1906 – 1914); в 1916 – 1917 гг. работал актером в театре Клары Юнг, в 1917 – 1922 гг.– в еврейском театре драмы в Киеве; в 1923 – 1927 гг. – в труппе «Амхо» под руководством И. Анчарова; в 1928 – 1929 гг. – в передвижном еврейском драматическом театре под руководством Якова Либерта. В 1930 г. переехал в Ташкент, где работал в Краевом еврейском передвижном драматическом театре актером и режиссером. В 1932 г. стал художеств. руководителем Ташкентского еврейского рабочего дома. Был одним из организаторов Ташкентского еврейского театра в 1933 г., в котором проработал актером и режиссером до его закрытия в ноябре 1940 г. (См.: ЦГА Узбекистана. Ф. Р-2090. Оп.1. Ед. 2. Лл. 24, 25).

31. Магнитофонная запись воспоминаний А.Г. Нисенбойм; воспоминания Татьяны Табак (Фрейлехман).

32. Брин Розалия (Роза) Беньяминовна (1891 – 1963) родилась в г. Ченстохов (Польша) в семье рабочего. С 1897 по 1900 гг. училась в еврейской народной школе. В 1905 г. поступила в театральную труппу Юлиана Оскара в г. Лодзи. С 1906 по 1912 гг. работала во многих передвижных еврейских театрах в Польше (Варшаве), Париже, Лондоне, Буэнос-Айресе. Ее партнерами по сцене были известные американские еврейские актеры: Яков Адлер, Юлис Адлер, Сара Адлер, Кеслер, Файман, Клара Юнг, Мальвина Лабель. В 1912 г. вместе с труппой Юлиса Адлера она приехала из Лондона на гастроли в Варшаву и осталась там работать в театре Каминьского. После революции 1917 г. и по 1935 г. работала в различных передвижных еврейских театрах.

В 1921 г. вышла замуж за известного к тому времени еврейского артиста, руководителя театральной труппы Альберта Марковича Сигалеско, с которым работала во многих театральных коллективах до конца его жизни (1943). В 1925 г. театр Альберта Сигалеско гастролировал во многих городах и местечках Украины. В нем работал актер Альберт Стольский, который оставил «Воспоминания о еврейском театре». В них он высоко оценивает актрису Розу Брин: «Я помню эпизод из спектакля “Мадам Икс”, где она (Роза Брин – *М.В.*) исполняла главную роль, а я играл ее сына-адвоката. В сцене суда Мадам Икс, обвиненная в убий-

стве, узнает в защитнике своего сына. Адвокат, конечно же, и не подозревает, что "недостойная женщина" на скамье подсудимых – его мать. Однажды я встретился взглядом с Розой в образе Мадам Икс и увидел, как по ее щекам катятся слезы. К горлу подступил ком. Несколько мгновений я не мог вымолвить ни слова и чуть не сорвал спектакль. Такова была сила таланта Розы Брин». («Евр. камертон», 2001, 31 мая).

Сигалеско Альберт Маркович до поступления в Ташкентский ГОСЕТ имел большой стаж сценической работы во многих передвижных еврейских труппах в Украине. В 1925 – 1926 гг. он был руководителем театральной труппы, в которой играли более 30 актеров (в частности – А. Люксембург, Р. Брин, М. Лейбович, А. Стольский, Ландау, Бельцер и др.). В «Воспоминаниях» Альберт Стольский говорит о нем, как о талантливом, выдающемся еврейском актере и музыканте. В частности, он указывает: «Альберт Маркович особенно был хорош в роли Стемпеню, прекрасное исполнение которой он подчеркивал виртуозной игрой на скрипке» (Там же).

33. Магнитофонные записи воспоминаний А.Г. Нисенбойм, Татьяны Табак (Фрейлехман), а также документы из семейных архивов Льва Тимашпольского и Семена Островского. См. также: ЦГА Узбекистана. Ф. Р-2275. Оп. 1. Ед. 6 (фотоальбом Ташкентского ГОСЕТа); «Правда Востока». 1936. 10 марта; 1937. 5 марта.

34. «Правда Востока» (г. Ташкент) за 1937, 1938, 1939, 1940 гг., отдел реклам; ЦГА Узбекистана. Ф. Р-2087. Оп. 3. Ед. 2. Лл.15а, 72.

35. ЦГА Узбекистана. Ф. Р-2087. Оп. 3. Ед. 2. Лл. 15а, 72.

36. «Правда Востока», 1934. (На сохранившейся в семейном архиве Л. Тимашпольского вырезке из газеты дата отсутствует.)

37. Там же. 1935. 31 дек.

38. Там же. 1936. 10 марта.

39. Там же. 1937. 5 марта.

40. «Горьковская коммуна». 1937. 27 июня.

41. «Коммунист» (г. Астрахань). 1937. 8 – 9 июля.

42. Там же. 1937. 22 июля.

43. «Комсомольская правда» (М.). 1938. 25 янв.

44. «Правда Востока». 1938. 22 марта.

45. Там же.

46. Дальнейшая их судьба такова. Они переехали в Баку, где В. Цейтлин стал художественным руководителем Бакинского ГОСЕТа (1938 – 1939 гг.), а М. Пейсакович – актрисой. В 1939 – 1941 гг. В. Цейтлин работает директором Белостокского ГОСЕТа, а М. Пейсакович – актрисой. В 1941 – 1945 гг. В. Цейтлин участвовал в рядах Красной (Советской) Армии в войне против фашистской Германии. М. Пейсакович умерла в годы войны.

В 50-е годы Виктор Соломонович Цейтлин – театровед, известный также своими статьями о театральном искусстве – работал директором и художественным руководителем Томской филармонии. Как отмечал Иосиф Колин в «Записках еврейского актера», он «был одним из лучших директоров филармоний в нашей стране». В начале 90-х гг. он работал главным режиссером на студии телевидения в Томске. (См.: КЕЭ. Т. 8. Стб. 809, 810; «Сиди Таль в воспоминаниях...». С. 237; «Евр. камертон». 1999. 2 апр.)

47. ЦГА Узбекистана. Ф. Р-2087. Оп. 1. Ед. 25б. Л. 58.

48. Магнитофонная запись воспоминаний А.Г. Нисенбойм.

49. «Правда Востока». 1938. 15 апр.

50. Подлинник программы спектакля «Тевье дер Милхикер» («Тевье-молочник») хранится в семейном архиве Л. Тимашпольского.

51. «Правда Востока». 1939. 28 февр. Рецензия сохранилась в виде машинописной заверенной выписки из газеты в личном деле персональной пенсионерки Р. Брин.

– См. ЦГА Узбекистана. Ф. Р-96. Оп. 4. Ед. 282. Л. 22.

52. Рецензия сохранилась в виде вырезки из газеты «Правда Востока» (дек. 1939 г.). К сожалению, конец вырезки оторван, отсутствует дата и № газеты, автор рецензии, датируется по содержанию. Хранилась в семейном архиве Л. Тимашпольского, ныне передана на хранение в архив автора книги.

– См. также ЦГА Узбекистана. Ф. Р-96. Оп. 4. Ед. 282. Л. 23об.

53. Характеристика заслуженного деятеля искусств УзССР Ф.А. Ковалева на артистку Ташкентского ГОСЕТа А. Томину, датированная 5.01.1957 г., и «Справка» ведущих артистов Ташкентского государст-

венного рус. драматического театра им. М. Горького. (Подлинники обоих документов хранятся в семейном архиве Л. Тимашпольского.)

54. Подлинник «Почетной грамоты» хранится в семейном архиве Л. Тимашпольского

55. ЦГА Узбекистана. Ф. Р-2090. Оп. 1, Ед. 2. Л. 40; Ф. Р-96. Оп.4. Ед. 282. Л. 12. Воспоминания Ривки Перчук, Анны Нисенбойм, Цили Скибитянской (Фрейлехман), Жени Волк (Фрейлехман), Татьяны Табак; хранятся в личном архиве М. Вексельмана.

56. Там же. Ф. Р-96. Оп. 1.Ед. 282. Л. 23об.

57. Там же. Ф. 2275. Оп.1. Ед. 6. Лл. 3об, 5об, 7об, 9об; фотографии из семейных архивов дочерей артистов Фрейлехман и Семена Островского; программа спектакля «Тевье-молочник».

58. Из письма Татьяны Табак (Нью-Йорк, 10 дек. 1999 г.) и воспоминаний Евгении Борисовны Волк (Беэр-Шева, дек. 1999 г.).

59. ЦГА Узбекистана. Ф. Р-94. Оп. 4. Ед. 1877. Лл. 12 – 14.

60. Из воспоминаний А.Г. Нисенбойм (Буракевич).

61. Дата ликвидации театра – 10 окт. 1940 г. – установлена на основании постановления СНК УзССР № 1395 от 7 окт. 1940 г. (см.: Гитлин С. Национальные меньшинства в Узбекистане. Кн. 1: Евреи в Узбекистане. Т. 1. Тель-Авив, 2004. С. 411, 412). Фактически, театр прекратил существование в ноябре 1940 г. (см.: «Годовой отчет театра за 1940 г.» // ЦГА Узбекистана. Ф. Р-2087. Оп. 3. Ед. 2. Л. 72об.). В литературе указывались неверные даты деятельности и закрытия Ташкентского ГОСЕТа. Так, в КЕЭ говорится, что Ташкентский еврейский театр работал в 1933 – 1939 гг. (Т. 8. Стб. 809); А.А. Клебань и Д. Ниязов в рукописи своей книги «Очерки из истории евреев в Узбекистане» (1971. С. 44) писали, что Ташкентский еврейский театр в 1941 – 1945 гг. влился в Одесско-Харьковский ГОСЕТ, что не соответствует действительности (См. гл. «Одесско-Харьковский ГОСЕТ» в наст. издании).

62. См.: Магнитофонные записи воспоминаний Евгении Волк и Цили Скибитянской.

63. Из воспоминаний Исаака Мазура – сына артиста Абрама Мазура (магнитофонные записи воспоминаний хранятся в личном архиве М. Вексельмана).

64. Магнитофонные записи воспоминаний Евгении Волк и Фаины Буршкин (Хармац); «Евр. камертон». 1999. 30 сент.

65. Данные факты были установлены на основании Постановления Совета Народных Комиссаров УзССР № 868 от 12 июня 1943 г. и «Воспоминаний о еврейском театре» А. Стольского.

– ЦГА Узбекистана. Ф. Р-96. Оп. 10. Ед. 282. Л. 12; «Евр. камертон». 2001. 7 июня.

66. ЦГА Там же. Ед.282. Лл. 23, 23об.

67. Магнитофонная запись воспоминаний Л. Тимашпольского (Хайфа, дек. 1999; хранится в личном архиве М. Вексельмана).

68. ЦГА Узбекистана. Ф. Р-2090. Оп. 1. Д. 2. Лл. 21, 22об, 24об.

69. Магнитофонная запись воспоминаний С.Е. Островского (хранится в личном архиве М. Вексельмана).

РАЗДЕЛ ВТОРОЙ
Еврейское театральное искусство в Узбекистане в годы Отечественной войны и первые послевоенные годы (1941 – 1947 гг.)

1. ЦГА Узбекистана. Ф. Р-2087. Оп. 3. Ед. 7. Л. 312.

Московский ГОСЕТ. С.М. Михоэлс в Ташкенте

2. Котлярова М.Е. Воспоминания. С. 32, 33.

3. Вовси-Михоэлс Н.С. Воспоминания. Рукопись хранится в архиве Центра изучения диаспоры им. Горен-Гольдштейна (Тель-Авив). Ф. Р-51. Личный фонд М.И. Гольдблата. Оп.1. Ед. 50. Лл. 3-5.

4. Гейзер М. Соломон Михоэлс. С. 161.

5. Котлярова М.Е. Указ. соч. С. 33.

6. Дейч Ал. Четверть века. С. 427.

7. Магнитофонная запись воспоминаний Э.М. Безверхней (Реховот, Кирьят-Моше, 4.02.2000; хранится в личном архиве М. Вексельмана).

8. Котлярова М.Е. Указ. соч. С. 34; магнитофонная запись воспоминаний М.Р. Рахманова (Ташкент, 23.03.2002; хранится в личном архиве М. Вексельмана); магнитофонная запись воспоминаний Э.М. Безверхней.

9. Котлярова М.Е. Указ. соч. С. 34.

10. Магнитофонная запись воспоминаний Э.Л. Ковенской (Яффо, 2001, хранится в личном архиве М. Вексельмана).

11. М. Гейзер ошибочно указывает, что «в конце 1942 года Михоэлс приехал в Самарканд…». См.: Гейзер М. Соломон Михоэлс. С. 162; Он же. Михоэлс. С. 225. Весь 1942 г. Московский ГОСЕТ уже гастролировал в Ташкенте. – См.: Макс Вексельман. «"Тевье-молочник" с узбекским акцентом: Ташкентский период в творчестве Соломона Михоэлса» // «Калейдоскоп». 1994. 29 дек.

12 Список артистов труппы Московского ГОСЕТа составлен со слов Эльши Моисеевны Безверхней 4 февр. 1994 г.

13. Тышлер А. Я вижу Михоэлса. С. 416.

14. Магнитофонная запись воспоминаний Э.М. Безверхней.

15. Магнитофонная запись воспоминаний Э.Л. Ковенской.

16. «Правда Востока». 1942. 13 янв.

17. Там же. 1942. 18 янв.

18. См.: Программа спектакля «Тевье-молочник». – Хранится в Театральном музее и архиве им. И. Гура (Иерусалим, Еврейский университет).

19. В последующие месяцы (май-сентябрь 1942 года) Московский ГОСЕТ показывал ташкентским зрителям 5 своих постановок: «Тевье-молочник», «Цвей кунилемлех», «Блуждающие звезды», «Суламифь» и «Король Лир». В библиотеках Ташкента сохранились неполные комплекты газеты за 1942 г., поэтому не выявлена реклама многих спектаклей Московского ГОСЕТа, показанных в Ташкенте в период октября-декабря 1942 г. (См.: «Правда Востока» за февр. – сент. 1942 г., рубрика «Театральные рекламы»)

20. Тышлер А. Я вижу Михоэлса. С. 416 – 417.

21. Журн. «Звезда Востока» (Ташкент). 1967. № 3. С. 205.

22. Потоцкая-Михоэлс А. О Михоэлсе богатом и старшем. С. 406.

23. «Правда Востока». 1942. 17 мая.

24. Зускина-Перельман А. Путешествие Вениамина. С. 233, 234; «Правда Востока», 1943. 21 февр., 13 марта.

25. Театральный музей и архив им. И. Гура (Иерусалим). Архив семьи Соломона Михоэлса, отдел рукописей, папка «Рабочие записи Михоэлса. Ташкент (1942 – 1943)». С. 2.

26. Там же. Папка «Блокнот с рабочими и дневниковыми записями Михоэлса». С. 2.

27. «Правда Востока». 1943. 1 янв., 7 янв., 11 февр., 20 февр., 21 февр., 28 февр., 10 марта, 19 марта, 24 марта, 31 марта, 1 мая.

28. Подробнее о спектакле «Заколдованный портной» см.: Зускина-Перельман А. Путешествие Вениамина. С. 236, 237.

29. Театральный музей и архив им. И. Гура (Иерусалим). Архив семьи Михоэлса. Отдел рукописей. Папка «Рабочие записи Михоэлса. Ташкент (1942 – 1943)». С. 2.

30. Там же, папка «Блокнот с рабочими и дневниковыми записями Михоэлса». С. 2.

31. «Правда Востока». 1943. 7 сент.

32. Там же. 1943. 23 июля.

33. Центральный архив истории еврейского народа (Иерусалим). Ф. 166. Личный фонд С.М. Михоэлса. Папка «ב». С. 14. (Речь идет о первом варианте спектакля «Фрейлехс».)

После возвращения С.М. Михоэлса в Москву из поездки по Америке, Мексике, Канаде и Англии в конце 1943 г. он начал готовить новый спектакль «Фрейлехс» З. Шнеера (Окуня). Оформлял спектакль художник А. Тышлер, музыку написал композитор Л. Пульвер. 23 июля 1945 г. спектакль был показан московскому зрителю, а 5 июня 1946 г. спектаклю была присуждена Государственная премия.

34. См.: Театральный музей и архив им. И. Гура (Иерусалим). Архив семьи Михоэлса. Отдел рукописей. Папка «Блокнот с рабочими и дневниковыми записями Михоэлса». Лл. 2, 3.

35. Центральный архив истории еврейского народа (Иерусалим). Ф. 166. Личный фонд С.М. Михоэлса, папка «ב». С. 14.

36. См.: Театральный музей и архив им. И. Гура (Иерусалим). Архив семьи Михоэлса. Раздел «Программы спектаклей».

37. Магнитофонная запись воспоминаний Этель Ковенской (Яффо, 2000). Этл (Этель) Ковенская поступила в театральную студию при Московском ГОСЕТе в 1940 г. в возрасте 15 лет. Вскоре, будучи еще на 1-м курсе, она получила роль Рейзеле в «Блуждающих звездах». Играла на сцене ГОСЕТа до его закрытия в ноябре 1949 г. После этого режиссер Юрий Завадский пригласил Ковенскую в Театр им. Моссовета и дал ей роль Дездемоны в спектакле «Отелло». В этом театре она играла до 1972 г. – до своего переезда в Израиль. 15 лет проработала Ковенская в театре «Габима», а затем, со дня основания в Тель-Авиве театра «Идишпил», вошла в его труппу. В Израиле актриса известна также как певица на идиш, иврите и русском языках. 25 июня 2002 г. ей была присуждена премия имени Давида Гофштейна за 2002 г. (См.: «Актриса еврейского театра» (интервью с Ю. Аптером) //«Новости недели». 1993. 7 мая; Алмазова И. Три сцены Этель Ковенской //«7 дней» (приложение к газете «Новости недели»). 1999. 9 июля; Рейдлер Я. Праздник в «Бейт Лейвике» //«Евр. камертон». 2002. 27 июня; Красильщиков А. Очарование таланта Этель Ковенской //«Семь дней». 2002. 8 авг.)

38. Магнитофонная запись воспоминаний С.М. Векслера (Офаким, апр. 1998 г.; хранится в личном архиве М. Вексельмана).

39. Архив Центра изучения диаспоры им. Горен-Гольдштейна (Тель-Авив). Ф. Р-51. Ед. 50. Л. 18.

40. Дейч Ал. Четверть века. С. 428.

41. Приказ № 49 по Узбекскому государственному театру оперы и балета от 21 апр. 1942 г. – См.: Архив театра, а также магнитофонную запись воспоминаний бывшего начальника отдела кадров Управления по делам искусств при СНК Узб.ССР М.Р. Рахманова (Ташкент, март 2002; хранится в личном архиве М. Вексельмана).

42. Театральный музей и архив им. И. Гура (Иерусалим). Архив семьи Михоэлса. Отдел рукописей. Папка «Рабочие записи Михоэлса. Ташкент (1942 – 1943)». Лл. 6, 8, 9, 10, 13, 20 и другие.

43. РГАЛИ. Ф. 2693. Оп. 1. Ед. 196. Лл. 3, 4.

44. Архив Узбекского академического театра оперы и балета им. А. Навои. Протокол заседания Художеств. совета театра от 23 июня 1942 г.

45. РГАЛИ. Ф. 2693. Оп. 1. Ед. 196. Л. 4.

46. Театральный музей и архив им. И. Гура (Иерусалим). Архив семьи Михоэлса. Папка «Блокнот с рабочими и дневниковыми записями». С. 4.

47. РГАЛИ. Ф. 2693. Оп.1. Ед. 196. Л. 5; архив Узбекского академического театра оперы и балета им. А.Навои. Ед. 49. Лл. 81, 143; Театральный музей и архив им. И. Гура (Иерусалим). Архив семьи Михоэлса. Папка «Блокнот с рабочими и дневниковыми записями». С. 5.

48. Архив Узбекского театра оперы и балета... Ед. 49. Л. 72.

49. Там же. Л. 71.

50. Дейч Ал. Четверть века. С. 429.

51. Магнитофонная запись беседы с Саррой Ишантураевой (Ташкент, май 1994; хранится в личном архиве М. Вексельмана).

52. Магнитофонная запись беседы с дочерью нар. арт. СССР Ш. Бурханова – Шадией (Ташкент, март 2002; хранится в личном архиве М. Вексельмана).

53. «Правда Востока». 1943. 22 авг.

54. Там же. 1943. 12 сент.

55. Дейч Ал. Четверть века. С. 429.

56. См.: «Боевые огни рампы» // «Звезда Востока». 1975. № 5.

57. Идея этой комической сценки возникла у С. Михоэлса еще до приезда в Ташкент. Когда он по пути в Ташкент, во время эвакуации, остановился в Куйбышеве, то посетил квартиру И. Козловского. Как вспоминал позднее Козловский, «в войну в Куйбышеве, у меня на квартире, в обществе Толстого, Шостаковича, Альтшулера, он был грустен, трагичен – и это звучало в его песнях. Но тут же он блистательно изображал с Алексеем Толстым мимическую сценку двух плотников – конечно, под соответствующую музыку и при нашем старательном участии. Позже, в Ташкенте, они выступали с этим номером в открытом концерте перед многотысячной аудиторией и потрясли своим юмором» (См.: Козловский И. О друге. С. 442).

58. «Правда Востока». 1943. 12 сент.

Первое упоминание об этом вечере-концерте мы находим в публикации Н. Пушкарской («Звезда Востока». 1967. № 3), но в ней не указа-

ны фамилии артистов, участвующих в концерте, а также неправильно указана дата этого концерта – июнь 1942 г. Примерно эту дату (лето 1942 г.) указывает в своих воспоминаниях и А. Потоцкая-Михоэлс (см.: «О Михоэлсе богатом и старшем». С. 469 – 470).

59. По воспоминаниям Эстер Маркиш (вдовы писателя Переца Маркиша) организаторами благотворительной лотереи была жена боевого генерала Сергея Трофименко – Ирина, Эстер Маркиш, Л.И. Толстая и другие жены писателей. В частности, она пишет: «Однажды авторитет боевого генерала Трофименко даже помог его жене добиться от правительства Узбекистана помощи "литературным женам" в виде выделения призов для нашей благотворительной лотереи. Сборы от лотереи должны были поступить в фонд помощи детям солдат и офицеров, воюющих на фронте. Лотерея была после указанного концерта». – См.: «Пускай стыдится вечность, или Встречи с Михоэлсом!» (отрывок из новой книги воспоминаний Эстер Маркиш «Отражение света») // «Калейдоскоп». 2002. 7 февр.; Потоцкая-Михоэлс А. О Михоэлсе богатом и старшем. С. 469 – 470.

60. Потоцкая-Михоэлс А. О Михоэлсе богатом и старшем. С. 469 – 470.

61. См.: «Правда Востока». 1942. 20 апр., 29 апр., 16 авг., 22 авг.

62. См.: Приказ № 764 Управления по делам искусств при СНК УзССР от 5 дек. 1942 г. (См.: ЦГА Узбекистана. Ф. Р-2366. Оп. 2. Ед. 14. Л. 3).

63. См.: Отчет Узгосфилармонии за 1942 г. (ЦГА Узбекистана, Ф. Р-2366. Оп. 1. Ед. 31, Л. 40об.)

64. См.: Вовси-Михоэлс Н. Из воспоминаний // «Соломон Михоэлс. Исследования, архивы, библиография. М., 1999. С. 12-13; Потоцкая-Михоэлс А. О Михоэлсе богатом и старшем. С. 457.

65. См.: Дейч Ал. Четверть века. С. 429.

66. Вовси Н.С. Воспоминания. (См.: архив Центра изучения диаспоры им. Горен-Гольдштейна. Ф. Р-51. Ед. 50. Л. 19.)

67. Там же. С. 20-21

68. Город Чирчик находится в 40 км от Ташкента, недалеко от отрогов Тянь-Шаня – Чимганских гор.

69. Дейч Ал. Четверть века. С. 429.

70. По воспоминаниям Н.С. Вовси-Михоэлс: «Из Ташкента папа вылетел в конце апреля 1943 г. Мы, конечно, поехали его провожать. Наконец, добрались до места, которое носило громкое название – аэродром. На самом деле, это было поле, поросшее цветами и травой, на котором стоял один-единственный самолет. Самолет оказался десантный, который, за неимением пассажирского, вылетел за папой…» (Вовси-Михоэлс Н.С. Воспоминания // Архив Центра изучения диаспоры им. Горен-Гольдштейна. Ф. Р-51. Ед. 50. Лл. 23, 24).

71. Композитор Мухтар Ашрафи – режиссер и драматург – был в то время зам. художественного руководителя Узбекского театра оперы и балета; М.М. Уйгур – художественный руководитель Узбекского театра драмы им. Хамзы, сопостановщик пьесы «Муканна» в этом театре; Левин – секретарь Художественного совета Узбекского театра оперы и балета; Нишан-Ходжаев – представитель дирекции Узбекского театра оперы и балета.

72. Письмо не датировано. Очевидно, написано в апреле 1943 г. (Цитируется по машинописной копии, хранящейся в Центральном архиве истории еврейского народа (Иерусалим). Ф. № 166 – Личный фонд С.М. Михоэлса. Папка «ב».)

73. См.: «Правда Востока». 1943. 27 авг. и 17 сент.

74. Беленький Моисей Соломонович (1910 – 1996). В 1930 – 38 гг. преподавал философию на еврейском отделении Коммунистического ун-та Запада, был гл. ред. изд-ва «Дер Эмес». С 1930 г. начал преподавать философию в театральном училище Московского ГОСЕТа, а с 1932 г. был назначен его директором. В 1949 г. был арестован по делу Еврейского антифашистского комитета и приговорен к 10 годам заключения. Был освобожден в 1954 г. и реабилитирован. С 1956 по 1973 гг. работал заведующим кафедрой философии в Щукинском театральном училище. Читал лекции по философии в МГУ и по линии общества «Знание». В те же годы был консультантом по выпуску литературы на еврейскую тематику в изд-ве «Сов. писатель». Доктор философских наук, профессор. Автор 13 книг по истории философии, иудаизму и литературоведению. 24 сент. 1990 г. репатриировался в Израиль, где продолжил научную работу и выпустил книгу «Философия Маймонида» (1993).

– См.: Вексельман М. Подвижник Моисей Беленький // «Евр. камертон». 2005. 14 июля.

75. См.: Гейзер М. Михоэлс. С. 311, 312, 316; «Вечерняя Москва». 1943. 6 окт.

1. См.: Нугер Я. Помнить обязаны // «Евр. камертон». 1995. 17 марта; Она же. Мой отец – Абрам Нугер // «Евр. камертон». 1996. 16 февр.; Лоев М. Они живут в Нью-Йорке // «Евр. камертон», 1997. 17 янв.; Ильицкий Р. Страницы из истории Киевского ГОСЕТа // «Калейдоскоп», 1995. Июль; Эскин Б. Великий катеринщик // «Евр. камертон». 2001. 22 марта.

2. Лойтер Эфраим Борухович (1889 – 1963) – еврейский режиссер, театральный деятель, педагог. В 1925 – 1928 гг. – художеств. руководитель и гл. режиссер ГОСЕТа УССР (Харьков). С 1929 по 1935 гг. преподавал в театральной студии при Московском ГОСЕТе, а в 1933 – 1935 гг. преподавал также и в учебно-театральном комбинате в Москве (с 1935 – это Гос. институт театрального искусства им. А. Луначарского). В 1935 – 1941 гг. – художеств. руководитель Одесского ГОСЕТа. В годы Отечественной войны находился в эвакуации в Ташкенте, где был режиссером-постановщиком спектаклей в Узбекистане. В частности, он поставил спектакль «Хамза» Х. Алимджана в Московском ГОСЕТе (1943). Был членом Художеств. совета в Узбекском театре оперы и балета. В 1943 г. указом Президиума Верховного Совета УзССР ему было присвоено звание «Засл. артист УзССР». В 1945 – 1947 гг. – режиссер-постановщик в Одесско-Харьковском ГОСЕТе. Им были поставлены спектакли «Блуждающие звезды», «Фрейлехс», «Восстание в гетто», «Близкое – далекое» И.М. Барашко. С янв. по дек. 1947 г. – художеств. руководитель Одесско-Харьковского ГОСЕТа (Ташкент). В 1948 – 1949 гг. – художеств. руководитель Одесского передвижного еврейского театра. (См.: КЕЭ. 1988. Т. 4. Стб. 949, 950; ЦГА Узбекистана, Ф. Р-2050. Оп. 1. Ед. 7. Лл.12, 12об.; Ед. 3. Лл. 2, 2об., 22).

3. Норвид Морис Александрович (1895, Варшава – 1975(?). Ленинград) – театральный режиссер. Учился в еврейской школе. С 1920 по 1925 гг. был слушателем Театральной студии и артистом Московского ГОСЕТа. В 1925 – 26 гг. – артист и режиссер в передвижном еврейском театре в Белоруссии. В 1927 г. – руководитель театральной студии в Одессе. В 1927 – 30 гг. – режиссер, художеств. руководитель Украинского (Харьковского) ГОСЕТа. В 1934 – 36 гг. – режиссер Харьковского ГОСЕТа, а затем, до 1938 г., – режиссер Киевского еврейского ТЮЗа. В 1938 – 39 гг. – художеств. руководитель Ташкентского ГОСЕТа, а с октября 1939 г. по июль 1941 гг. – художеств. руководитель Белостокского

ГОСЕТа. С осени 1941 г. по 1950 гг. – режиссер русского Иркутского драматического театра, а с 1950 по 1974 (?) гг. – режиссер Ленинградского областного русского драмтеатра. (См.: Лоев М. Украденная муза. С. 21, 24, 25, 43; ЦГА Узбекистана. Ф. Р-86. Оп. 10. Ед. 10. Л. 214; Из разговора с С. Островским – сыном актера Х. Островского. 7 марта 2005 г.)

4. Лойтер Нахум Борисович (1891 – 1966) – режиссер. В 1930 г. был режиссером-постановщиком и художеств. руководителем ГОСЕТа УССР (Харьков). В 1937 – ноябре 1939 гг. – художеств. руководитель Киевского ГОСЕТа. (См.: КЕЭ. Т. 4. Стб. 950)

5. Гольдблат (Чеботарь) Моисей (Моше) Исаакович (1896 – 1974) родился в местечке Герц Черновицкой области в семье кустаря Исаака Чеботаря. В 1918 г. начал играть в еврейском передвижном театре на Украине. В 1922 г. поступил в театральную студию (впоследствии Высшее театральное училище при Московском ГОСЕТе), которую окончил в 1924 г. Еще учась в студии, он в 1923 г. был зачислен в актерский состав Московского ГОСЕТа. Именно тогда он сыграл свою первую серьезную роль под артистическим именем Гольдблат.

В Московском ГОСЕТе Моисей Гольдблат создал множество интересных образов, вел в театральной студии курс «Сценическая речь». В 1930 г. состоялся его режиссерский дебют в театре, когда он поставил одноактный спектакль «Летун» по пьесе П. Маркиша. В 1931 г. М.И. Гольдблат был одним из основателей Гос. цыганского театра «Ромэн», художеств. руководителем которого был до 1936 гг. В том же году он, совместно с К. Шнайдером, поставил художественный кинофильм «Последний табор». В 1937 – 1938 гг. Гольдблат руководил Биробиджанским ГОСЕТом, где им был поставлен спектакль «Уриэль Акоста» К. Гуцкова, «Менчн» («Люди») и «Тевье-молочник» Шолом-Алейхема (оба – в 1937 г.). С ноября 1939 г. по июнь 1941 г. – художеств. руководитель Киевского ГОСЕТа. С началом войны Гольдблат эвакуировался в Алма-Ату, где возглавил Казахский драматический театр, которым руководил в 1941 – 1944 и 1951 – 1959 гг. Одновременно, в 1942 – 1944 гг., руководил Киевским ГОСЕТом, находившимся в те годы в Джамбуле, Коканде и Фергане. С февр. 1945 по февр. 1950 гг. – художеств. руководитель Киевского (Черновицкого) ГОСЕТа. С 1960 г. работал режиссером Рижского русского драматического театра и режиссером-постановщиком в русских драматических театрах Красноярска, Одессы,

Симферополя, Севастополя, Львова и Черновцов. Деятельность М.И. Гольдблата была отмечена присвоением ему звания засл. арт. РСФСР (1935), нар. арт. Казах.ССР (1943), заслуженного деятеля искусств УССР (1945).

В 1972 г. репатриировался в Израиль (Хайфа), где написал капитальный литературно-исторический труд «Рождение и гибель еврейской театральной культуры в Советском Союзе» (рукопись на идиш хранится в архиве Центра изучения диаспоры им. Горен-Гольдштейна). (См.: архив Центра изучения диаспоры им. Горен-Гольдштейна. Ф. Р-51. Личный фонд М.И. Гольдблата; М.И. Вексельман. Звезда еврейского театра // «Евр. камертон». 2002. 7 февр.)

6. После закрытия Киевского ГОСЕТа 28 февр. 1950 г. Абрам (Аркадий) Нугер отправился во Львовский театр оперетты, но там он, как еврейский актер, оказался не нужным и вернулся в Черновцы. Нугер является автором драматической баллады «Сердце матери», посвященной трагедии Бабьего Яра, которую много лет исполняла Сиди Таль, а также баллады «Скрипач на крыше», написанной в память о Соломоне Михоэлсе и напечатанной в газете «Биробиджанер Штерн». В 1991 г., в возрасте 94-х лет, А. Нугер вместе с семьей приехал в Израиль и поселился в Нацрат-Илите. Здесь он смог снова выйти на сцену с небольшими отрывками из пьес «Колдунья» и «Скупой». 26 янв. 1994 г. Абрам Нугер умер. (См. о нем: Примеч. 1 этого раздела, а также магнитофонную запись беседы с Яной Нугер, хранящуюся в личном архиве М. Вексельмана.)

7. После закрытия Киевского ГОСЕТа Шева Фингерова поступила во Львовский театр оперетты (впоследствии он переехал в Одессу и стал называться Одесским театром оперетты), в котором проработала до пенсии. Она создала там роли комедийных характерных старух. В 1991 г. репатриировалась с семьей в Израиль (Нацрат-Илит). Умерла в 1996 г. (Магнитофонная запись беседы с Яной Нугер.)

8. Сонц Ада Ефимовна (1897 – 1968). В 1936 – 1937 гг. и с 1950 г., когда были закрыты все еврейские театры в СССР, работала в Днепропетровском русском драматическом театре, где ею были созданы образы Соньки в пьесе «Аристократы» Н. Погодина, Порции в «Венецианском купце» В. Шекспира. В 1945 г. удостоена звания «Засл. деятель искусств УССР». (См.: КЕЭ. 1996. Т. 8. Стб. 429 – 430.)

9. После закрытия Киевского ГОСЕТа Соня Пемова перешла на работу в Черновицкий украинский театр, где была самой «старой» танцовщицей в балетной труппе театра. Существенную роль в ее дальнейшей театральной деятельности сыграла учеба в детстве в балетной школе. В спектакле «Вий» она играла Чёртика. Директор театра Равин всегда ставил ее в пример более молодым артистам балета. В этом театре она проработала до 1958 г., а затем ушла на пенсию как артистка травести. В 1991 г. она репатриировалась в Израиль и живет ныне в Иерусалиме. (Из магнитофонной записи беседы с Соней Пемовой, хранящейся в личном архиве М. Вексельмана.)

10. В 1950 – 1967 гг. Семен Бидер играл в Харьковском русском драматическом театре им. А.С. Пушкина. В 1981 г. он умер в Харькове.

Роза Грин после закрытия Киевского ГОСЕТа в 1950 г. нигде более не работала. В августе 1994 г. она репатриировалась в Израиль и жила в Иерусалиме, где умерла 27 марта 2000 г. (Из магнитофонной записи беседы с Леной Бидер, хранящейся в личном архиве М. Вексельмана.)

11. Лоев М. Они живут в Нью-Йорке // «Евр. камертон». 1997. 17 янв.

12. Там же.

13. См.: Архив Центра изучения диаспоры им. Горен-Гольдштейн (Тель-Авив). Ф. Р-51. Лл.10-10 об.

14. См.: «Рекламный проспект Киевского ГОСЕТа» (подлинник хранится в семейном архиве Я. Нугер), а также магнитофонные записи бесед с С. Пемовой, Л. Бидер, Я. Нугер; Ильицкий Р. Страницы из истории Киевского ГОСЕТа // «Калейдоскоп», 1995. Июль.

15. Спекторов Григорий Израилевич (1894 – 1948) – старейший еврейский актер, режиссер и театральный организатор. Свою театральную деятельность начал как актер и режиссер оперетты. Весной 1928 г. был директором труппы еврейской оперетты, выступавшей в Чернигове. В 1930 г. – директор Государственного передвижного еврейского театра Украины с базой в Кривом Роге. С 1939 г. – директор Киевского ГОСЕТа. (См.: Копельман С. Сыновьим сердцем. С. 18)

16. В «Списке театральных коллективов, учебных заведений, прибывших в Узбекистан» (в конце 1941 г. – *М.В.*) значится группа артистов Киевского ГОСЕТа в 10 человек. Кроме двух упомянутых лиц, в

эту группу входила Соня Лейман. По прибытии в Ташкент она поступила в труппу Клары Юнг, в которой проработала до 1944 г., после чего была направлена в Марийскую АССР организовывать самодеятельность на военном заводе, где проработала до конца войны. В 1945 г. С. Лейман переехала в Черновцы, где вновь поступила в Киевский ГОСЕТ. После закрытия ГОСЕТа она была зачислена в Черновицкий украинский театр, где проработала несколько лет, но была вытеснена из него украинскими антисемитами – руководителями областной партийной организации и театра. (См.: ЦГА Узбекистана. Ф. 2087. Оп. 3. Ед. 7. Л. 312; магнитофонная запись воспоминаний А. Каршенбаума, сына С. Лейман (Ашкелон, январь 2003, хранится в личном архиве М. Вексельмана).

17. Ксерокопия «Списки ведущих работников Киевского ГОСЕТа, эвакуированных в 1941 г., с указанием места их нахождения» (на укр. языке, перевод мой – *М.В.*). Подлинник находится в коллекции Театрального музея и архива им. И. Гура (Иерусалим).

18. Лоев М. Они живут в Нью-Йорке // «Евр. камертон». 1997. 17 янв.; магнитофонные записи бесед с Я. Нугер и Е. Бидер.

19. Жаботинский Д. Воспоминания, факты, образы: Страницы жизни еврейского актера. (Рукопись на идиш.) – Хранится в личном архиве Яны Нугер.

20. Подлинник этого письма хранится в архиве Сони Пемовой.

21. «Программа» спектакля «Доня» Л. Резника, отпечатанная в областной типографии г. Джамбула 15.07.1942 г.; хранится в семейном архиве Я. Нугер (Нацрат-Илит).

22. Заметка «Новые постановки Киевского ГОСЕТа» в газете «Казахстанская правда», 17 авг. 1943 г.; хранится в Театральном музее и архиве им. И. Гура (Иерусалим).

23. Магнитофонная запись беседы с Я. Нугер.

24. Магнитофонная запись беседы с Я. Нугер и воспоминания дочери актрисы Сони Пемовой – Виктории (хранятся в личном архиве М. Вексельмана).

25. См.: Лоев М. Украденная муза. С. 113.

26. Яцовская Раиса Яковлевна (1912(?) – 1943) родилась в семье владельца кинотеатра в Каунасе. В конце 20-х годов была ведущей ар-

тисткой еврейского театра «Фрайкунст» (Москва). Вместе с театром в конце 1929 г. переехала в Киев и стала артисткой Киевского ГОСЕТа. Играла там ведущие роли во многих спектаклях: одну из сестер в спектакле «Сестры», в «На дне» М. Горького, в «Норе» Ибсена, в «Госте с того света» А. Губермана. Летом 1943 г. заболела брюшным тифом и умерла. Похоронена в Джамбуле. [См.: Письмо Леи Яцовской (Вильнюс) к М. Вексельману от 2 окт. 2002 г.; Топоровский Я. «В начале было тело»; он же «14-й рассказ» // «Окна» (приложение к газете «Вести»). 2003. 13 февр. и 13 марта; Лоев М. Украденная муза. С. 50, 62, 71, 111, 114]

27. Магнитофонная запись беседы с артистом Киевского ГОСЕТа Изяславлем Рубинчиком (2000, Тель-Авив; хранится в личном архиве М. Вексельмана).

28. Лоев М. Украденная муза. С. 111, 115, 116.

29. Архив Центра изучения диаспоры им. Горен-Гольдштейн. Ф. Р-51. Личный фонд М.И. Гольдблата. Оп.1. Ед.1.

Харьковский, Одесский, Одесско-Харьковский, Белостокский и Львовский ГОСЕТы в Узбекистане (1942 – 1947 гг.)

Харьковский ГОСЕТ

1. Люксембург Анатолий Израилевич (1871 – 1962) родился в г. Владимир-Волынский в семье служащего. В 1917 г. начал работать в еврейских театральных коллективах. В 1922 – 1928 гг. – директор театра «Кунст-винкл» (Киев). В 1925 – 1926 гг. – актер еврейской театральной труппы Альберта Сигалеско, гастролировавшей в Киеве. С 1929 по 1941 гг. – директор еврейского театра «Гезкульт» (с 1934 г. – Харьковский ГОСЕТ). В 1942 – 1944 гг. – заместитель директора Харьковского ГОСЕТа (Самарканд), в 1945 – 1947 гг. – заместитель директора Одесско-Харьковского ГОСЕТа (Самарканд-Ташкент). В 1948 – 1949 гг. – директор Львовского еврейского театрализованного ансамбля. В 1951 – 1962 гг. – зам. директора Закарпатского русского драматического театра (Мукачево). (См.: КЕЭ. 1996. Т. 8. Стб. 807 – 809; ЦГА Узбекистана. Ф. Р-2090. Оп. 1, Ед. 2, Л. 167; Стольский А. Воспоминания о еврейском театре // «Евр. камертон». 2001. 29 мая.)

2. «Гезкульт» – Общество содействия развитию еврейской пролетарской культуры. Театр «Гезкульт» – Всеукраинский еврейский художественный театр малых форм, организованный при одноименном обществе.

3. Руфина Ревекка Гдальевна (1903 – 1992) родилась в Киеве. В 1917 г. стала работать на сцене еврейских театров. В 1921 г. была принята в театральную студию Культур-лиги (Киев) под руководством Э.Б. Лойтера. В 1922 – 1925, 1928 – 1929 гг. – актриса театра «Кунст-винкл» (Киев), в 1925 – 1926 гг. – актриса труппы Рудольфа Заславского. С 1929 по 1944 гг. – актриса театра «Гезкульт» (позже – Харьковский ГОСЕТ), в 1945 – 1947 гг. – актриса Одесско-Харьковского ГОСЕТа (Самарканд-Ташкент). В 1948 – 1949 гг. – актриса Львовского еврейского театрального ансамбля, в 1949 – 1950 гг. – актриса и режиссер-постановщик Киевского ГОСЕТа им. Шолом-Алейхема, в 1951 – 1962 гг. – артистка Закарпатского русского драматического театра (Мукачево), в котором она сыграла ок. 40 ролей. (См.: ЦГА Узбекистана. Ф. Р-2090. Оп. 1. Ед. 2. Л. 19; Лямпе Г.М., Лямпе М.Г. Воспоминания // «Шорашим» (Бруклин, США). 1991. 14 мая; Лямпе Гр.. Эстафета таланта // Журн. «Алеф». 1993 июнь. № 482. С. 25; Вексельман М. Ревекка Руфина – актриса, нарушившая традиции евр. театра // Форвертс. 2004. 19-25 нояб.; Он же. Ревекка Руфина – звезда еврейского театра // Евр. камертон. 2005. 14 апр.)

4. Вайнберг Софа Шлемовна (1895-?) родилась в Варшаве в семье учителя. В 1917 – 1920 гг. – актриса еврейского театра в Варшаве. В 1920 – 1923 гг. – актриса фронтовой труппы Красной Армии. В 1924 – 1930 гг. – актриса передвижного еврейского театрального коллектива. В 1930 – 1944 гг. – актриса театра «Гезкульт» (Харьковский ГОСЕТ). В 1945 – 1947 гг. – актриса Одесско-Харьковского ГОСЕТа (См.: ЦГА Узбекистана. Ф. Р-2090. Оп. 1. Ед. 2. Лл. 48, 48об., 50.)

5. См.: КЕЭ. 1996. Т. 8. Стб. 807 – 808.

6. Лямпе Гр. Эстафета таланта… С. 25.

7. Крамов А.Г. (1885 – 1951) – советский актер, режиссер и театральный деятель, народный артист СССР.

8. Лямпе Гр. Эстафета таланта... С. 26.

9. Вайншельбаум Самуил Хукобович (Беркович; 1900 – ?) родился в Киеве. Окончил театральную академию. Артистическую деятельность

начал в 1917 г. В 1931 – 1935 гг. – художеств. руководитель Киевского еврейского театра юного зрителя. В 1935 – 1937 гг. – режиссер-постановщик Винницкого еврейского театра. С 1937 по июль 1941 гг. – художеств. руководитель Харьковского ГОСЕТа. В 1942 – 1944 гг. – художеств. руководитель Харьковского ГОСЕТа (Самарканд), в 1945 г. – художеств. руководитель Одесско-Харьковского ГОСЕТа (Самарканд), в 1946 – 1947 гг. – режиссер-постановщик этого театра. (См.: КЕЭ. Т. 8. Стб. 809 – 810; ЦГА Узбекистана. Ф. Р-2090. Оп. 1. Ед. 2. Лл. 2, 12, 13, 20).

10.. Лямпе Гр. Эстафета таланта... С. 27.

11. Каминский Абрам Шлемович (1895 – ?) родился в Варшаве в семье служащего. В 1910 – 1915 и 1917 – 1920 гг. работал актером в различных театральных коллективах Польши. В июне-июле 1920 г. был актером во фронтовой труппе Красной Армии. В авг. 1920 – окт. 1932 г. гастролировал с передвижными еврейскими труппами в Гомеле, Киеве и Харькове. С октября 1932 г. стал актером Харьковского ГОСЕТа. (См.: ЦГА Узбекистана. Ф. Р-2090. Оп. 1. Ед. 2. Лл. 143, 143об.).

12. Лев Геня Абрамовна (1916 – 2004) родилась в г. Витебске в семье служащего. С 1930 г. работала артисткой эстрады в Витебске, а затем в Витебском драмтеатре, Минском ГОСЕТе. С 15 дек. 1936 года по июль 1941 г. – артистка Харьковского ГОСЕТа. В 1942 – 1947 гг. – артистка Харьковского, а затем Одесско-Харьковского ГОСЕТа в Самарканде и Ташкенте. (См.: ЦГА Узбекистана. Ф. 2090. Оп. 1. Ед. 2. Лл. 19, 169).

13. Ландау Борис Захарович (1912 – 1988) родился в Умани. В 1925 – 1926 гг. – артист труппы Альберта Сигалеско. С 1930 г. по июль 1941 г. – актер Харьковского ГОСЕТа, где он познакомился с актрисой Г.А. Лев. Они поженились и прошли по жизни совместно более 50 лет. В 1942 – 47 гг. – артист Харьковского, а затем – Одесско-Харьковского ГОСЕТа (в Самарканде и Ташкенте). В этом театре Б.З. Ландау сыграл почти все главные роли в еврейском классическом репертуаре, стал одним из ведущих еврейских актеров Украины. (См.: ЦГА Узбекистана. Ф. Р-2090. Оп.1. Ед. 2. Л. 19; Стольский А. Воспоминания о еврейском театре // «Евр. камертон». 2001. 29 мая; Херсонский М. Театр их судьбы // «Евр. камертон». 1999. 15 июля, 22 июля.)

14. Мерензон Арон Самойлович (1892 – ?) родился в г. Ново-Ковно Днепропетровской области в семье рабочего. В 1933 – конец 1937 гг. – художеств. руководитель Винницкого ГОСЕТа. В Харьковский ГОСЕТ поступил актером 15 июля 1939 г. В 1942 – 1947 гг. – актер Харьковского, а затем Одесско-Харьковского ГОСЕТа (в Самарканде и Ташкенте). (См.: ЦГА Узбекистана. Ф. Р-2090. Оп. 1, Ед. 2. Л. 173; Стольский А. Воспоминания о еврейском театре // «Евр. камертон». 2001. 31 мая.)

15. Цукер Софья Соломоновна (1908 – ?) родилась в Брест-Литовске. В 1923 г. начала работать на сцене еврейского театра. С 1934 г. – артистка Харьковского ГОСЕТа. (См.: ЦГА Узбекистана. Ф. Р-2090. Оп. 1. Ед. 2. Л. 20).

16. Коссовский Лазарь Рафаилович (1892 – ?) родился в г. Слоним. С 1923 г. начал играть в еврейских театрах. В 1939 г. поступил артистом в Харьковский ГОСЕТ. (См.: ЦГА Узбекистана. Ф. Р-2090. Оп. 1. Ед. 2. Лл. 19, 124.)

17. Ротман Алкон Меерович (1907 – ?) родился в г. Золотория Белостокской области (Польша) в семье служащего. Окончил Белостокскую мужскую гимназию. В 1927 – 1939 гг. работал в еврейских театрах в Польше (Вильно, Варшава, Краков), в 1939 – 1940 гг. – актер театра музыкальной комедии БССР (г. Гомель), с 1940 г. – актер Харьковского ГОСЕТа. (См.: ЦГА Узбекистана. Ф. Р-2090. Оп. 1. Ед. 2. Лл. 19, 228, 228об.)

18. Клячкин Лев Зиселевич (1897 – ?) родился в Минске в семье служащего. В 1924 – янв. 1931 гг. работал актером в еврейских театральных коллективах. С янв. 1931 г. – артист Харьковского ГОСЕТА. (См.: ЦГА Узбекистана. Ф. Р-2090. Оп. 1. Ед. 2. Лл. 19, 132.)

19. Крельман Исаак (1896 – 1968) родился в Варшаве. Здесь же началась его артистическая деятельность. До сентября 1939 г. он был актером и директором ряда еврейских театров в Польше. С окт. 1939 по июль 1941 гг. – артист Львовского ГОСЕТа. Затем эвакуация в Ташкент. С 1942 по май 1945 гг. гастролировал с артистами Львовского еврейского театра музкомедии во Фрунзе (ныне Бишкек). В 1945 г. реэвакуировался в Польшу, где открыл в Лодзи еврейский театр. В 1946 г. вместе с театром переехал в Вену, откуда был направлен в лагерь перемещенных лиц в г. Линце. Здесь он создал еврейскую театральную труппу. В 1947 – 1968 гг. – актер Лондонского еврейского театра. В 1968 г. репат-

риировался в Израиль. [Магнитофонная запись беседы с артисткой Дорой Пшепюркой-Крельман-Зак (Тель-Авив, 2001 г.; хранится в личном архиве М. Вексельмана).]

20. Лищинская Софья Иосифовна (1900 – ?) родилась в г. Кировоград. Артистическую деятельность начала в 1930 г. С 1932 – артистка Харьковского ГОСЕТа. В 1942 – 1944 гг. – директор Харьковского ГОСЕТа (Самарканд). В 1945 – 1947 гг. – директор Одесско-Харьковского ГОСЕТа (Самарканд, Ташкент) (См.: ЦГА Узбекистана. Ф. Р-2090. Оп. 1. Ед. 2. Л. 19.)

21. Рыфтин Владимир Алексеевич (1903 – 1987) – театральный художник. Родился в г. Сарапуль, окончил Харьковский художественный институт (1928), где одно время преподавал. В 1926 г. сделал эскизы декораций и костюмов к опере «Фауст» в Харьковском оперном театре. До лета 1941 г. работал художником-постановщиком в харьковских театрах (оперы и балета, украинском драматическом им. Леси Украинки). С 1942 г. жил и работал в УзССР. В 1943 – 1944 гг. – художник-постановщик Харьковского ГОСЕТа, в 1945 – 1947 гг. – художник-постановщик в Одесско-Харьковском ГОСЕТе (Самарканд – Ташкент). С 1945 г. оформлял спектакли в ташкентских театрах: ТЮЗ, Русский драматический театр им. М. Горького, Узбекский драматический театр, Узбекский музыкально-драматический театр им. Мукими, Узбекский театр оперы и балета им. А. Навои. В 1946 – 1959 гг. – главный художник Узбекского театра оперы и балета. С 1950 г. преподавал в Ташкентском театрально-художественном институте, где основал кафедру театрально-декорационного оформления (впоследствии – живописи), которой заведовал до начала 80-х годов; профессор, Нар. художник УзССР. (См.: ЦГА Узбекистана. Ф. Р-2090. Оп.1. Ед. 2. Л. 21; ТЭ. 1963. Т. 4. С. 774; магнитофонная запись беседы с сыном художника А.В. Рыфтиным – хранится в личном архиве М. Вексельмана.)

22. См.: ЦГА Узбекистана. Ф. Р-2090. Оп. 1. Ед. 98. Лл. 110, 111.

23. Мерензон-Нодина Надежда Борисовна (1898 – ?) родилась в г. Запорожье в семье служащего. Работала актрисой в Киевском ГОСЕТе, а с 15 дек. 1937 г. – в Харьковском ГОСЕТе. В 1945 – 1947 гг. – актриса Одесско-Харьковского ГОСЕТа. (См.: ЦГА Узбекистана. Ф. Р-2090. Оп. 1, Ед. 2. Л. 172.)

24. Афиши вечеров хранятся в семейном архиве Р. Руфиной – Г. Лямпе у Алины Лямпе (Тель-Авив).

25. См.: ЦГА Узбекистана. Ф. Р-2090. Оп. 1. Ед. 1. Л. 50.

26. Газета «Советская Украина» (Киев). 1943. 20 янв. Вырезка, хранится в Театральном музее и архиве им. И. Гура (Иерусалим).

27. Миндлин Иосиф Михайлович (1894 – 1959) родился в Витебске в семье учителя. В 1919 г. учился в Московской театральной студии. В 1916 г. стал работать в еврейском передвижном театральном коллективе (Самара – Саратов – Уфа). В 1917 – 1923 гг. – артист и режиссер в еврейском театре в Витебске; в 1923 – 1925 гг. – артист и режиссер в еврейском театральном коллективе, гастролирующем в Белоруссии и на Украине. В 1926 – 1929 гг. – артист и режиссер еврейского театра, киноактер в Одессе. В 1932 г. – художественный руководитель Смоленского ГОСЕТа. В 1932 – 1935 гг. – артист и режиссер Киевского ГОСЕТа. В 1935 – 1939 гг. – художеств. руководитель Бакинского ГОСЕТа. В 1940 – июнь 1941 гг. – артист и режиссер Белостокского ГОСЕТа. В 1942 – 1944 гг. – артист и режиссер Харьковского ГОСЕТа (Самарканд). В 1945 – 1947 гг. – актер и режиссер Одесско-Харьковского ГОСЕТа (Самарканд, Ташкент). В 1948 г. вернулся в Одессу, а через год был арестован по обвинению в национализме. Пробыл свыше пяти лет в исправительно-трудовом лагере. В 1955 г. был реабилитирован и освобожден. Последние годы жизни работал в Одессе портным. (См.: ЦГА Узбекистана. Ф. Р-2090. Оп. 1. Ед. 2. Лл. 19, 178, 187, 187об., 190об.; Копельман С. Сыновьим сердцем. С. 26-27, 141-145; Локтева Р., Звягина О. Фауст – внук Фауста // «Евр. камертон». 1999. 16 июня.)

28. Подлубный Наум Иосифович (1887 – ?) родился в г. Брателов. Окончил музыкальное училище, работал в различных еврейских театрах музыкантом, дирижером, композитором. До 1939 г. работал композитором в Харьковском театре им. Ленинского комсомола. С 1939 по 1944 гг. – дирижер, композитор в Харьковском ГОСЕТе, в 1945 – 1947 гг. – дирижер, композитор Одесско-Харьковского ГОСЕТа. (См.: ЦГА Узбекистана. Ф. Р-2090. Оп. 1. Ед. 2. Л. 19.)

29. Меерсон Л.Е. – актер и режиссер. В 1928 – 1929 гг. – артист еврейского ансамбля оперетты под руководством Г. Спекторова. В 1930 – 1934 гг. – артист Киевского еврейского театра оперетты. В 1935 – 1941 гг. –

артист и режиссер Одесского ГОСЕТа. В 1943 – 1947 гг. – режиссер Харьковского ГОСЕТа, а затем Одесско-Харьковского ГОСЕТа (Самарканд, Ташкент). (ЦГА Узбекистана. Ф. Р-2090. Оп. 1. Ед. 1. Лл. 50, 50об.; Любомирский О. Заметки об Одесском ГОСЕТе... С. 121, 125, 125; Стольский А. Воспоминания о еврейском театре // «Евр. камертон». 2001. 31 мая.)

30. См.: ЦГА Узбекистана. Ф. Р-2090. Оп. 1. Ед. 1. Лл. 50, 50об.

31. Газ. «Ленинский путь» (Самарканд). 1944. Янв. Ксерокопия рецензии, хранится в Театральном музее и архиве им. И. Гура (Иерусалим).

32. Лямпе Гр. Эстафета таланта. С. 27.

Одесский ГОСЕТ

33. Бугова Лия Исааковна (1900 – ?). Сценическую деятельность начала в 1920 г. в Винницком еврейском театре. В 1922 г. – актриса театральной труппы Р. Заславского. В 1922 – 1929 гг. – актриса Киевского ГОСЕТа. В 1929 – 1933 гг. – актриса передвижного еврейского театра УССР. В 1934 – 1939 гг. – ведущая актриса Одесского ГОСЕТа. В 1939 – 1941 гг. и с 1945 г. – актриса Одесского русского драматического театра. Нар. артистка УССР (1946).

- См.: ТЭ. 1961. Т. 1. С. 722.

34. Брандеско Иосиф Исаакович (1883 – 1941) родился в Бердичеве, в семье учителя. Видный еврейский актер. Играл во многих еврейских театрах. В 1927 – 1930 гг. – актер театра Я. Гузика. В 1934 – 1940 гг. – актер Одесского ГОСЕТа. (См.: Копельман С. Его привилегия // Журн. «Алеф».1989. № 279, июнь. С. 39.)

35. Шварцер Владимир Ефимович (1892 – 1979). Известный еврейский актер. Сценическую деятельность начал в 1907 г. в еврейской труппе Д.М. Сапсая, а затем продолжил в труппе Переца Гиршбейна (1880 – 1918), где его учителями были кумиры еврейской публики: Эстер Рохл Каминьская и Яков Либерт. В 1919 г., совместно с режиссером Бертоновым и писателем Аврумом Коганом, пытался создать в Одессе Первый гос. еврейский театр, но им не удалось это сделать. В 1926 г. создал частный еврейский театр «Фолкс-театр», которым руководил по 1927 г. В том же году он и несколько актеров из его театра вошли в

труппу первого Государственного еврейского передвижного театра Украины (Киев), и Шварцер стал его художеств. руководителем в 1927 – 1933 гг. В 1934 г. поступил в труппу Одесского ГОСЕТа, в котором проработал до июня 1941 г. В 1942 – 1943 гг. находился с Одесским ГОСЕТом в эвакуации в Узбекистане, а с конца 1943 по 1949 гг. был актером в Московском ГОСЕТе. В 1962 – 1972 гг. – художеств. руководитель передвижного еврейского ансамбля при Московском Госконцерте. Засл. артист РСФСР. (См.: Копельман С. Его привилегия // Журн. «Алеф». № 279. 1989. Июнь. С. 28 – 43; Шварцер Е.. Мой отец – Владимир Шварцер // «Евр. камертон». 1993. 14 июня.)

36. Бронина Броня Ароновна (1906 – ?) родилась в г. Жмеринка, в семье ремесленника. В 1917 – 1920 гг. училась и играла в театральной труппе в г. Жмеринка. В 1921 – 1938 гг. – артистка еврейского народного, а затем передвижного театра в Киеве. В 1938 – 1941 гг. – артистка Одесского ГОСЕТа. В 1942 – 1944 гг. – педагог Ташкентской консерватории. В 1944 – 1945 гг. – артистка Узбекской филармонии. В 1945 – 1947 гг. – артистка Одесско-Харьковского ГОСЕТа (Ташкент). (См.: ЦГА Узбекистана. Ф. Р-2090. Оп. 1. Ед. 2. Лл. 42 – 42об.)

37. Анчаров Исаак Борисович (1895 – ?) родился в г. Бердюк. Получил высшее образование. Артистическую деятельность начал в 1917 г. В 1922 г. – артист еврейской труппы Р. Заславского, в 1934 – 1941 гг. – артист Одесского ГОСЕТа. В годы Отечественной войны находился в эвакуации в Ташкенте. В 1943 – 1944 гг. – художеств. руководитель и режиссер эстрады Узгосфилармонии, затем – заместитель начальника Управления по делам искусств при СНК УзССР, а в 1946 – 1947 гг. – режиссер-постановщик в Одесско-Харьковском ГОСЕТе. (См.: ЦГА Узбекистана. Ф. Р-2366. Оп. 1. Ед. 31. Л. 36; Ф. Р-2090. Оп. 1. Ед. 2. Л. 20; Стольский А. Воспоминания о еврейском театре // «Евр. камертон». 2001. 7 июня; Любомирский О. Заметки об Одесском ГОСЕТе. С. 117.)

38. Пасеманик Лея Лейбовна (в девичестве – Лея Борух Лейбовна Мордкович; 1911 – 1994) родилась в г. Херсоне в многодетной еврейской семье. В 1927 г. была принята в театральную труппу Сиди Таль, приехавшей на гастроли в Херсон. С 1930 г. – актриса Одесского ГОСЕТа, где познакомилась со своим будущим мужем, актером Григорием Пасемаником. В июле 1941 г. была эвакуирована с дочерью в Ташкент, где поступила на работу в Ташкентский военный госпиталь, в котором

проработала до янв. 1945 г. В том же месяце она была принята в Одесско-Харьковский ГОСЕТ (Ташкент), где проработала до начала 1948 г., после чего вернулась в Одессу и некоторое время работала в Одесском передвижном еврейском театре, закрытом в начале 1949 г. С марта 1949 по февр. 1950 гг. – в филиале ГОСЕТа УССР в Черновицах. После закрытия этого театра завершилась и ее артистическая деятельность. В 1990 г. репатриировалась в Израиль, где прожила последние 4 года своей жизни. [См.: ЦГА Узбекистана. Ф. Р-2090. Оп. 1. Ед. 2. Л. 20; Театральный музей и архив им. И. Гура (Иерусалим), личный фонд Г.А. и Л.Л. Пасеманик; Магнитофонная запись воспоминаний Майи Фельдман (Пасеманик), Беэр-Шева, авг. 2003 г. (хранится в личном архиве М. Вексельмана).]

39. Зальцман Мордко Янкелевич (1894 – 1974) родился в г. Жмеринка в мещанской семье. Артистическую деятельность начал в 1912 г. в еврейском театре И.И. Корика, в котором работал в 1912 – 1917 гг. В 1917 г. организовал в Жмеринке самодеятельный еврейский театр при клубе Наробраза, в котором работал актером и режиссером в 1917 – 1922 гг. С 1922 г. работал актером в различных еврейских передвижных театрах, в том числе участвовал в гастрольных спектаклях американского еврейского артиста Юлиуса Адлера.

В 1929 – 1933 гг. – артист театра «Ройтер факел» и Винницкого областного еврейского театра. В 1934 – 1941 гг. – артист Одесского ГОСЕТа. В 1941 – 1942 гг. – заведующий реквизиторским цехом Узбекского ТЮЗа. В 1944 – 1947 гг. – актер Одесско-Харьковского ГОСЕТа (Самарканд, Ташкент). В 1948 – 1972 гг. – артист Одесского кукольного театра. В 1972 гг. репатриировался в Израиль, где играл в частных театральных труппах (на идиш). В 1973 г. уехал в Канаду, где и умер. [См.: ЦГА Узбекистана. Ф. Р-2090. Оп. 1. Ед. 2. Лл. 88, 104, 105об; магнитофонная запись беседы с дочерью артиста – Броней Гальпериной (Зальцман), Ришон-ле-Цион, окт. 1999; хранится в личном архиве М. Вексельмана.]

40. Зальцман Ида Исааковна (1900 – 1958) родилась в г. Жмеринка в семье служащего. Артистическую деятельность начала в 1917 г. актрисой в еврейском самодеятельном театре Жмеринского наробраза, где проработала по 1922 год. В 1922 – 1929 гг. – актриса передвижных еврейских театров. В 1929 – 1933 гг. – артистка Винницкого областного еврейского театра. В 1933 – 1941 гг. – актриса Одесского ГОСЕТа. В 1941 г. эвакуировалась в Ташкент, где работала заведующей костюмер-

ной Янги-Юльского городского театра, а затем Ташкентского театра оперетты. В 1942 г. вместе с группой артистов Одесского ГОСЕТа была направлена на укрепление Харьковского ГОСЕТа (Самарканд). В 1945 – 1947 гг. – артистка Одесско-Харьковского ГОСЕТа (Ташкент). [См.: ЦГА Узбекистана. Ф. Р-2090. Оп. 1. Ед. 2. Лл. 19, 108, 109; магнитофонная запись беседы с дочерью артистки Броней Гальпериной (Зальцман).]

41. Копельман С. Его привилегия // Журн. «Алеф». 1989. Июнь. № 279. С. 39.

42. Любомирский О. Заметки об Одесском ГОСЕТе. С. 117.

43. Копельман С. Сыновьим сердцем. С. 83.

44. Иоффе Софья Семеновна (1903 – 1958) родилась в г. Золотоноша в семье портного. В 1920 г. поступила в театр Гузика в г. Екатеринославе, но вскоре театр разорился, и она поступила в театр Штейнгарта. В 1921 г. переехала в Ростов-на-Дону, в новый театр Гузика вместе с мужем Иосифом Копельманом. В нем она проработала в 1921 – 1926 гг. С середины 1928 по 1929 гг. С. Иоффе работала в «Фолкс-театре», руководимом В.Е. Шварцером. С труппой Шварцера она играла в Полоцке, Витебске, Бобруйске, Николаеве, Кривом Роге, Херсоне.

В Херсоне она стала актрисой в первом Государственном передвижном еврейском театре Украины. В этом театре С. Иоффе проработала с 1930 до середины 1932 гг. После расформирования этого театра Софья Иоффе поступила в Бакинский ГОСЕТ, в котором она проработала весь период его существования (1932 – 1939 гг.). Здесь она стала примадонной театра, создала ряд ярких образов почти во всех пьесах репертуара театра. С 1940 по июль 1941 гг. – ведущая актриса Одесского ГОСЕТа. Летом 1941 г. эвакуировалась в Ташкент. В 1942 – 1944 гг. – актриса Харьковского ГОСЕТа (г. Самарканд). С 1945 по 1948 гг. – актриса Киевского ГОСЕТа (г. Черновцы), но там она почти не играла. С. Иоффе выступала в эстрадной группе Сиди Таль (Кишинев, Черновцы) с монологами из сыгранных ею спектаклей. С марта 1948 до зимы 1949 г. – актриса Одесского еврейского передвижного театра (Балта, Кривой Рог). В 1949 – 1952 гг. выступала с художественным чтением на концертах гастролеров в Криворожской филармонии. (См.: Копельман С. Сыновьим сердцем. Лл. 10 – 31, 121 – 123, 126, 127, 130 – 136.)

45. Копельман С. Сыновьим сердцем. С. 84.

46. Там же. С. 88.

47. «Большевистское знамя». 1940. 10 нояб. – Цит. по: Копельман С. Сыновьим сердцем. С. 90.

48. Копельман С. Там же. С. 90.

49. См.: Там же. С. 99 – 100.

50. См.: ЦГА Узбекистана. Ф. Р-2087. Оп. 3. Ед. 7. Л. 312; Магнитофонная запись воспоминаний Брони Гальпериной (Зальцман).

Одесско-Харьковский ГОСЕТ

51. См.: ЦГА Узбекистана. Ф. Р-2090. Оп. 1. Ед. 4. Лл. 12 – 14, 19.

52. Вадровник Сруль Нутович (1901 – ?) родился в м. Станиславчик Винницкой области в семье портного. Актерскую деятельность начал в 1919 г. в еврейском драматическом театре при Жмеринском наробразе. В 1921 – 1922 гг. – артист в еврейском театральном коллективе Якова Либерта. В 1924 – 1929 гг. – артист в передвижных еврейских коллективах, гастролировавших в разных городах Украины. В 1929 – 1930 гг. – руководитель самодеятельного еврейского театра в г. Жмеринка. В 1930 – 1931 гг. – актер театра «Гезкульт». В 1931 – 1941 гг. – художеств. руководитель самодеятельного еврейского театра в г. Жмеринка. В годы Отечественной войны находился в эвакуации в Узбекистане и был руководителем драматического кружка и массовиком (1941 – 1943 гг.) в г. Яккобач Бухарской области. В 1943 – 1944 гг. – артист Харьковского ГОСЕТа (Самарканд), а в 1945 – 1947 гг. – артист Одесско-Харьковского ГОСЕТа (Самарканд, Ташкент). (См.: ЦГА Узбекистана. Ф. Р-2090, оп. 1. Ед.2. Лл. 52, 52об., 53об.)

53. Норинская Хана Абрамовна (1906 – ?) родилась в м. Брусиловка в семье музыкантов. Окончила школу и театральную студию Скуратова при театре им. Соловцова в Киеве. В 1922 г. работала в Киевском ТЮЗе. В 1938 – 1940 гг. – артистка Киевского еврейского ТЮЗа. В 1940 – 1941 гг. – артистка Киевской Гос. эстрады. В годы Отечественной войны была эвакуирована в Самарканд, где работала кетменщицей в колхозе (в пригороде Самарканда) до 1943 г. В 1943 – 1944 гг. – артистка 1-й категории Харьковского ГОСЕТа (Самарканд). В 1945 – 1947 гг. – артистка 1-й

категории Одесско-Харьковского ГОСЕТа (Самарканд, Ташкент). (См.: ЦГА Узбекистана. Ф. Р-2090. Оп. 1. Ед. 2. Л. 201.)

54. Норинский Исаак Пантелеевич (1890 – ?) родился в г. Житомир в семье столяра. В 1900 – 1905 гг. был хористом в хоровых капеллах, с которыми разъезжал по провинции. В 1908 – 1912 гг. – хорист еврейских театров. В 1912 – 1917 гг. служил в русской армии. В 1917 – 1934 гг. – артист в разных передвижных труппах и коллективах, с которыми гастролировал по СССР. В 1934 – 1938 гг. – артист Смоленского ГОСЕТа. В 1938 – 1940 гг. – артист Киевского еврейского театра юного зрителя (ТЮЗ). В 1940 – 1941 гг. – артист Киевской гос. эстрады. С июня 1941 по 1943 гг. находился в Трудовой армии. В 1943 – 1944 гг. – артист 1-й категории Харьковского ГОСЕТа (Самарканд). В 1945 – 1947 гг. – артист 1-й категории Одесско-Харьковского ГОСЕТа (Самарканд, Ташкент). (См.: ЦГА Узбекистана. Ф. Р-2090. Оп. 1. Ед. 2. Л .205).

55. См.: ЦГА Узбекистана. Ф. Р-2090. Оп. 1. Ед. 2. Лл. 19 – 21.

56. См.: Там же.

57. См.: Там же.

58. См.: Там же. Ед. 3. Л. 22; Ед. 4. Лл. 12 – 13.

59. См.: «Правда Востока» (Ташкент). 1946. 8 мая.

60. ЦГА Узбекистана. Ф. Р-2090. Оп. 1. Ед. 4. Л. 14.

61. См.: Там же. Л. 12 – 13.

62. См.: Программа спектакля (хранится в семейном архиве Р. Руфиной – Г. Лямпе у Алены Лямпе).

63. Хотя эта пьеса в конце 1946 г. была исключена из репертуара театра «как сомнительная в идейном отношении», новый художественный руководитель театра Э. Лойтер решился показать ее зрителям 4 раза. (См.: ЦГА Узбекистана. Ф. Р-2090. Оп. 1. Ед. 4. Л. 12; Ед. 7. Л. 12об.)

64. Спектакль был подготовлен актерами полностью, но показан был зрителям лишь 1 акт, да и то один раз. (ЦГА Узбекистана. Ф. Р-2090. Оп. 1. Ед. 4. Л. 12.; Ед. 7. Л. 12об.)

65. Там же.

66. В тексте рецензии ошибочно указана фамилия – И.П. Нованский.

67. В тексте рецензии ошибочно указана фамилия – Х.А. Новинская.

68. «Правда Востока». 1947. 12 авг.

69. См: ЦГА Узбекистана. Ф. Р-2090. Оп. 1. Ед. 7. Лл. 12, 13.

70. Гастроли Одесско-Харьковского ГОСЕТа в Самарканде // Ленинский путь (Самарканд). 1947. 15 нояб. (Ксерокопия заметки хранится в Театральном музее и архиве им. И. Гура.)

71. Цит. по: «Ленинский путь» 1947. 25 нояб. (Ксерокопия заметки хранится в Театральном музее и архиве им. И. Гура.)

72. Из объяснительных записок к годовым отчетам Одесско-Харьковского ГОСЕТа за 1946 и 1947 гг. (См.: ЦГА Узбекистана. Ф. Р-2090. Оп. 1. Ед. 4. Л. 12; Ед. 7. Л. 15.)

73. Так сказано в «Объяснительной записке к годовому отчету театра за 1947 год». Само постановление Правительства установить не удалось. Однако в статье Шмуэля Спектора «Еврейский театр в Советской Украине» написано, что «осенью 1947 г. Совет министров Украины решил, по неясным причинам, вернуть в Украину еврейские театры, которые предполагалось оставить в Ташкенте на постоянной основе». [См.: Еврейские театры в Советском Союзе / Под ред. М. Альтшулера. Иерусалим: Центр по изучению восточно-европейского еврейства, 1996. С. 87 (на ивр., перевод А. Гофмарк и М. Вексельмана).]

74. См.: Копельман С. Сыновьим сердцем. С. 121.

75. Там же. С. 125.

76. Там же. С. 126.

77. См.: Там же. С. 126 – 127.

78. См.: Стольский А. Воспоминания о еврейском театре // «Евр. камертон». 2001. 7 июня.

79. См.: Афиша филиала ГОСЕТа УССР им. Шолом-Алейхема. – Хранится в семейном архиве А. Лямпе (Тель-Авив).

80. Элияху Й. Евреи Львова. С. 76.

81. Каминьская Ида (1899, Варшава – 1980, Нью-Йорк) – актриса театра и кино, режиссер. Выступала с детства в театре отца Авраама Ицхака Каминьского. В 1916 г. играла в еврейской оперетте, с 1917 г. участвовала в постановках матери Эстер Рохл Каминьской. В 1921 – 1928 гг., совместно с мужем З. Турковым, руководила Варшавским еврейским художественным театром (ВИКТ), а с 1933 г. – основанным ею театром в Варшаве. В 1939 г. она бежала из захваченной фашистами Варшавы во Львов, где возглавила Львовский ГОСЕТ (См.: КЕЭ. 1988. Т. 4. Стб. 64; Элияху Й. Евреи Львова. С. 76, 78, 79.)

82. Гаргали Шендор – венгерский драматург, переселившийся в СССР.

83. См.: Элиаху Й. Указ соч. С. 77.

84. См.: Там же. С. 78, 79.

85. См.: Там же. С. 79.

86. См.: ЦГА Узбекистана. Ф. Р-2087. Оп. 3. Ед. 7. Л. 312.

87. См.: Копельман С. Юнг..., С. 52.

88. Пшепюрка-Крельман-Зак Дора – родилась в 1920 г. в Варшаве в семье портного. Ее отец – Герш Пшепюрка – обладал хорошим голосом, много пел и любил театр. В 1926 г. она была принята в труппу Варшавского еврейского театра «Централь», где работала до 1932 г. и, после небольшого перерыва, – в 1936 – 1939 гг. После раздела Польши в 1939 г. между Германией и СССР Дора бежала в Белосток (Зап. Белоруссия). [Магнитофонная запись воспоминаний Доры Пшепюрки-Крельман-Зак (Тель-Авив); хранится в личном архиве М. Вексельмана; Вексельман М. По дорогам жизни // Евр. камертон. 2002. 18 авг.]

89. Липман Мосек Мейлон (1893 –?) родился в г. Опаров (Польша) в семье рабочего. До 1939 г. работал актером в еврейских театрах Польши. С конца 1939 г. – актер Белостокского ГОСЕТа. С 15 марта 1943 г. – актер Харьковского ГОСЕТа (в Самарканде). (См.: ЦГА Узбекистана. Ф. Р-2090. Оп. 1. Ед. 2. Л. 165.)

90. Турков Ицхак (псевдоним – Грудберг; 1906 – 1970) – актер и журналист на идиш. С 1920 г. увлекся театром, поступил в труппу, ру-

ководимую Идой Каминьской. Затем играл в различных еврейских труппах и театрах Польши. С конца 1939 по июль 1941 гг. – артист Белостокского ГОСЕТа (Белоруссия). В 1942 – 1945 гг. – артист Львовского ГОСЕТа (в г. Фрунзе). (См.: КЕЭ. 1996. Т. 8. Стб. 1103; Магнитофонная запись воспоминаний Доры Пшепюрки.)

91. Моревский А. (1886 – 1964) – известный еврейский актер и режиссер из Польши. В сентябре 1939 года бежал из захваченной немецкими войсками Польши в Белосток, отошедший к СССР. Главный режиссер Белостокского ГОСЕТа в 1939-1941 годах. (См.: КЕЭ. 1996. Т. 8. С. 810.)

92. Бергольский Яков – известный еврейский актер. Свою артистическую деятельность начал в 20-х годах в передвижных еврейских труппах и театрах в Украине. С осени 1930 по 1934 гг. – артист Киевского театра еврейской оперетты. После закрытия театра перешел на работу в Бакинский ГОСЕТ (1934 – 1939), где он исполнил героические роли: Франдосо в «Овечьем источнике», Авессалома в «Суламифь», Кавалера в «Хозяйке гостиницы», Мурова в «Без вины виноватые», Стемпеню и другие. После закрытия Бакинского ГОСЕТа в конце 1939 г. поступил в Белостокский ГОСЕТ, где вместе с женой актрисой Л. Гольдберг проработал до лета 1940 г., затем перешел в открывшийся летом 1940 г. Вильнюсский ГОСЕТ. Война застала его с семьей в Вильнюсе. Они не смогли эвакуироваться и оказались в гетто, где Я. Бергольский организовал небольшую труппу, которая играла на идиш и иврите. Там он стал участником подпольного сопротивления. Погиб с семьей в Вильнюсе. (См.: Копельман С. Сыновьим сердцем. С. 26 – 28; Стольский А. Воспоминания о еврейском театре // «Евр. камертон», 2001. 31 мая.)

93. Магнитофонная запись воспоминаний Доры Пшепюрки.

94. См.: ЦГА Узбекистана. Ф. Р-2087. Оп. 3. Ед. 7. Л. 312.

95. См.: ЦГА Узбекистана. ф. Р-2090. Оп. 1. Ед. 2. Лл. 19, 165.

96. Магнитофонная запись воспоминаний Доры Пшепюрки.

97. См.: «Правда Востока». Отдел рекламы за 10 янв., 6 февр., 11 февр., 13 февр., 24 февр., 3 марта 1945 г.

98. С 1947 по 1968 гг. они работали в лондонском еврейском театре, а в 1968 г. репатриировались в Израиль. (См.: Вексельман М. По дорогам жизни // «Евр. камертон». 2002. 15 авг.)

«БЛУЖДАЮЩИЕ ЗВЕЗДЫ» – ЕВРЕЙСКИЕ ТЕАТРАЛЬНЫЕ АНСАМБЛИ В УЗБЕКИСТАНЕ В 1942 – 1946 гг.

Ансамбль Сиди Таль (театр «Ревю»)

1. Штеренберг Яков Моисеевич (1890 – 1971) – еврейский поэт, драматург, режиссер и театральный деятель. В 20-е – 30-е гг. XX века Яков Штеренберг был известным еврейским театральным деятелем Румынии. Им были поставлены на сцене еврейского театра в Бухаресте такие спектакли, как «Ночь на старом рынке» по И.-Л. Перецу, «Заколдованный портной» Шолом-Алейхема, «Женитьба» Н. В. Гоголя, «Желтая тень» Л. Малеха, «Сокровище» Шолом-Алейхема, «Ася-сиротка» Я. Гордина, «Театр в огне» Я. Штеренберга, «Яша Кольб» И. Зингера, «Отверженные» по В. Гюго. Главные роли в большинстве этих спектаклей исполняла Сиди Таль. С лета 1940 по июнь 1941 года – художественный руководитель Молдавского ГОСЕТа (Кишинев). В годы Отечественной войны находился в эвакуации в Ташкенте, где был художественным руководителем театрализованного ансамбля (впоследствии театра «Ревю») Сиди Таль (осень 1942 – июнь 1945). (См.: Андроник И. Воспоминания зрителя // Сиди Таль в воспоминаниях… С. 14 – 18; «Советская Молдавия». 1941.10 февр.)

2. Зельцер Женя – известная еврейская актриса Румынии в 20 – 30-х гг. (См.: Сиди Таль в воспоминаниях… С. 13.)

3. Златая Женя родилась в 1912 г. в Кишиневе в интеллигентной семье. Ее мать – артистка Зунареско – играла в различных еврейских труппах Румынии. В 1917 г. она с дочерью переехала в Кишинев, где Женя начала играть в местном еврейском театре детские роли. Затем она вместе с матерью и отчимом переехала в Черновцы. Здесь Женя в возрасте 14 лет получила роль молодой героини в местном еврейском театре. С тех пор она стала исполнительницей всех молодых ролей. Играла во многих разъездных еврейских труппах в Румынии. В 1935 г. стала актрисой еврейского театра в Бухаресте, в котором работала ее мать и артист Ш. Лейбович (ее будущий муж). Когда начались антисемитские выступления фашиствующих элементов в Румынии, она вместе с артистами Бухарестского еврейского театра бежала в Кишинев. Летом 1940 г. Златая стала актрисой Молдавского ГОСЕТа.

ководимую Идой Каминьской. Затем играл в различных еврейских труппах и театрах Польши. С конца 1939 по июль 1941 гг. – артист Белостокского ГОСЕТа (Белоруссия). В 1942 – 1945 гг. – артист Львовского ГОСЕТа (в г. Фрунзе). (См.: КЕЭ. 1996. Т. 8. Стб. 1103; Магнитофонная запись воспоминаний Доры Пшепюрки.)

91. Моревский А. (1886 – 1964) – известный еврейский актер и режиссер из Польши. В сентябре 1939 года бежал из захваченной немецкими войсками Польши в Белосток, отошедший к СССР. Главный режиссер Белостокского ГОСЕТа в 1939-1941 годах. (См.: КЕЭ. 1996. Т. 8. С. 810.)

92. Бергольский Яков – известный еврейский актер. Свою артистическую деятельность начал в 20-х годах в передвижных еврейских труппах и театрах в Украине. С осени 1930 по 1934 гг. – артист Киевского театра еврейской оперетты. После закрытия театра перешел на работу в Бакинский ГОСЕТ (1934 – 1939), где он исполнил героические роли: Франдосо в «Овечьем источнике», Авессалома в «Суламифь», Кавалера в «Хозяйке гостиницы», Мурова в «Без вины виноватые», Стемпеню и другие. После закрытия Бакинского ГОСЕТа в конце 1939 г. поступил в Белостокский ГОСЕТ, где вместе с женой актрисой Л. Гольдберг проработал до лета 1940 г., затем перешел в открывшийся летом 1940 г. Вильнюсский ГОСЕТ. Война застала его с семьей в Вильнюсе. Они не смогли эвакуироваться и оказались в гетто, где Я. Бергольский организовал небольшую труппу, которая играла на идиш и иврите. Там он стал участником подпольного сопротивления. Погиб с семьей в Вильнюсе. (См.: Копельман С. Сыновьим сердцем. С. 26 – 28; Стольский А. Воспоминания о еврейском театре // «Евр. камертон», 2001. 31 мая.)

93. Магнитофонная запись воспоминаний Доры Пшепюрки.

94. См.: ЦГА Узбекистана. Ф. Р-2087. Оп. 3. Ед. 7. Л. 312.

95. См.: ЦГА Узбекистана. ф. Р-2090. Оп. 1. Ед. 2. Лл. 19, 165.

96. Магнитофонная запись воспоминаний Доры Пшепюрки.

97. См.: «Правда Востока». Отдел рекламы за 10 янв., 6 февр., 11 февр., 13 февр., 24 февр., 3 марта 1945 г.

98. С 1947 по 1968 гг. они работали в лондонском еврейском театре, а в 1968 г. репатриировались в Израиль. (См.: Вексельман М. По дорогам жизни // «Евр. камертон». 2002. 15 авг.)

«Б Л У Ж Д А Ю Щ И Е З В Е З Д Ы» – ЕВРЕЙСКИЕ ТЕАТРАЛЬНЫЕ АНСАМБЛИ В УЗБЕКИСТАНЕ В 1942 – 1946 гг.

Ансамбль Сиди Таль (театр «Ревю»)

1. Штеренберг Яков Моисеевич (1890 – 1971) – еврейский поэт, драматург, режиссер и театральный деятель. В 20-е – 30-е гг. XX века Яков Штеренберг был известным еврейским театральным деятелем Румынии. Им были поставлены на сцене еврейского театра в Бухаресте такие спектакли, как «Ночь на старом рынке» по И.-Л. Перецу, «Заколдованный портной» Шолом-Алейхема, «Женитьба» Н.В. Гоголя, «Желтая тень» Л. Малеха, «Сокровище» Шолом-Алейхема, «Ася-сиротка» Я. Гордина, «Театр в огне» Я. Штеренберга, «Яша Кольб» И. Зингера, «Отверженные» по В. Гюго. Главные роли в большинстве этих спектаклей исполняла Сиди Таль. С лета 1940 по июнь 1941 года – художественный руководитель Молдавского ГОСЕТа (Кишинев). В годы Отечественной войны находился в эвакуации в Ташкенте, где был художеств. руководителем театрализованного ансамбля (впоследствии театра «Ревю») Сиди Таль (осень 1942 – июнь 1945). (См.: Андроник И. Воспоминания зрителя // Сиди Таль в воспоминаниях… С. 14 – 18; «Советская Молдавия». 1941.10 февр.)

2. Зельцер Женя – известная еврейская актриса Румынии в 20-х – 30-х гг. (См.: Сиди Таль в воспоминаниях… С. 13.)

3. Златая Женя родилась в 1912 г. в Кишиневе в интеллигентной семье. Ее мать – артистка Зунареско – играла в различных еврейских труппах Румынии. В 1917 г. она с дочерью переехала в Кишинев, где Женя начала играть в местном еврейском театре детские роли. Затем она вместе с матерью и отчимом переехала в Черновцы. Здесь Женя в возрасте 14 лет получила роль молодой героини в местном еврейском театре. С тех пор она стала исполнительницей всех молодых ролей. Играла во многих разъездных еврейских труппах в Румынии. В 1935 г. стала актрисой еврейского театра в Бухаресте, в котором работала ее мать и артист Ш. Лейбович (ее будущий муж). Когда начались антисемитские выступления фашиствующих элементов в Румынии, она вместе с артистами Бухарестского еврейского театра бежала в Кишинев. Летом 1940 г. Златая стала актрисой Молдавского ГОСЕТа.

В годы Отечественной войны Ж. Златая находилась в эвакуации в Узбекистане. С осени 1941 по конец 1942 г., совместно с мужем, артистом Ш. Лейбовичем, работала в танцевальной труппе молдавского ансамбля «Дойна». В конце 1942 – начале 1943 г. они перешли в еврейский ансамбль Сиди Таль (театр «Ревю»). Весной 1946 г. вместе с ансамблем переехала в Черновцы, где проработала с Сиди Таль до 1959 г. В 1990 г. репатриировалась в Израиль, где ныне и живет. [Магнитофонная запись воспоминаний Жени Златой-Лейбович (Гедера, май 2000), хранится в личном архиве М. Вексельмана.]

4. Кениг Дина (1908 – 1964) – известная еврейская актриса. Родилась в г. Лодзь (Польша). В 1914 г., в возрасте 6 лет, начала артистическую деятельность в театре Эстер Рохл Каминьской, где сыграла роль мальчика в спектакле «Миреле Эфрос». После Первой мировой войны играла в различных еврейских театральных труппах Польши. В 1932 – 1935 гг. играла в «Виленской труппе», с которой выезжала на гастроли в Вену, Чехословакию и Румынию. Летом 1940 г. переехала в Кишинев и поступила в Молдавский ГОСЕТ. В годы Отечественной войны находилась в эвакуации в Ташкенте, играла в ансамбле Сиди Таль (театр «Ревю»). В конце 1944 г. вернулась в Кишинев, а в 1945 г. переехала в Бухарест, где играла в Бухарестском гос. еврейском театре. Заслуженная артистка Румынии. Последнюю роль сыграла в спектакле «Матушка Кураж» в 1964 г. (Магнитофонная запись воспоминаний артистки театра «Габима» Лии Кениг – дочери Дины Кениг (Гиватаим, 7 мая 2000 г.; хранится в личном архиве М. Вексельмана.)

5. Подробнее о ней см.: КЕЭ. 1996. Т. 8. Стб. 740, 741; «Сиди Таль в воспоминаниях».

6. Тефнер Адольф (1908 – 1974) – известный еврейский актер. Родился в г. Черновцы в семье учителя математики. С 5-ти лет пел в хоре главной синагоги города. Затем его пригласили в театр Рахили Аксельрод, где он исполнял детские роли. В 12 лет его записали в Черновицкую консерваторию по классу пения и драмы. Учась там, он продолжал играть детские роли в театре. В 20-е годы был принят в труппу Клары Юнг, с которой гастролировал по Румынии и Южной Африке, побывал в Вене, Париже и Лондоне. В конце 20-х гг. приехал в Бухарест и выступал в различных театральных труппах. В середине 30-х гг. Тефнер организовал еврейский театр музыкальной комедии, в котором играли

артисты: М. Гольденберг, Б. Лидин, М. Моризон, Б. Ройтман, Б. Стерлинг, и актрисы: С. Гольденберг, М. Риеглер, Л. Ринтцлер, Х. Ринтцлер, Р. Факлер-Бланк. Ведущей артисткой в этой труппе была Сиди Таль. В 1937 – 1939 гг. Тефнер – артист Бухарестского еврейского камерного театра. Вместе с артистами этого театра бежал из Румынии и летом 1940 г. стал артистом Молдавского ГОСЕТа, где блестяще сыграл роль Гоцмаха в спектакле «Блуждающие звезды».

В годы Отечественной войны находился в эвакуации в Узбекистане. Играл в ансамбле Сиди Таль (театр «Ревю»). В 1946 г. вместе с ансамблем вернулся в Черновцы, играл в нем до 1950 г. В 1965 г. репатриировался в Израиль. В Израиле играл в театральных труппах на идиш. [См.: афиша труппы А. Тефнера, хранится в семейном архиве С. Тефнер (Рамат-Ган); магнитофонная запись воспоминаний жены А. Тефнера – Сивиль Тефнер (Рамат-Ган, 2002); хранится в личном архиве М. Вексельмана.]

7. Еврейский театр в 1941 г.: Беседа с гл. режиссером еврейского театра Я.М. Штеренбергом // «Советская Молдавия» (Кишинев). 1941. 10 февр.

8. Магнитофонная запись воспоминаний Ханы Левин – дочери артистов Молдавского ГОСЕТа Владеров (Холон, 1 февр. 2005 г.); Хранится в личном архиве М. Вексельмана.

9. См.: ЦГА Узбекистана. Ф. Р-2087. Оп. 3. Ед. 7. Л. 312.

10. Магнитофонная запись воспоминаний Лии Кениг (Гиватаим, 7 мая 2000 г.).

11. Так, например, артист Абрам Аш (Авербух) заболел психически. Артист Вольф Владер и его жена актриса Рая Владер, не найдя работы в Ташкенте, выехали в Маргилан. Там Вольф Владер смог устроиться лишь грузчиком, вследствие чего надорвал свое здоровье и вскоре умер. Рая Владер заболела от голода пеллагрой, и от смерти ее спасла старая узбечка, помогшая ей питанием. (Магнитофонная запись воспоминаний Ханы Левин.)

12. См.: Халиф И. Заметки еврейского артиста (из воспоминаний) // Сиди Таль в воспоминаниях. С. 160.

13. Миронова М. 30 лет дружбы // Сиди Таль в воспоминаниях… С. 98, 99.

14. «Правда Востока» (Ташкент). 1944. 15 янв.

15. См.: ЦГА Узбекистана. Ф. Р-2366. Оп. 1. Ед. 31. Л .18.

16. Сиди Таль в воспоминаниях. С. 162.

17. См.: ЦГА Узбекистана. Ф. Р-2366. Оп. 1. Ед. 31. Л. 24.

18. См.: Там же. Л. 32.

19. См.: Там же. Лл. 30, 35.

20. См.: Полонский М. Воспоминания о большом народном таланте // Сиди Таль в воспоминаниях. С. 122.

21. См.: Там же. С. 91.

22. Миронова М. 30 лет дружбы // Там же. С. 98.

23. См.: «Правда Востока». 1943. 27 июля.

24. См.: Там же. 1943. 17 сент..

25. См.: Там же. 1945. 10 янв.

26. См.: Там же. 1945. 17 марта.

27. См.: Там же. 1945. 15 апр.; 20 апр.; 25 апр.; 3 мая.

28. См.: Там же. 1945. 26 мая.

29. См.: Там же. 1945. 1 июня.

Еврейский ансамбль оперетты Клары Юнг

30. См: ТЭ. М., 1965. Т. 5. Стб. 1058; КЕЭ. 2002. Т. 10. Стб. 840.

31. См.: Копельман С. Юнг… С. 11 – 12.

32. См.: ТЭ. 1965. Т. 5. Стб. 1058.

33. См.: КЕЭ. 2002. Т.10. Стб. 840 – 842; Копельман С. Юнг… С. 35 – 37.

34. Копельман С. Юнг… С. 37.

35. См.: Там же. С. 40.

36. Юнгвиц Бернард [он же Буез Юнг; 1874 (?) – ?] – известный еврейский драматург, актер и режиссер; муж Клары Юнг. Родился в местечке Новидвор (Польша) В 1886 г. семья Юнгвицев переселилась в Варшаву. Здесь Бернард впервые познакомился с еврейским театром, побывав на спектакле «Бар-Кохба». Театр очаровал его, и он поклялся стать актером. У него были прекрасные учителя – известные еврейские актеры Адлер, Томашевский и Кеслер. Юнгвиц – автор нескольких оперетт:

«Джейкеле Блофер», «Лейбеле-одессит», «Береле Тремп», «Муж его жены», «М-ль Гопля», «Альма, где ты живешь?» и другие. Владелец нескольких театров в США. (См.: Копельман С. Юнг… С. 15, 16; ТЭ. 1965. Т. 5. Стб. 1058.

37. Копельман С. Юнг… С. 48.

38. Там же.

39. Там же. С. 49 – 50.

40. Воспоминания Э.Л. Нехейман (Израиль, г. Бат-Ям). Рукопись хранится в личном архиве М. Вексельмана.

41. Клейманс Года (Ольга) Наумовна (1914 – 2003) родилась в Днепропетровске в семье дамского портного, любившего театр. В 1933 г. поступила в театральную студию при Московском ГОСЕТе, которую окончила в 1937 г. Была распределена на работу актрисой в Крымский ГОСЕТ (г. Симферополь), где проработала с 1 авг. 1937 по 22 апр. 1940 гг., когда театр был закрыт, а затем, по июнь 1941 г., работала артисткой в Театре Северного военно-морского флота. Там сыграла ведущую роль в спектакле М. Горького «Васса Железнова». Во время гастролей театра в Баку (на Каспийской флотилии) началась Отечественная война. Артистки театра были отозваны в Москву, откуда Клейманс эвакуировалась в Ташкент. Там она первоначально работала гладильщицей, бухгалтером на швейной фабрике, а затем перешла в Узбекскую госфилармонию администратором. С 1 янв. 1942 по 20 февр. 1946 гг. работала актрисой 1-й категории в ансамбле еврейской оперетты Клары Юнг при Узбекской филармонии. В 1990 г. репатриировалась в Израиль, жила в Хайфе. [См.: Командировочные удостоверения, выданные Узбекской филармонией на имя Г.Н. Клейманс в 1943 – 1946 гг., хранящиеся в личном архиве М. Вексельмана; Магнитофонная запись беседы с Годой Клейманс-Ропской (Хайфа, 21 нояб. 2002 г.; хранится в личном архиве М. Вексельмана).]

42. Фамилии артистов установлены по афише гастролей Гос. ансамбля артистов Ташкентской филармонии (ансамбля Клары Юнг), отпечатанной в типографии Облисполкома г. Чита в 1944 г. (Афиша хранится в личном архиве М. Вексельмана.)

43. См: «Правда Востока»., 1943. 3 февр.; 6 февр.; 14 марта.

44. См.: Командировочное удостоверение артистки ансамбля Г.Н. Клейманс № 277 от 19 марта 1943 г.

45. См: Справка № 132 от 7 июля 1943 г., выданная Г.Н. Клейманс Узбекской госфилармонией (хранится в личном архиве М. Вексельмана).

46. См: ЦГА Узбекистана. Ф. Р-2366. Оп. 1. Ед. 31. Л. 24.

47. См: Командировочное удостоверение Г.Н. Клейманс № 24 от 12 июня 1944 г.

48. Справка № 14 от 14 дек. 1944 г., выданная Узбекской госфилармонией артистке Г.Н. Клейманс (хранится в личном архиве М. Вексельмана).

49. См. Афишу, упомянутую в сноске 42.

50. См: «Правда Востока». 1945. 26 мая; 30 мая; 4 июня; 11 июня.

51. См: Командировочное удостоверение № 20 от 18 июня 1945 г., выданное артистке Г.Н. Клейманс

Ансамбль еврейской оперетты Анны Гузик

52. Магнитофонная запись беседы с Галиной Амуровой – дочерью артистки Сони Амуровой (Гузик) (Хайфа, ноябрь 2002 г.; хранится в личном архиве М. Вексельмана); Театральный архив при Тель-Авивском университете. Личный фонд Анны Гузик. Интервью Аси Рожанской «Одна из блуждающих звезд» (ксерокопия).

53. Стольский А. Воспоминания… // «Евр. камертон». 2001. 31 мая.

54. Оберберг А.Г. – еврейский актер. Сценическую деятельность начал в 20-х годах в различных театральных труппах. С осени 1930 до середины 1934 гг. – артист Киевского театра еврейской оперетты. В 1934 г. – актер Театра оперетты Клары Юнг. В 1935 г. поступил в труппу Анны Гузик. Стольский А. Воспоминания… // «Евр. камертон», 2001. 31 мая; Копельман С. Юнг… С. 40.

55. Гольдберг Самуил Израилевич – известный еврейский актер, певец, первый муж Анны Гузик. В 1927 – 1930 гг. – артист театра Якова Гузика, с осени 1930 до середины 1934 гг. – артист Киевского театра еврейской оперетты. С 1935 г. – артист труппы Анны Гузик (Копельман С. Юнг… С. 40).

56. Гросман Г.Л. – известный еврейский артист. С осени 1930 до середины 1934 гг. – артист Киевского театра еврейской оперетты. С 1935 г. – артист труппы Анны Гузик.

57. Цит. по машинописной копии рецензии, опубликованной в газете «Советское искусство». Хранится в Театральном архиве при Тель-Авивском университете. Личный фонд Анны Гузик.

58. Цит. по машинописной копии рецензии, опубликованной в газете «Веч. Москва». 1938. Окт. Хранится в Театральном архиве при Тель-Авивском ун-те. Личный фонд А. Гузик.

59. Магнитофонная запись беседы с Галиной Амуровой.

60. См.: «Новая газета» (Нью-Йорк). 1981. 9-15 мая.

61. «Правда Востока». 1942. 28 марта.

62. Магнитофонная запись беседы с Галиной Амуровой.

63. См.: Список городов, в которых гастролировал ансамбль Анны Гузик, составленный, очевидно, в 1981 – 1982 гг. Хранится в Театральном архиве при Тель-Авивском университете. Личный фонд Анны Гузик; магнитофонная запись беседы с Галиной Амуровой.

64. Ансамбль Анны Гузик не был государственным, а назывался Ленинградским ансамблем еврейской оперетты и эстрады. Во время гастролей по городам Советского Союза очень часто слово «еврейской» опускался, и труппа называлась «Ленинградский ансамбль оперетты» или «Ансамбль ленинградских мастеров оперетты». Во время военных гастролей большинство номеров программы исполнялось на рус. языке, и лишь Анна Гузик исполняла некоторые песни на идиш.

65. См.: «Советский Сахалин». 1942. 5 июля (№158). Цит. по машинописной копии рецензии, хранящейся в Театральном архиве при Тель-Авивском университете.

66. Цит. по машинописной копии рецензии, хранящейся в Театральном архиве при Тель-Авивском университете. Название газеты на ней не указано, но, вероятно, это «Советский Сахалин».

67. См.: «Правда Востока». 1943. 2 июля.

68. См.: Там же. 4 июля.

69. См.: Там же. 7 июля.

70. См.: Там же. 9 июля.

71. Магнитофонная запись беседы с Галиной Амуровой.

О последующих периодах в творческом пути Анны Гузик см.: Вексельман М. «Блуждающая звезда» – Анна Гузик // Контекст (Прилож. к газ. «Новости недели»). 2003. 18 дек. С. 36 – 38.

КРАТКАЯ БИБЛИОГРАФИЯ

Азарх-Грановская А.В. Беседы с Дувакиным. – М.; Иерусалим, 2001.

Вовси-Михоэлс Н.С. Мой отец Соломон Михоэлс. – М., 1996.

Гейзер М. Соломон Михоэлс. М., 1990.

Гейзер М. Михоэлс: Жизнь и смерть. М., 1998.

Еврейский театр в Советском Союзе / под ред. М. Альтшулера. – Иерусалим, 1996 (на иврите).

Зускина-Перельман А. Путешествие Вениамина. Размышления о жизни, творчестве и судьбе еврейского актера Вениамина Зускина. – М.; Иерусалим, 2002.

Лоев М. Украденная муза: Воспоминания о Киевском Государственном еврейском театре им. Шолом-Алейхема (Харьков – Киев – Черновцы). 1925 – 1950. – Киев, 2004.

Любомирский О. Заметки об Одесском ГОСЕТе // Театр. 1939. № 10.

Лямпе Г.М., Лямпе М.Г. Воспоминания… // «Шорашим» (Нью-Йорк). 1991. 2 янв. – 19 мая.

Михоэлс. Статьи, беседы, речи. Статьи и воспоминания о Михоэлсе. – М., 1981.

Михоэлс Соломон. Исследования, архивы, библиография. – М. 1999.

Копельман С. Сыновьим сердцем. – Спрингфильд, 1986.

Копельман С. Юнг – значит молодая. – Спрингфильд, 1987.

Копельман С. Его привилегия // Алеф. 1989. Июнь. № 279.

Сиди Таль в воспоминаниях современников. – М., 1993.

Алфавитный указатель пьес, поставленных еврейскими театрами и упомянутых в тексте книги

ИМЕННОЙ УКАЗАТЕЛЬ

ИМЕННОЙ УКАЗАТЕЛЬ

СОДЕРЖАНИЕ

CONTENTS

ABOUT AUTHOR

*M*ax Vekselman was born in 1931 in Ukraine. In 1941 he was evacuated to Tashkent, Uzbekistan, and later stayed there to reside. In 1953 he graduated from the Faculty of History, Central Asian State University, and in 1964 earned Doctorate Degree after Postgraduate Courses of Moscow Historical Archives Institute. The thesis was on «Data Sources Study and Auxiliary Historical Sciences». From 1945 to 1965 Mr. Vekselman worked as an archivist and research scientist in several State Archives of Uzbekistan, and later – up to 1991 – taught at Tashkent State University. From 1972 to 1990 he was a member of Research Advisory Board of Uzbekistan Main Archive.

From March 1991, Mr. Vekselman resides in Israel; In 1993 – 1997 worked as Researcher Historian at Ben-Gurion University of the Negev, Beer-Sheva.

Max Vekselman is the author of over 60 scientific publications on history of Central Asia, including Jewish history in Uzbekistan. In 1994 – 2005 he published in periodical press of Israel and the USA several essays on history, actors and directors of Jewish theatres in the USSR.

SUMMARY

*T*he book «Jewish (Yiddish) theatres in Uzbekistan. 1933 – 1947» by historian Max Vekselman is one of the first researches on history of Jewish (Yiddish) theatre in the ex-USSR. Chronologically the book covers prewar and wartime, as well as several postwar years. Historical events described in the book took place mainly in Uzbekistan. During and after Second World War Uzbekistan was home for many Jewish groups: Moscow, Kiev, Kharkov, Odessa and L'vov State Jewish Theatres, and also well-known Jewish theatrical groups directed by Sidi Tahl,

Clara Yung and Hannah Guzik. For some of these theatres wartime period (in evacuation) became the last stage of their scene activities.

The author began to work on the book in 80's, collecting and using numerous sources: archive documents, memories of Jewish actors and their close relatives, literary sources and periodical press publications of those years.

The book is well illustrated with unique pictures; most of them are to be published for the first time. The edition has also comprehensive cross-references to original data sources with easy navigation. Unique subject and life, clear language make the book by Vekselman highly attractive to wide audience interested in Jewish culture.

***М*акс Вексельман** родился в 1931 г. на Украине. В 1941 г. эвакуировался в Ташкент, где и остался жить. С детства увлекался историей, еще школьником начал работать в архиве.

В 1948 – 1953 гг. учился на истфаке Среднеазиатского государственного университета, а в 1964 г., по завершении аспирантуры Московского историко-архивного института, защитил кандидатскую диссертацию по специальности «источниковедение и вспомогательные исторические науки». В течение 20-ти лет (1945 – 1965 гг.) работал научным сотрудником в ряде государственных архивов Узбекистана, а затем – до 1991 г. – преподавал в Ташкентском государственном университете. С 1972 по 1990 гг. был членом научного совета Главного архивного управления Узбекистана.

С марта 1991 года живет в Израиле. В 1993 – 1997 гг. работал историком-исследователем в Университете им. Бен-Гуриона в Негеве (Беэр-Шева).

Макс Вексельман – автор более 60 научных работ, связанных с историей Средней Азии, в том числе с историей евреев в Узбекистане. Его работы опубликованы в журналах «История СССР» и «Исторические записки» (Москва), «Вестник еврейского университета в Москве», «Швут» (Израиль, на англ. яз.) и др. В 1994 – 2005 гг. он опубликовал в периодической печати Израиля и США ряд очерков по истории еврейских театров в СССР, а также об артистах и режиссерах этих театров.